

• VK.COM/TR_BOOKS_VK •

КЭРРИ БАРРЕТ

Девушка с картины

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ. ОДИН ДОМ.
ВЕКОВЫЕ ТАЙНЫ.

Две женщины. Один дом. Вековые тайны. Побережье Восточного Сассекса, 1855 год
Вайолет Харгривз — начинающий художник прерафаэлитского направления и единственная дочь вдовствующего промышленника. Однажды наивная восемнадцатилетняя девушка встречает на пляже Эдвина — таинственного красавца, обещающего ей мир за пределами маленькой прибрежной деревушки, в которой застряла Вайолет. Девушка игнорирует предупреждения о молодом человеке, и для нее начинается цепь ужасных событий... Побережье Восточного Сассекса, 2016 год
Для писательницы, автора триллеров Эллы Дэниелс дом на скале — идеальное место, в которое она решает перебраться со своей маленькой семьей в попытке преодоления творческого кризиса. Но с их переездом в доме воцаряется странная атмосфера. Появляются слухи об убийствах по соседству, произошедших много лет назад. Однажды ночью Элла обнаруживает портрет красивой молодой девушки по имени Вайолет Харгривз, пропавшей без вести одновременно с ужасными преступлениями. Писательница решает выяснить, что же произошло сто шестьдесят лет назад. Пытаясь упокоить дух Вайолет, Элла должна посмотреть в глаза собственным призракам... История о призраках, путешествующих во времени, идеально подходит для поклонников Кейт Риордан, Трейси Риз, Кейт Мортон и Люсинды Райли.

Переводчик: [La-Lune La-Lune](#)

Редактор и оформитель: Дафна

Вычитка: Светлана Павлова

Русификация обложки: VySashka

Специально для группы:

Книжный червь / Переводы книг — vk.com/tr_books_vk

Глава 1

Наши дни

Элла

— Он идеальный, — сказал Бен. — Просто идеальный дом для нас.

Я улыбнулась, услышав волнение в его голосе.

— На что похож?

Расстройство желудка приковало меня к постели, но самочувствие внезапно улучшилось. Прислонившись к изголовью, я посмотрела из окна на серую лондонскую улицу. В воздухе веяло дождем, небо потемнело, хотя был полдень.

— Пришлю несколько фотографий, — сообщил Бен. — Тебе понравится. Вид на море, безлюдный, но не изолированный пляж... — Он замолчал. — И... — Последовал странный звук, который должен был, как я догадалась, изобразить звуки фанфар.

— Что? — хихикнула я. — Что еще там есть?

Бен ликовал.

— Всего лишь комната на чердаке.

— Нет! — воскликнула я. — Кабинет? Не может быть!

— Все может быть! Видишь? Дом создан для нас!

Я огляделась. Ноутбук едва помещался на краю туалетного столика, выполнявшего и роль стола, который в свою очередь был втиснут в угол нашей спальни. Мы были счастливы

в этом тесном, безопасном доме с террасой. Здесь родились сыновья. И вот новая страница открывалась перед нами, как бы ни ужасала меня сама мысль. И только представьте: собственный уголок для работы! Какая роскошь! Я посмотрела на разбросанные по полу заметки для следующей книги и улыбнулась.

— Что думают мальчишки? — поинтересовалась я.

— Они спят, — сказал Бен. — Идет дождь, мы все в машине. Я звонил агенту по недвижимости, он уже едет. Так что через минуту разбужу детей.

— Позвони мне, когда он придет, — попросила я. — Звони по «Фейстайм». Хочу посмотреть на дом.

— Хорошо. Скоро перезвоню.

Я завершила звонок и прислонилась к подушке, радуясь, что не поехала в Сассекс. Хотя мне определенно лучше: рвота не мучила вот уже несколько часов, но все равно еще слегка мутило.

Я взяла стакан воды с прикроватного столика и прижала его к горячему лбу, думая о доме. Мы заметили его еще весной в спонтанные выходные. У Бена было собеседование в футбольном клубе в Брайтоне. Не просто собеседование. А СОБЕСЕДОВАНИЕ и должность его мечты: главного физиотерапевта профессиональной спортивной команды. Работа, к которой он стремился с тех пор, как получил квалификацию. Большие деньги, удивительные возможности.

В последнюю минуту мы с ребятами решили поехать с ним. Пока Бен проходил интервью, я бродила по узким переулкам Брайтона со Стэнли в коляске и Оскаром на самокате рядом. Восхищалась счастливыми семьями вокруг и тем, как поднималось настроение при виде моря, мерцающего под солнцем в конце каждой пройденной улицы. В тот день я чувствовала: все возможно, надо лишь хвататься за каждый счастливый шанс. Потому что знала очень хорошо, насколько мимолетным он может быть.

На следующий день, после того как Бену предложили работу, мы отправились на прогулку к уединенному пляжу. Сидя на гальке, наблюдали, как вдоль побережья носились мальчишки.

— Мне здесь нравится, — сказала я, положив голову на бедро Бена.

Я видела низкие скалы, окаймлявшие пляж, верхушки деревенских домов с видом на море и на вершине скалы слегка перекошенный знак «Сдается».

— Было бы здорово поселиться там. — Я указала на знак. — Там наверху. Давай снимем тот дом.

Бен сощурился на весеннем солнце.

— Да здорово, — сказал он. — Не слишком ли спонтанно для тебя?

Я улыбнулась. Муж прав. Я никогда не рисковала. Всегда планировала, изучала, проверяла. Никогда в жизни не руководствовалась лишь желаниями. Но внезапно поняла, что настроена серьезно.

— Я чуть не умерла, когда родился Стэнли. И он тоже чудом выжил.

Казалось, Бену стало дурно.

— Я знаю, Элла, — мягко произнес он. — Знаю. Но ты здесь, и Стэн с нами, жив и здоров.

Мы посмотрели на побережье, где Стэнли, трехлетний крепыш, копал яму и смотрел, как она заполняется водой.

— Жив и здоров, — повторил Бен.

Я взяла мужа за руку, отчаянно пытаюсь передать ему свои чувства.

— Знаю, что знаешь. Но из-за того, что случилось с моей мамой, я всегда боялась рисковать. Всегда выбирала простой и безопасный вариант.

Бен начал беспокоиться.

— Элла, что это значит? Откуда такие мысли?

— Послушай. Просто послушай. Я налоговый бухгалтер. Черт возьми, я никогда не рискую. Никогда. Вот уже десять лет мы живем в нашем доме. Я не езжу в метро в час пик. Не беру напрокат гидроцикл в медовый месяц. И вдруг понимаю, что так жить — безумие. Потому что, если я чему-то и научилась, так это тому, что даже когда ты избегаешь опасностей, они все равно происходят. Во время беременности я все делала правильно. Ни выпивки, ни мягкого сыра. Смешно, но даже не красила волосы. И, несмотря на все предосторожности, едва не умерла. Оскар чуть не потерял маму так же, как я потеряла свою. А ты едва не потерял жену. И маленького Стэнли.

— И что? Спустя три года ты внезапно решила жить, рискуя? — изумился Бен.

Я скорчила гримасу.

— Все еще нет гидроциклам. Но понимаю, что есть вещи, ради которых стоит попробовать.

Я указала на дом на скале.

— Как этот дом.

— Ты серьезно?

Я видела взволнованность мужа, которую он пытался скрыть от меня на случай, если я передумаю.

— И не будешь скучать по Лондону?

— Нет, — медленно произнесла я. — Не думаю. Если захочется городской жизни — Брайтон достаточно оживлен. А в остальное время я буду счастлива там, где темп жизни спокойнее.

Я замолчала.

— Сможем ли мы обеспечить себя, если я уволюсь?

— Думаю, да, — сказал Бен. — Моя новая работа хорошо оплачивается, и...

— Есть мои романы, — закончила я за него.

Наряду со смертельно скучной карьерой в налоговом учете, я писала романы о частном детективе Тессе Гилрой, волнующе опасная жизнь которой была противоположна моей. Первая книга пользовалась небольшой популярностью, даже заставила немного говорить о себе. Вторая довольно хорошо разошлась. И на этом все. С тех пор, как появился Стэн, я почти ничего не писала. Срок сдачи давно прошел, и редактор все больше раздражался.

— Может, смена обстановки поможет. Может, покинув работу и Лондон, я преодолею творческий кризис, и у меня вновь появится желание писать.

Таким было начало.

Бен, начав работу в футбольном клубе, каждый день до нашего переезда и моего увольнения, ездил в Сассекс. Ну, увольнение — громко сказано, скорее было чувство, что я просто ушла с деловой встречи, хотя результат тот же. Я надеялась, что меняла скучный мир налогового учета на писательство.

Снова зазвонил телефон, избавив меня от воспоминаний.

— Готова? — с экрана улыбался Бен.

— Нервничаю. Что, если мы возненавидим его?

— Тогда найдем что-нибудь другое, — сказал Бен. — Не велика потеря.

Я слышала его разговор с агентом по недвижимости и засмеялась, когда взъерошенные головы мальчишек пронеслись мимо.

Конечно, крошечный экран моего телефона не передавал всей атмосферы, но того, что показывал Бен, было достаточно, чтобы понять — дом идеален. Большие комнаты, огромная кухня, красивый сад, ведущий к пляжу, где мы сидели несколько месяцев назад, гостиная с потрясающим видом на море.

— Покажи, что наверху, — попросила я, желая увидеть комнату на чердаке.

Сигнал был слабым, и хотя я слышала, как Бен поднимался по лестнице, ничего не видела.

— Три большие спальни и одна поменьше, — сказал мне Бен. — Немного старомодная ванная комната, выходящая в комнату персикового цвета.

Я скорчила рожицу — ладно, сойдет для съемного дома. Я не собиралась рисковать продажей лондонской квартиры, не будучи уверенной, что мы осядем в Сассексе. Поэтому из-за декора особо не переживала.

— ...а наверху мансарда — пустая, окрашенная в белый цвет комната со встроенными шкафами, огромными окнами с видом на море и дощатым полом, — сказал Бен. — Идеально для твоего кабинета.

На минуту я лишилась дара речи — не могла поверить, что все так прекрасно складывалось.

— Серьезно? Мой собственный кабинет?

— Серьезно, — ответил Бен.

— Мальчишкам нравится?

— Они хотят завести собаку.

Я рассмеялась:

— Конечно, мы заведем собаку.

— Они уже выбрали себе спальни. До этого носились по саду как угорелые. Думаю, как только сядут в машину, сразу вырубятся.

— Тогда сделаем это, — сказал я. — Подписывай все, что нужно.

— А ты не хочешь сама осмотреть дом? — осторожно предложил Бен. — Посетить школы. Убедиться, что все так, как ты хочешь?

Когда-то я бы так и поступила, но не сейчас. Сейчас мне хотелось приступить к новой жизни.

— Может, ты хочешь переговорить с отцом?

— Нет.

Я была категорична, потому что знала — папа непременно попытается отговорить нас. Он еще ничего не знал о переезде, даже о моем увольнении. Ему лишь было известно, что Бен будет ездить на новую работу, а я продолжу жить как прежде.

Свою осторожность я унаследовала от отца и всю жизнь изо всех сил старалась соответствовать его требованиям. Никогда не страдала кризисами подросткового возраста, не зависала в пабах до совершеннолетия, не задерживалась даже на пять минут позже оговоренного времени. Отец был адвокатом, я выбрала профессию юриста по его совету, а затем следовала его рекомендациям относительно карьеры.

Этот переезд можно считать моим первым бунтом. Я знала, отец придет в ужас от того, что я бросила стабильную работу, внук сменил школу, а наш лондонский дом сдан в аренду.

И даже, несмотря на то, что, переезжая в Сассекс, мы будем ближе к папе, чем меньше он будет знать о наших планах, тем лучше для всех.

— Мы можем приехать снова на следующих выходных, — сказал Бен. — Когда тебе будет лучше.

— Нет, — произнесла я, сходу приняв решение. — Не хочу рисковать потерей дома. Нам повезло, что он так долго пустовал, давай не будем искушать судьбу. Подписывай.

— Уверена? — спросил Бен.

— Уверена.

— Отлично. — В его голосе снова послышалось волнение и что-то еще, возможно, облегчение. Он будет рад уехать из Лондона.

— Элла?

— Да?

— Я был счастлив, — сказал он с нежностью в голосе. — В Лондоне, с тобой и мальчиками. Очень счастлив. Но будет еще лучше. Обещаю. Мы делаем решительный шаг. Знаю, страшно и немного спонтанно, но мы вместе, и у нас все получится.

Внезапно я почувствовала ком в горле.

— Да, — ответила я.

— Мы сильны, ты и я, — сказал Бен. — И Оскар, и Стэн. Мы правильно поступаем.

— Да. Мы будем счастливы.

Глава 2

С тех пор у меня едва хватало времени на передышку, что было очень кстати. Если бы я спокойно села и обдумала наши планы, то отказалась бы от них. Потому что, положив руку на сердце, переезд меня пугал.

На бумаге дом был идеальным, и я доверилась мнению Бена. Мои волнения по поводу того, что выбор нового жилья прошел без меня, и я в нем даже не приняла участие, всплыли на поверхность. Я успокаивала себя тем, что первая заметила дом, осмотрела его интерьер по «Фейстайм», и после на странице агентства недвижимости. Я с самого начала участвовала в принятии решения. Сейчас я сосредоточилась на поиске арендаторов нашего лондонского жилья с неприличной поспешностью. Примеряла размеры старого потрепанного дивана под новую гостиную, выясняла, понадобятся ли мальчиками новые кровати, и мечтала о собственном рабочем кабинете — убежище, запрятанном на чердаке.

Единственной ложкой дегтя был отец, но нужно все рассказать ему. Поэтому примерно за неделю до нашего переезда, как раз перед тем, как закончить работу, я освободила полдня и поехала в Кент, чтобы увидеться с ним и мачехой Барб.

— Хорошо бы пойти на поздний ланч в паб, — предложила я им, подумав, что, если папа услышит новость в публичном месте, все пройдет мирно.

Я вздохнула с облегчением, когда они кивнули, и мы направились в местную забегаловку. Честно говоря, без понятия, какой будет реакция, потому что никогда до этого дня я не делала что-то без предварительного одобрения отца.

— Нормально он отреагирует, — заверил Бен. — Ты слишком накручиваешь себя. Он просто желает тебе счастья.

Но я не была так уверена. Боюсь, мои взаимоотношения с отцом были хорошими до тех пор, пока я поступала так, как хотел он. Я знала, он будет нервничать, говорить, что мы рискуем, будет надеяться, что я прислушаюсь к его доводам, потом признаю его правоту и откажусь от затеи. Но на этот раз я собиралась поступить по-своему и была настроена

решительно.

Я выросла в Танбридж Уэллс, отец больше не жил в этом доме. После моего поступления в университет, он с женой Барб, которую я обожала, поселился недалеко от меня, но все-таки достаточно далеко, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Как дела у Бена на работе? — поинтересовался он, когда мы устроились за столом.

— Хорошо. Очень хорошо.

— Дорога на работу утомляет?

— Ужасно, — согласилась я. — Поэтому мы приняли решение.

Папа и Барб посмотрели на меня, и я, вздохнув, посвятила их в семейные планы.

— Прекрасный дом. Мы пока арендуем, хотя Бен сказал, что хозяин готов продать, если нам понравится.

— Замечательно. — Барб улыбнулась мне. — Но теперь тебе придется ездить на работу, не так ли?

Повисла пауза.

— Ну, — начала я, — вообще-то...

Папа снял очки и потер переносицу. Я почувствовала, как уверенность покидает меня.

— Вообще-то? — поторопил он меня.

— Вообще-то, я подала заявление об уходе.

Залпом осушив стакан с газировкой, я пожалела, что не заказала джин. Барб и папа посмотрели друг на друга.

— Важное решение, — осторожно произнесла мачеха.

— Так и есть, — ответила я. — Мы уверены, что поступаем правильно. Зарплаты Бена хватит на проживание, а я буду писать.

Папа кивнул, словно приняв решение.

— Лучше взять годичный отпуск, — сказал он. — Что они сказали при увольнении? Если отказали, надо заставить их передумать. Могу переговорить с Питом со старой работы, если хочешь. Он эксперт в трудовом праве...

— Папа, я не просила годичный отпуск, потому что мне он не нужен. Я уйду с работы и собираюсь заниматься писательством на постоянной основе. Мы все спланировали.

Отец внимательно посмотрел на меня.

— Нет, Элла, — сказал он. — Слишком рискованно. Что если у Бена не сложится с работой? Или у мальчиков? Ты была в школе Оскара? Он умный паренек и ему нужна соответствующая обстановка. И даже не думайте продавать дом в Лондоне. Как только уедете из столицы, уже вряд ли сможете вернуться к прежнему уровню. С нынешними ценами на дома.

— Папа, все хорошо. Мы знаем, что делаем.

— Я сейчас позвоню Питу. Куда я дел этот треклятый телефон?

— Папа, — на этот раз резким тоном перебила его я. — Прекрати!

Отец поморщился.

— Тише, Элла. Что не так?

Я покачала головой.

— Знала, что ты так поступишь. Знала, что будешь против нашего переезда, против моего ухода с работы.

— Я лишь волнуюсь за вас.

Проблеск сочувствия мелькнул в душе. Конечно, он волновался. Когда я была

маленькой, мы цеплялись друг за друга, словно боялись утонуть. Но я выросла, больше нет смысла так себя вести.

— Не надо, — строже, чем хотела, произнесла я. — Не волнуйся. Мы в порядке: я, Бен, мальчишки.

Барб накрыла своей рукой папину руку, будто уговаривая оставить тему. Но отец есть отец. Он не понял намека.

— Позвоню Питу. На всякий случай.

Я резко отодвинула стул и встала.

— Нет! — сказал я. — Не смей!

Папа и Барб выглядели ошеломленными — и неудивительно. Я никогда раньше не повышала голос на отца. Никогда не возражала даже против его выбора еды на вынос перед вечерним просмотром фильмов.

— Элла, ты слишком бурно реагируешь.

Но это лишь подстегнуло мою решительность.

— Я не реагирую бурно. Но хочу, чтобы ты понял, что происходит. Я уйду с работы, и мы переезжаем в Сассекс и, между прочим, будем ближе к тебе. Думала, ты обрадуешься.

Мой голос срывался на крик, я чувствовала, что вот-вот разревусь. Папа молча смотрел на меня, потрясенный.

— Да, рискованно, но мы решили рискнуть, — продолжила я. — Потому что все может измениться в одно мгновение. И тебе это известно лучше всех, папа.

Отец кивнул, ничего не сказав.

— Я знала, ты не одобришь. И мне жаль, что со мной трудно, или что тебе не нравятся мои планы и поэтому ты больше не хочешь иметь со мной ничего общего. Но будет именно так.

— Элла... — начал отец. — Элла, я не понимаю.

— О, ты все понимаешь. — Мой голос был наполнен ядом. Все переживания о переезде и о том, как бы рассказать отцу об этом вырвались наружу. Я наклонилась над столом в его сторону. — Ты все понимаешь. Я всегда была пай-девочкой и делала то, что ты ожидал от меня, не так ли?

Отец был сбит с толку. Позже, снова и снова проигрывая разговор (если можно так сказать, ведь на самом деле говорила лишь я), искреннее замешательство на лице, боль в глазах отца разрывали мне сердце. Но в тот момент я думала лишь о том, чтобы доказать свою правоту.

— Впервые в жизни я делаю то, что хочу, — сказала я. — И мое желание не совпадает с твоим. И все равно будет так, как мы с мужем решили. — Я подхватила сумочку. — И ты не сможешь выставить меня в этот раз, я сама уйду.

Игнорируя изумленное выражение отца и утешающую руку Барб на его руке, я перекинула пальто через плечо, вышла из паба и спустилась вниз по дороге к машине. Некоторое время сидела в ней, закрыв лицо руками и тихо всхлипывая, неуверенная в том, что произошло и, чувствуя, что поступила ужасно неправильно.

Глава 3

Из Кента я возвращалась домой в каком-то оцепенении, не обращая внимания на экран телефона, где высвечивались пропущенные звонки от папы. И в последующие дни, когда мы упаковывались и прощались с лондонскими друзьями, упорно избегала его и Барб.

— Позвони отцу, — попросил Бен, лежа в постели по случаю своего выходного. Ему

предстояло завершить сборы, выпить чай, прочитать биографию неизвестного мне футболиста.

Я, игнорируя просьбу, готовилась к последнему рабочему дню: аккуратно уложила волосы, надела деловой костюм и практичные туфли.

— Приду вовремя. Не останусь на выпивку или что-то подобное. А потом выброшу ненавистный костюм и сменю прическу.

— Рад за тебя. Тогда позвони ему из парикмахерской.

Я нахмурилась.

— Позвоню, когда устроимся. Приглашу их на выходные. Все будет хорошо.

В день переезда, когда мы уже подъезжали к новому дому, я почувствовала, как сдают нервы. Конечно, я знала, как выглядит здание, видела много раз его крышу со стороны пляжа. Но глядя на наше жилище вблизи в реальной жизни, внезапно ощутила, какое важное решение пришлось принять Бену. Мне внезапно вспомнились и легли на сердце тяжелым грузом все предостережения отца о рисках без запасного плана.

Дом из красноватого кирпича, с белым фронтоном показался некрасивым. Трехэтажный, приземистый к концу аллеи, он стоял под прямым углом к соседним домам. Задний фасад, выходивший на море, на который мы любовались последние месяцы со стороны пляжа, оказался намного симпатичнее главного. Образ довершали нелепая пристройка сбоку и несочетающиеся окна. Он был далек от общего представления наших знакомых о коттеджах в Сассексе, похожих на аккуратные коробки от шоколадных конфет. Но Бен был непоколебим в том, что именно такое жилище нам нужно. И даже факт, что здание долгое время пустовало, лишь благоприятный знак, по убеждению мужа. Я слышала, как он рассказывал друзьям, что если бы нам выпал шанс, мы спроектировали точно такой же дизайн для себя. Я надеялась, что супруг прав, но уверенность покинула меня прямо на пороге новой жизни.

Я припарковала машину на подъездной дорожке, еще раз бросив взгляд на дом, и улыбнулась мужу. Его энтузиазм заражал, несмотря на мои опасения. Когда-то здание, наверное, считалось большим, но теперь было слегка заброшенным и нуждалось в заботливых руках. Возможно, мы подарим ему новую жизнь. А если решим купить, то пристроим зимний сад, чтобы оттуда любоваться морем.

Я отстегивала ремень безопасности, когда Бен взял мою руку.

— Еще не поздно передумать, — шепотом, чтобы мальчики не слышали, произнес он. — Мы можем вернуться в Лондон, только скажи.

Снова подкрался страх. Работа в клубе — большой прорыв для мужа, он обязан добиться успеха. Ведь с моим увольнением финансовое обеспечение семьи на его плечах. Пока все шло хорошо, но на работе со множеством ценных игроков, на мужа оказывалось сильное давление. Он постоянно говорил, что ноги, за которыми присматривает, стоят миллионы или около того. При этом, не написав ни строчки за многие месяцы, я сообщила своему редактору, что собираюсь приступить к работе. И уже сожалела о своей поспешности, потому что идей не было и, что хуже, мотивации тоже, а Лида уже дышала в затылок, отчаянно требуя книгу. Беспокойные мысли одолевали меня. Бен слишком много взял на себя, к тому же возлагал большие надежды на дом. А что, если я больше не смогу писать? А если в клубе у мужа не сложится? Прав ли был отец, когда предупреждал, что мы совершаем ужасную ошибку?

— Абсолютно не хочу возвращаться в Лондон, — больше убеждая себя, вздохнула я и

сжала руку Бена. — Мы поступаем правильно.

Взгляд мужа задержался на мне.

— Тогда пошли смотреть.

Я наклонилась, чтобы отстегнуть автокресло Стэна и уверенно произнесла:

— Все будет отлично!

— В отличном доме, с отличной семьей? — Бен засмеялся с явным облегчением. А может, тоже нервничал? — Почему должно быть по-другому?

Он помог Стэну выйти из машины, а потом заключил его в объятия.

— Что думаешь, малыш? Что думаешь о новом доме?

Сын ударил отца по голове деревянным паровозом «Томас».

— Хороший, — ответил мальчик. — Хороший дом.

Оскар дернул меня за руку:

— Пойдем! Ну, давай же, мамочка!

Он потянул меня сначала из машины, а потом вверх по тропинке.

— Быстро-быстро-быстро, — скороговоркой пыхтел он, таща меня за руку.

Рассмеявшись, я бросила Бену ключ от машины, чтобы он мог закрыть ее. Стэн вырвался из отцовских объятий и поспешил присоединиться к нам. Я чувствовала взгляд мужа и думала, что для собственного счастья в новом доме мы обязаны постараться. И Бен прав. Почему должно быть по-другому?

— Дом открыт, — прокричал супруг.

Оскар схватился за ручку, и дверь поддалась.

— Мамочка, мамочка, — задыхался от восторга малыш, когда мы прошли через главный вход. — Посмотри на лестницу.

— Лестница, мамочка, — эхом отозвался Стэн.

— Мамочка, а можно собаку? Папа сказал, что мы можем завести собаку. Можно?

Шутливо борясь за право первым показать мне интерьер, мальчики и Бен упали друг на друга. Я повеселела, позволив им водить себя по комнатам.

— Смотри, мама, там еще холодильник, — с гордостью проговорил Оскар, когда я восхищенно остановилась в большой, старомодной кухне, куда сквозь блестящие окна проникал солнечный свет.

Дом искрился от чистоты. Бен сказал, что поскольку здание некоторое время пустовало, Майк — агент по недвижимости, организовал уборку. И, правда, в комнатах, наполненных светом, все сияло. Но, как ни странно, мне это не помогло избавиться от беспокойных мыслей.

Бен радовался, демонстрируя интерьер. Я видела, он действительно проникся любовью к дому. А я? Было немного забавно. Почему-то все казалось временным, и поэтому тревожным. Как будто на самом деле здесь все не наше. Наверное, нужно привыкнуть, вот и все. Разложить вещи, обустроиться.

— Чудесно, — проговорила я, сжимая руку мужа.

Внезапно, охваченная нестерпимым желанием выбраться наружу, я, под предлогом осмотра сада, вышла через французские двери на лужайку. Прислушиваясь к взволнованным голосам сыновей, прошла до конца заднего двора, глубоко дыша.

В саду росли деревья, за которыми скалистая тропа вела вниз к узкому, каменистому пляжу. Там волны обрушивались на гальку.

— Поразительно! — вслух произнесла я. — Невероятно!

В лондонском доме с крошечным двориком мальчики бродили, как тигры в клетках. Здесь же они могли бегать, плавать в море, собирать ракушки, вволю выплескивать накопленную энергию и ничего не бояться. Идеальное место, говорила я себе. Прекрасное детство в прекрасном месте.

Мысли о доме заставили вздрогнуть. Я развернулась и пошла прочь от моря через лужайку к черному входу, но не смогла заставить себя войти внутрь. Вместо этого устроилась на траве, скрестив ноги, и начала рассматривать здание.

Со стороны заднего фасада строение не было столь уродливым. Окрашенное в белый цвет, оно контрастировало с красным кирпичом главного входа. Под яркими лучами солнца уже не казалось построенным наспех. «Какая же я глупая», — мрачно подумалось мне. Ведь жить рядом с морем, где много света — прекрасно. Здешняя обстановка вдохновляет на то, чтоб вновь взяться за перо.

Солнце зашло за облака. Я посмотрела на верхнюю часть здания, пытаюсь сообразить, какие окна принадлежат моему кабинету. На верхнем этаже было два больших окна, выпускающих потоки света внутрь и одно маленькое. Радость охватила меня. Захотелось побыстрее осмотреть чердак, который с таким энтузиазмом описывал муж. С надеждой, что частичка его ликования перепадет мне и подстегнет к работе, я вскочила на ноги.

Внезапное движение в верхней части дома привлекло внимание. Было плохо видно, я моргнула и еще раз внимательно посмотрела на окна. Там кто-то стоял. Без сомнения, человеческая фигура.

Во рту пересохло.

— Бен, — закричала я, думая, что в окне муж. — Бен!

Он выглянул из французских окон гостиной первого этажа.

— Что случилось? В чем дело?

Я посмотрела на супруга, быстро переведя взгляд на чердак. Никого. Вероятно, разыгралось воображение. С усилием я улыбнулась в ответ.

— Показалось, кто-то наверху. У меня видения, должно быть, переутомилась. Где мальчики?

Бен вышел в сад, щурясь на солнце.

— На кухне, — сказал он. — Где и кого ты увидела?

Я указала на окно, и в ту же секунду из-за туч вышло солнце и ослепило меня солнечным зайчиком, отраженным от оконного стекла.

— Должно быть, оптический обман, — зажмурилась я.

— Должно быть. Потому что там никого нет. — Бен мягко подтолкнул меня. — Иди внутрь и выпей чашечку чая. Я распаковал чайник. Мы все устали, и небольшая передышка не будет лишней.

Глава 4

Я позволила мужу проводить себя внутрь дома, размышляя об оптическом обмане. Ведь бывает же, что какие-то предметы ошибочно принимаются за людей? Возможно, так и получилось в моем случае.

Бен заваривал чай, а я, расслабившись, болтала с мальчиками. Может, они захотят завтра поплавать на лодке? Дом казался слишком большим без мебели, и голоса эхом отражались от стен. Когда же доставят наши коробки с вещами?

Я осмотрелась. С практической точки зрения новое жилье идеально, так же, как и сад. Просто сильно отличается от предыдущего места жительства. К тому же решение, которое

мы приняли, внезапное, к нему нужно привыкнуть.

— Продолжим осмотр? — Я отчаянно пыталась излучать энтузиазм.

Мальчишки, обрадовавшись, бросились наверх, а мы, не спеша, пошли за ними. С одной стороны, мне не терпелось попасть в студию, с другой — боялась за свою реакцию. И все же непонятно: был ли кто-то у окна?

Пока сыновья обсуждали с отцом, кому какая комната достанется, я, затаив дыхание, пробралась на чердак. Хоть и без мебели, он тоже оказался идеальным. Я недобро усмехнулась: Бен опять прав. Студия была большой, сужающейся под карнизом со стороны фасада, с двумя огромными окнами, выходящими на сад. Именно у левого окна, как мне тогда показалось, стояла фигура человека. Голые полы окрашены в белый цвет. Стены тоже белые, покрытые эмульсионной краской, где по кирпичу, где по остаткам старых обоев. Здесь просторно и свежо.

Я подошла к окну с чашкой чая в руках. От открывшегося вида и невероятного освещения перехватило дыхание. Отличная комната для художественной студии. Интересно, предыдущие хозяева занимались живописью? Наверняка. Лучшего применения не найти. Чердак не подходил ни для спальни, ни для гостиной. Лестница, ведущая к нему, была узкой, а дверь маленькой. Протащить сюда кровать было нереально, ну если только отдельные ее части, с тем чтобы собрать внутри.

Я осмотрелась вокруг в поисках предмета, похожего на человеческую фигуру и бросила взгляд на газон. Ничего.

По лондонской привычке сев на оконный карниз, критически изучила студию. Ничего угрожающего или страшного. Большая, пустая комната. Большая, пустая и невероятно привлекательная. Я права, человек в окне — оптический обман: в тот момент солнце светило настолько ярко, что, вероятно, отразилось в старых стеклах...

И тут я вспомнила, что из сада видела два больших окна и одно маленькое. А внутри студии только два больших. Странно. Поставив чашку на подоконник, я вышла в холл. Рядом ничего не было: ни дополнительной комнаты, ни двери. Волосы на затылке зашевелились. Очень странно.

Раздираемая любопытством и страхом, заинтригованная, я спустилась к детям. В самой большой спальне, окна которой выходили в сад, сидел муж с заплаканным Стэном и угрюмым Оскаром.

— Мамочка, — начал сын, едва завидев меня. — Большая комната — моя, потому что я — старше. Но Стэн хочет ее, чтобы наблюдать за пиратами в море. — Личико сына сморщилось. — Я тоже хочу смотреть на пиратов.

— Двухъярусные кровати! Мы сделаем двухъярусные кровати — корабли. И вы вместе сможете искать пиратов.

Бен бросил на меня благодарный взгляд. Я улыбнулась в ответ.

— Случайно обнаружилось кое-что забавное на чердаке. Не хотите пойти со мной посмотреть?

Муж и дети поднялись по узкой, шаткой лестнице. Мы выстроились посередине комнаты, любуясь морским пейзажем из окна.

— Слушай. Помнишь, я говорила, что видела три окна? Два больших и одно маленькое?

— Но сейчас ты видишь только два окна. — Бен кивнул, на его лице мелькнула догадка.

— Безумие!

Он подошел к одному из окон и толкнул створку. Крепко зафиксированная, она едва

открылась.

— Думал, смогу высунуться, чтобы посмотреть, где другое окно, — объяснил муж. — Но мне не просунуть даже голову.

— Я смогу, — вступил в разговор Оскар.

— Нет. — Мы с Беном дружно отказались от помощи сына.

Сын расстроился.

— Может, маленькое окно в соседнем доме? — спросил он.

Бен взъерошил волосы.

— Хорошая идея, приятель. Но соседней двери здесь нет. Это не Лондон.

Застыв, я смотрела в окно, чувствуя неясное волнение. Радость?

— Вижу, тебе нравится. Малейший намек на тайну, и ты в своей стихии.

Бен прав.

— Ой, ну ладно, — парировала я. — Окно — призрак. Не притворяйся, что тебе не интересно.

Не отрицая, муж улыбнулся.

— Может, где-то есть секретная комната? — предположила я. — Портал в Нарнию?

— А может, в старых толстых стенах выложена вентиляция из кирпичей?

Я хмыкнула:

— Не порть магию!

Бен усмехнулся:

— Думаю, мы бы заметили, будь дом снаружи больше, чем изнутри.

— Как ТАРДИС¹, — весело закричал Оскар, но тут же нахмурился. — Только в обратном порядке.

Я рассмеялась:

— Не думаю, что вы, ребята, понимаете всю серьезность, — притворно строгим тоном произнесла я. — Возможно, здесь кроется что-то очень захватывающее.

— Хорошо. Я понял. — Кивнул Бен.

Он отошел в дальний угол комнаты и постучал по стене. Переместился и постучал в другом месте. И так ходил по чердаку, постукивая по стенам то там, то здесь. Сидя на полу, держа Стэна на коленях, я наблюдала за супругом.

— Что ты делаешь? — не выдержала я.

Бен с жалостью посмотрел на меня.

— Проверяю на пустоты. Если звук отразится от стены, то, возможно, за ней находится другая комната.

— Пустоты?

Повисла пауза.

Я засмеялась:

— Ну, тогда нам нужно проверить все стены дома.

И тут воцарился хаос: Стэн и Оскар, крича, носились по чердаку, лупя по стенам. Мы слушали, кивали, мычали «хм», не имея понятия для чего и зачем. Было весело, все смеялись, и я подумала: здесь нам будет хорошо.

Глава 5

1855

Вайолет

Я чуть не поскользнулась на скалах, спускаясь к пляжу, хотя дорога была мне знакома.

Громоздкий мольберт не был тяжелым, но мешок с красками и кистями бился о ноги. В конце концов, идеальное место для работы было найдено. Погода стояла теплая, солнце не было слишком ярким, и я удовлетворенно вдохнула морской воздух.

Быстро установив мольберт и прикрепив к нему бумагу, разложила краски на камне позади себя, как и задумывала, заправила за ухо выпавший локон и взяла кисточку. Застыв на мгновение, я наслаждалась моментом. Именно так месяцы, а возможно и годы, я мечтала работать. Наконец-то почувствовать себя настоящим художником. Кончено, мой чердак всем хорош, и я очень благодарна Филипсу, деревенскому парню, работающему в нашем доме и саду за то, что он тайно помогал мне превратить помещение под крышей в студию.

Я нахмурилась, вспомнив об отце. Он был против моих занятий, называл их вульгарными. Видел во мне лишь замужнюю, ведущую обычную жизнь, женщину. «Обычную, то есть скучную», — подумала я. Прозаическую жизнь без цели.

Здесь же, на морском воздухе у меня рождались идеи. Кистью рассказывала истории. Это то, о чем я мечтала. Годами я рисовала себя да кошек на кухне. Бесконечные автопортреты, бесспорно, развили мою технику, но, если честно, жутко надоели. Пока однажды на глаза не попала статья в папиной газете «Таймс» о новой группе художников, известной как «Братство прерафаэлитов».² Они рисовали библейские сюжеты, сказки Шекспира и тому подобное, а также использовали для работы живых моделей. Словно струя свежего воздуха ворвалась в мою жизнь. Вот чем я хочу заниматься! Рисовать, как они, жить, как они, быть, как они!

После прочтения заметки я искала любое упоминание о прерафаэлитах в газетах. Прятала статьи об искусстве вместе с кистями и красками. Читала «Иллюстрированный Лондон Ньюс», и даже «Панч», хотя отец не одобрял этой газеты. «Таймс», а иногда и другие издания, частенько критиковал моих героев, полных решимости перевернуть мир искусства. Но чем больше критики они получали, тем интереснее становились для меня. Их прогрессивность будоражила, мое желание подражать им росло. Я мечтала жить в Лондоне и участвовать в дебатах о настоящем искусстве с невероятно красивым, судя по фотоснимкам в газетах, Данте Габриэлем Россетти³, или с Джоном Милле⁴, у которого было доброе, дружелюбное лицо. Должна признаться, я смутно представляла, где могли бы проходить обсуждения. У меня сложилось неловкое представление, что художники, восхищавшие меня, проводили много времени в пабах. Но я знала, что обрету смысл жизни, проведя время с ними.

— Почему, мисс Харгривз, — скажет мне Данте или Джон, — вы — сила, с которой действительно приходится считаться.

Я восхищалась не только мужчинами. Я читала, что натурщица Элизабет Сиддал⁵, которая по слухам состояла в любовной связи с Россетти, тоже занялась рисованием. О, как же мне хотелось быть похожей на нее! Иногда в минуты тщеславия казалось, что у меня такие же длинные рыжие волосы.

Люди считают, что быть рыжей — к неудачам. Но Лиззи убедила окружающих в красоте медных волос. Она не прятала их под шляпкой. Поэтому, находясь вдали от неодобрительных глаз отца, я тоже начала распускать локоны при любой возможности. Свободно развевающиеся волосы мешали мне и частенько раздражали, но входили в мой план, как и авантюра с рисованием на пляже. В конце концов, если Лиззи Сиддал смогла стать художницей, то почему я, Вайолет Харгривз, не могу?

Погруженная в мечты об успехе, я стремительно наносила мазки краской. Кисточка

летала над бумагой. Сегодня я рисовала то, что видела. Пейзаж. На картине уже были сделаны наброски Филипса, задрапированного в простыню, словно в королевскую мантию, с короной на голове, найденной в старой коробке с одеждой. Он всегда горел желанием попозировать мне. Парнишка был очень добр, что радовало, но, с другой стороны, не скрывал ли он за своей любезностью ненадлежащие чувства ко мне? Отец придет в ярость, если узнает об этом. И в бешенство, если увидит, чем я сейчас занимаюсь. Он лишь неохотно соглашался закрыть глаза на мое увлечение при условии, что я дома и не мешаю. Если бы не его поездка в Лондон на неделю, я ни за что не осмелилась бы выйти на пляж с мольбертом.

Нанеся белую краску на гребень волны на картине, я замерла, рассматривая живое море.

— Король Кнуд повелевает приливом?⁶ — раздался голос позади меня.

От неожиданности я подпрыгнула, чувствуя, как вспыхнули мои щеки. Застигнутая врасплох, я была в ужасе, что привлекла чужое внимание.

— Простите, не хотел вас напугать, — извинился красивый взрослый мужчина, с добрым, умным лицом.

Я устояла на свои ноги, не зная, что сказать. Неодобрение отца для меня не прошло бесследно: я не умела легко и просто беседовать о своем увлечении.

— Очень красиво, — произнес незнакомец. — Ваша работа?

Я беспокойно кивнула, чувствуя, как ярко-синие глаза оглядывали меня.

— Классический сюжет вы поместили в реальный пейзаж. Очень интересно!

— На меня оказало влияние «Братство прерафаэлитов».

Мужчина кивнул, внимательно изучая картину.

— Конечно. Я вижу.

Я едва не задохнулась от возбуждения. Он видит?

— Обожаю их. — Мои слова цеплялись друг за друга. — Они чудесны. Хочу научиться рисовать детали, как художники братства. Цвета и формы природы...

Я остановилась, понимая, что сбивчивая речь едва ли имела смысл.

Но молодой человек приподнял свою шляпу и улыбнулся:

— Эдвин Форрест.

Взяв себя в руки, я кивнула:

— Рада познакомиться с вами, сэр.

Ложь! На самом деле я хотела, чтобы он поскорее ушел.

— Прошу прощения, — продолжил мистер Форрест. — Я давно гуляю и мне очень жарко. Вы не против, если я отдохну немного возле вас?

Не дожидаясь ответа, он снял шляпу и сел на большой камень недалеко от меня.

Я была в шоке. Мне не нужны зрители. Тем более мужчина. Тем более красавчик. В присутствии незнакомых людей даже в спокойном расположении духа я отличалась стеснительностью и заторможенностью, что уж говорить о моем состоянии сейчас.

— Пожалуйста, продолжайте рисовать, — попросил мистер Форрест. — Интересно наблюдать, как рождается картина.

Я растерялась, но, не желая спорить, снова взялась за кисть. Попыталась проработать волны, но не могла сосредоточиться под чужим взглядом, горячим, как солнечный луч. Мои руки мелко дрожали. Наконец, я вздохнула.

— Не хочу показаться грубой, сэр. Но не могли бы вы продолжить свою прогулку?

Невозможно поверить! Я прямо, без обиняков выразила свое желание. Но понимание, что время идет, отец скоро вернется, и шанс порисовать на пляже будет упущен, придало

храбрости.

— Мне очень жаль, мисс...

Я натянуто улыбнулась:

— Харгривз. Вайолет Харгривз.

— Мисс Харгривз, примите самые искренние извинения за то, что прервал ваше занятие. — Мужчина похлопал по камню, ослепительно улыбаясь. — Знаю, ваше время драгоценно, но не могли бы мы немного поговорить. Я интересуюсь искусством и думаю, мы можем быть полезны друг другу.

До чего он хорош! Несмотря на желание рисовать, я села рядом, натянув подол платья пониже. Было тепло, и мне вдруг захотелось снять нижнюю юбку и пробежаться вдоль прохладного моря. Я бросила застенчивый взгляд на нового знакомого, задаваясь вопросом, как бы он отреагировал, если бы я так поступила.

— У меня много друзей в Лондоне, которые любят искусство, — заговорил молодой человек.

— Да? — Я вежливо попыталась показать интерес.

Мистер Форрест смотрел сквозь море, будто пытался что-то вспомнить.

— Джон Эверетт...

Он замолчал, а я не смогла удержаться:

— Милле? Вы говорите про Джона Эверетта Милле?

Мужчина вновь сверкнул улыбкой. Я почувствовала легкое головокружение. Неужели от солнца?

— Именно! Вы знакомы с его работами?

Мое сердце на мгновение остановилось. Он знает Милле? Моего кумира?

— Милле? — задыхаясь от волнения, произнесла я. — Конечно, мне знакомы его работы.

— Как известно, он поддерживает молодые таланты. Может, у вас есть еще подобные картины?

Я кивнула. Три готовых и много набросков. Перед глазами все кружилось, говорить было трудно.

— Можно мне взять их, чтобы показать Джону?

— Показать мои картины?

— Думаю, ему было бы очень интересно. Он и остальные члены «Братства» ищут смелых художников.

— Для женщин все непросто. — Несмотря на все мечты, я болезненно осознавала, что мои возможности ограничены и хотела с самого начала быть честной. — Художниц мало.

— Нет, — ответил мистер Форрест. — Думаю, найдется парочка. На днях я прочитал об одной Элизабет...

Мне опять показалось, что я вот-вот упаду без чувств.

— Элизабет? Лиззи Сиддал?

— Да, натурщица, но читал, что сейчас она рисует. — Мистер Форрест не поведал мне ничего нового. Но почему-то его слова стали иметь для меня бóльший вес. — Ее работы заинтересовали критика Рёскина⁷.

Мужчина посмотрел на меня.

— Джон говорит, что она довольно хороша, — будничным тоном заметил он.

О, как я бы я хотела, чтобы кто-нибудь также запросто обсуждал мое творчество.

Невозможно поверить, что этот красивый, очаровательный мужчина одинаково хорошо отзывался о моих картинах и о работах моего кумира Лиззи Сиддал! Мои мечты наконец-то сбывались! Долгие часы рисования в студии в полном одиночестве, когда я с замиранием сердца прислушивалась к шагам отца на лестнице, не были напрасными. На этот раз глупые условности и правила не помешают мне поделиться мечтами с мистером Форрестом.

Вложив всю душу в рассказ, я искренне поведала ему о мечтах уехать в Лондон, чтобы войти в мир искусства. Если бы я только могла найти покровителя, кого-то, кто поверит в меня, и возьмет все заботы о счетах, пока я занимаюсь творчеством...

— Милая леди, — улыбнулся мистер Форрест. — У вас определенно талант. Я поеду в Лондон в конце месяца. Могу взять с собой одну из ваших картин.

Я немедленно согласилась, хотя мысль об отце беспокоила меня. Что он скажет, если узнает, как я поступила за его спиной?

— Поговорить с родителями? — спросил мистер Форрест.

— Нет, — почти выкрикнула я. — Мама умерла, — объяснила я. — Папа...Ну, он не жалуется мое увлечение.

Мужчина понимающе кивнул.

— Остались еще пожилые люди, которые до сих пор думают, что у женщин нет прав. — Он положил руку рядом с моей, лежавшей на камне. — Я не согласен. Думаю, в вас есть что-то особенное, мисс Харгривз. Позвольте мне раскрыть ваш дар.

Я, опьянев от радости, смотрела на море и слегка дрожала от возбуждения. Вот оно! Свершилось! Наконец-то начинается настоящая жизнь!

Глава 6

1855

Фрэнсис

Фрэнсис увидела его из окна, когда поднималась по лестнице. Он сидел на скале с девушкой на вид не старше двадцати, с обожанием смотревшей на него. Женщина вздохнула. Они здесь всего несколько недель. Неужели он опять принялся за старое?

Она медленно поднялась в гардеробную. Из окна комнаты пляжа не видно, а потому не придется мучиться, наблюдая за ним. Сев за туалетный столик и, наклонив голову, она внимательно изучила себя в зеркале. Синяки на шее почти исчезли. Фрэнсис спустила платье с плеч и наклонилась ближе к отражению, с облегчением рассматривая побледневшие следы на ключице и груди.

Рука погладила пока еще плоский живот, внутри которого зародилась крошечная жизнь. Теперь все будет по-другому. Теперь она будет очень осторожной. Женщина вздрогнула, вспомнив лицо Эдвина, когда в прошлый раз сообщила ему о беременности. Он ничего не ответил, лишь холодные, голубые глаза буравили ее.

Позже, когда мужчина вернулся из паба злой, пропахший бренди, она поняла, что совершила ошибку. Первый удар пришелся на затылок, когда женщина выходила из комнаты, и она упала на диван. Ее мольбы: «Пожалуйста, Эдвин, малыш...», лишь усилили ярость мужа. Он ударил ее снова, опрокинул на пол и пнул в живот. Рыдая, она уползла в угол комнаты и свернулась калачиком, тихо постанывая.

Эдвин читал газету у камина, не обращая внимания на жену. Почувствовав поток крови между ног, несмотря на все старания сдержаться, Фрэнсис перешла на крик. Муж, снова став милым и внимательным, поднял ее на руки и бережно отнес в кровать.

— Прости, дорогая, — раскаиваясь, шептал он. — Мы попробуем еще раз. Мне так

жаль, дорогая. — Его поцелуи покрывали лицо жены.

Когда пришел доктор, Эдвин излучал заботливость до кончиков ногтей. Но доктора не обманешь. Когда муж вышел из комнаты, он мрачно посмотрел на женщину, приподнял ее ночную рубашку, чтобы прощупать живот и увидел синяки.

— У мужа бешеный нрав? — спросил врач, мягко надавливая на нижнюю часть живота. Женщина зажмурилась и промолчала. Волна стыда и унижения окатила ее.

— Вы должны быть благоразумны, — сказал доктор. — Он важный и занятой человек. Не злите его напрасно.

Фрэнсис поняла, что одинока в своем горе, и никто не придет к ней на помощь. Поэтому придумала план. Бежать при первых признаках новой беременности. В начале замужества Эдвин демонстрировал мягкое равнодушие к жене, постепенно превратившись в жестокого, полного презрения мужа. У жены не было сомнений в том, что как только станет известно о ребенке, муж накажет ее. У него напрочь отсутствовали родительские инстинкты. Зная, что Фрэнсис в материнстве обретет долгожданное счастье, Эдвин непременно отберет мечту. Просто так, из чувства жестокости.

Женщина начала копить и прятать деньги от прислуги под полом ее гардеробной, случайно при переезде обнаружив там расходившиеся доски. А если быть до конца откровенной, то откладывала монеты с самого начала супружеской жизни. Еще будучи невестой, она знала, что за человек ее жених. Он давно положил глаз на адвокатское бюро, основанное ее дедом. Судьба девушки была решена. Ее заставили выйти замуж, она не посмела ослушаться воли родителя. После смерти отца жены, Эдвин возглавил семейное дело и больше не чувствовал необходимости скрывать свою истинную сущность.

После переезда, Фрэнсис, испытывая тошноту по утрам, поняла, что снова беременна, и именно тогда решила по-настоящему. Огромное желание спасти будущего ребенка дарило силы и придавало храбрости. Мысли о побеге поглотили ее. Пока ослабленный корсет скрывает живот, она поживет дома, а затем исчезнет. Нужно заранее подготовиться, иначе ей не справиться, если что-то пойдет не так.

Главное — быть уверенной, что Эдвин не сможет и не будет пытаться искать ее. Поговорив с жителями деревни, женщина придумала, что делать. В море опасное течение, которое за прошедшие годы унесло жизни многих людей. Как бы невероятно это не выглядело, надо инсценировать смерть: взять одежду на пляж и оставить ее у скал. Может, бросить шляпу в волны в надежде, что прибой вернет ее на берег, или нацепить клочок платья на острые камни. И если повезет, Фрэнсис увеличит количество несчастных случаев.

Она решила спрятать чемодан за камнями заранее. После ей останется лишь переодеться в простую одежду горничной или гувернантки, заправить волосы под шляпу и отправиться пешком на вокзал. Внешность женщины ничем не примечательна, даже бабушка называла ее «простушка». В течение многих лет Фрэнсис расстраивалась из-за своей невыразительности, но теперь была только рада. Никто не заметит и не посмотрит на нее дважды. В поезде она снова переоденется на случай, если кто-нибудь запомнит ее скромный плащ или шляпу. И уедет так далеко, как только получится. На север, конечно. Нельзя уехать из Сассекса на юг и остаться в Англии, а по-французски она не говорила. Что делать после, еще не знала. Уехать отсюда как можно дальше — все, что волновало ее сейчас.

Фрэнсис вышла на лестничную площадку и еще раз посмотрела в сторону пляжа. Эдвин на этот раз сидел близко к молодой особе, положив свою руку на ее. Жена представила себе, как муж сбегает с возлюбленной. Жалкие фантазии!

Солнце осветило лицо рыжеволосой девушки. Совсем юная. Распущенные волосы, платье свободного кроя. Восемнадцать, наверное, не старше. Фрэнсис было столько же, когда Эдвин начал ухаживать за ней. Возможно, из-за беременности женщина почувствовала живые материнские чувства к этой девочке. Фрэнсис не могла, да и не хотела позволить мужу причинить боль еще одной наивной душе.

Глава 7

Наши дни

Элла

Как оказалось, благодаря нераскрытой тайне дома я начала получать удовольствие от проживания в Сассексе. Даже целые сутки без мебели (на все вопросы мужа, компания-перевозчик твердила «навигация») не раздражали меня, не считая растяжения шеи от проведенной на полу ночи.

Когда, наконец, машина с нашими пожитками прибыла и началась разгрузка коробок, я ушла с мальчиками в сад, мысленно сканируя территорию на предмет скрытых опасностей для детей. Не потребовалось много времени, чтобы найти одну из них. В глубине сада была калитка, ведущая к песчаному пляжу. Короткий путь лежал вдоль верхушки утеса, затем тропинка круто спускалась. Я оценила обстановку. Забор был достаточно крепким, но деревянные ворота запирались лишь на защелку, которую легко мог открыть любой маленький любопытный ребенок.

— Навесной замок, — сказала я, хлопнув в ладоши. — Ребята, пойдем знакомиться с деревней.

«Зеленая цапля» была небольшим, но хорошо обустроенным населенным пунктом. Мы прошли мимо одного паба, но я знала, что в конце улицы есть еще один рядом со школой для мальчиков. Там же находились мини-супермаркет «Теско», маленькая пекарня с кафе, газетный киоск и, о удача, хозяйственная лавка, снаружи которой висели щетки, метлы и мусорные баки на любой вкус.

— Зайдем-ка сюда, — позвала я ребят, взяв Стэна за руку.

В магазине было светло и уютно. Несколько покупателей изучали товары на аккуратных полках. Я огляделась и решила сразу спросить то, что мне нужно у пожилого седовласого продавца, занятого беседой с парнем, выбиравшим гвозди. В верхнем кармане клетчатой рубашки хозяина лавки торчали очки, а другая пара съехала на кончик носа. Он так сильно напомнил мне отца, что на мгновение я замерла.

— Чем могу помочь, сэр? — склонившись над прилавком, поинтересовался мужчина у Оскара.

Я улыбалась, наблюдая, как сын с серьезным видом отвечал:

— Нам нужен навесной замок для ворот в саду. Чтобы мы со Стэном не лазили, как обезьянки и не ходили на пляж без мамы.

Продавец кивнул:

— Разумно.

Он потянулся к полке позади себя и показал замок.

— То, что вам нужно, молодой человек. 9,99 фунтов.

Мужчина протянул руку. Оскар забеспокоился.

— Платит мама.

Я рассмеялась:

— Конечно.

Продавец открыл кассу. Молодой человек, который все еще выбирал гвозди, бросил взгляд на меня. У него были темные непослушные волосы и нос, очевидно, не раз сломанный.

— Вы только что переехали в наскальный дом? — спросил он.

Я кивнула, вручив лавочнику десять фунтов.

— Да, — ответила я. — Только в дом на скале. Мы называем его просто: «номер 10».

Он улыбнулся.

— И как он вам?

— Прекрасно. Идеальный дом...

Продавец передал мне чек и отдал сдачу Оскару.

— А мне? — попросил Стэн.

Хозяин магазина улыбнулся, снова открыл кассу, взял пенни и передал сыну.

— Спафибо, — поблагодарил Стэн, демонстрируя акцент северной части Лондона.

— Но? — Молодой человек обменялся взглядом с продавцом.

Я повернулась к нему, непонимающе моргнув:

— Что «но»?

— Звучало так, как будто вы хотели сказать «но». Прекрасный, но...

Мне стало любопытно, долго ли эти люди прожили в этих краях, и что им известно об истории нашего жилища.

Слегка нагнувшись, я ответила:

— Дом забавный и странный.

Он понимающе кивнул:

— А вы слышали истории?

Легкое волнение охватило меня.

— Нет. Какие?

Хозяин магазина неодобрительно цыкнул:

— Не слушайте его. Хола вечно интересуют жуткие небылицы.

— Жуткие? — ликуя, повторила я. — Там обитают призраки? Того, кто трагически погиб?

Хол помрачнел.

— Не мертвых надо бояться, а живых.

— Понятно, — усмехнулась я.

— Слышал, там произошло убийство, — продолжил парень. — Ты ведь тоже слышал об этом, а, Кен?

Хозяин лавки, Кен, кивнул.

— Но это неправда, — добавил он. — Я живу здесь с семидесятых, и с тех пор никого не убивали.

— Могло произойти до этого, — задумчиво произнес Хол. — В шестидесятых, например? Или во время войны?

— Или все это бред собачий, — прервал Кен.

Заинтригованная, я улыбалась, решительно настроенная не менять тему.

— А может, не убийство, — сказала я. — Может, другое преступление?

— Ограбление, — оживленно предположил Хол. — Или похищение.

— Пираты, — вставил Оскар, все это время внимательно прислушивавшийся к разговору.

Хол взъерошил мальчику волосы.

— Определенно пираты, — сказал он. — И контрабанда.

— О да. — Я вспомнила романы Дафны дю Морье, которыми зачитывалась в подростковом возрасте. — Злоумышленники.

Кен посмеивался, с интересом наблюдая за мной.

— Только что вспомнил: жена говорила, что вы писатель.

Он посмотрел на Хола, кивнув на меня:

— Она пишет книги, детективы.

Удивленная и тронутая теплым и простым общением с деревенскими жителями по сравнению с безликим и холодным Лондоном, я лишь пробормотала:

— Ну, скорее триллеры.

— Хорошие? — поинтересовался молодой человек. — Я их читал?

— Надеюсь, что хорошие, — смутилась я, как всегда тушуясь, когда люди интересовались моими книгами. — Они продаются. Не уверена, что вы их читали. Я принесу в следующий раз и оставлю здесь, если хотите.

Хол улыбнулся:

— Я прочту, а потом скажу, хороша ли она.

— Просто скажите, что хороша, даже если не очень, — пошутила я.

Взяв покупку, мы с мальчиками попрощались и вышли из магазина.

— Давайте посмотрим, продаются ли в пекарне пирожные? — предложила я ребятам.

Оскар захлопал в ладоши.

— Извините!

Я оглянулась. Женщина, которая тоже была в скобяной лавке, помахала нам, широко улыбаясь. Высокая и спортивно сложенная, с иссиня-черными волосами, убранными в хвост, она была, по моим предположениям, примерно на седьмом месяце беременности.

— Слава богу, вы остановились! — проговорила она, утиной походкой направляясь к нам. — Не уверена, догнала бы я вас.

В ее речи слышался манчестерский акцент.

— Прия, — протянула она руку.

— Элла, — настороженно ответила я.

Даже переехав в Сассекс, в душе я оставалась жительницей холодного Лондона.

— Слышала ваш разговор в магазине. — Женщина слегка задыхалась. — О том, что вы пишете детективные романы.

— Триллеры, — вежливо поправила я на случай, если она их читала, но все же с осторожностью, и взяла Стэна за руку.

— Боже, вы, наверное, думаете, что я чокнутая. Я нормальная, правда. — Она рассмеялась, затем глубоко вздохнула. — Я офицер полиции, который временно прекратил свои обязанности из-за... — Она указала на живот. — И мне до смерти скучно. Я подумала, может, смогу вам помочь с расследованиями или еще с чем-нибудь криминальным.

Я смотрела на нее во все глаза, не зная, что и думать.

— Мы тоже здесь недавно, — продолжила она. — Вы показались человеком, с которым нужно подружиться, поэтому, боясь передумать, я поспешила догнать вас и даже не успела поздороваться.

Она снова засмеялась, на этот раз волнуясь.

— Давайте еще раз. Привет. Я детектив-инспектор Прия Сансом из полиции Сассекса.

— Элла Дэниелс. Писательница, мать, бывший налоговый бухгалтер. И новичок в деревенском общении.

Мы, улыбаясь, пожали друг другу руки. Я подумала, что Прия права: мне тоже показалось, что с ней можно подружиться, и я рада, что она догнала меня.

— Пирожное, мам. — Стэн нетерпеливо дернул меня за руку.

— Мы собирались заглянуть в кафе, — объяснила я новой знакомой. — Не желаете чашку чая?

Глава 8

Я ошиблась, думая, что Прия на седьмом месяце беременности.

— Пять месяцев, — ртом, набитым кофейным пирожным, поведала она. — Близнецы. Мне немного не по себе.

— Еще дети есть?

Она хмуро кивнула.

— Два. И два от первого брака мужа. Все девочки.

— Вот это да! Поздравляю!

Она улыбнулась.

— Я в предвкушении, но муж боится, что опять родятся девчонки. Он директор школы для мальчиков «Сассекс Лодж». А мы даже не можем воспользоваться скидкой на школьное обучение, которая ему положена.

Я рассмеялась. Мне нравилась Прия.

— Расскажи о своих книгах, — попросила она. — Над чем ты сейчас работаешь?

Я скорчила гримасу.

— Должна писать третий роман про Тессу Гилрой, частного детектива, которая случайно обнаружила домашнюю тайну.

— Не идет?

— Совсем, — призналась я. — Надеюсь, что переезд вдохновит меня.

— Позволь помочь, — попросила Прия. — Мне скучно.

— Скучно? — удивилась я. — С четырьмя детьми и еще двумя в ближайшем будущем?

Она замахала руками, словно утверждая, что шестеро детишек — пустяк.

— Джас в университете, — объяснила она. — Милли в шестом классе, но она большую часть времени проводит с мамой, так что с ними проблем нет. Лейле восемь, и она всеми силами старается походить на старших, а Эмбер пять. Она наша маленькая принцесса, но я думаю, что рождение братишек или сестричек пойдет ей на пользу, и она быстро повзрослеет.

— Мне пять, — вмешался Оскар.

Прия посмотрела на него.

— Тогда ты будешь в школьном классе Эмбер. Я возьму ее с собой в следующий раз, и ты сможешь поиграть с ней.

Я была рада слышать, что она хочет встретиться еще раз.

— Я люблю работу, — продолжила Прия. — Но пока мне нечем заняться, лишь перекидываю бумаги из-за сложной беременности. Коллеги не позволяют мне серьезных дел. Поэтому, пожалуйста, позволь чем-нибудь помочь.

Я глотнула чай.

— В Лондоне, — начала я, — у меня был знакомый офицер полиции в отставке по имени Рег, старый друг отца. Мы иногда пили кофе, и он делился историями о делах, над

которыми вел расследования.

— Что давало тебе идеи для книг? — Лицо женщины озарилось. — Так я могу тоже рассказать тебе много интересного. И оказать помощь в процессуальных нюансах.

— Было бы здорово. Я беспокоилась о новых знакомствах здесь, думала, как переселить свою героиню Тесс на побережье. Поэтому мне нужно узнать работу полиции в Брайтоне.

— А где Тесс работала?

— В Камден⁸, — произнесла я, нараспев, имитируя «лаандаанский» акцент.

Прия хихикнула.

— Я могу поделиться множеством историй из практики времен работы в Манчестере, — сказала она. — У полиции Брайтона тоже есть темные стороны.

— Не сомневаюсь. — Я вспомнила слова Хола. — Ты слышала, о чем говорили те парни в магазине?

— О твоих книгах?

— Нет, до этого. О моем доме?

Собеседница непонимающе посмотрела на меня.

— Должно быть, пропустила. Я выбирала дверной звонок.

— Хол говорил, что о доме ходят слухи. Будто бы там произошли убийства. — Я понизила голос, чтобы мальчики не слышали. — Но Кен сказал, что живет здесь с семидесятых и ничего не слышал.

В глазах женщины вспыхнул интерес. Я почувствовала родственную душу.

— Просто подумала, такая история может стать хорошим началом, — продолжила я. — Для Тесс, имею в виду.

Прия пристально посмотрела на меня.

— Для Тесс?

Я усмехнулась.

— Ну и для меня.

Она взяла чашку с чаем и чокнулась ею о мою.

— Я займусь этим. Буду держать в курсе.

Глава 9

1855

Вайолет

Я не виделась с мистером Форрестом почти неделю, но много думала о нем. Светловолосый, освещенный сзади солнцем, он, словно ангел, оживал в моих воспоминаниях. Ангел-хранитель, который взрастит мой талант, позаботится обо мне и поможет сбежать в новый мир.

Вновь я его увидела в воскресенье в церкви, куда пришла с отцом и испытала облегчение от того, что встреча на пляже произошла наяву, а не была плодом моих фантазий, как уже начала бояться. Он был все таким же красивым.

Мы с папой сели спереди. Мистер Форрест не узнал меня, когда я прошла мимо. Всю службу, не слушая викария, я смотрела прямо перед собой, чувствуя горячий взгляд Эдвина на затылке. Все мои мысли были о нем. После службы джентльмен в компании женщины, вероятно сестры, остановился поговорить со священником. Я решила подойти к ним.

— Папа, здесь люди, которые переехали в Ивовый Дом. Надо представиться.

От волнения или нервов, или чего-то еще у меня перехватило дыхание.

— А, ваши новые соседи, — представил нас преподобный Мэпплторп. — Маркус

Харгривз и его дочь, Вайолет.

Отец крепко пожал руку мистеру Форресту. Я слегка кивнула, как в тот день на пляже.

— Эдвин Форрест. Моя жена Фрэнсис.

— Приятно познакомиться. — Голос женщины был глубоким и красивым.

Жена? Во время встречи на пляже казалось, что между нами установились особые отношения. Такого не могло произойти, будь он женат. Как же так? Я покраснела. Мне было неловко, что я неправильно все истолковала.

Мистер Форрест объяснил:

— Понимаете, Фрэнсис болела, поэтому у нас не было возможности познакомиться с соседями.

Я оглядела миссис Форрест. Аккуратно одетая в широкую юбку, подчеркивающую талию, с темными волосами, убранными в тугий узел на затылке, она не выглядела больной.

— Мне намного лучше, спасибо, — ответила женщина без улыбки.

Мне стало жаль ее мужа. Полный жизни мужчина женат на такой скучной особе. Должно быть ему непросто.

— Вы бывали на пляже? — осмелилась я спросить ее.

Она внимательно посмотрела на меня. Мистер Форрест улыбнулся.

— Там очень красиво, — продолжила я, неуверенная, какой ответ ожидаю получить. — Прогулка по пляжу полезна для здоровья, миссис Форрест, — с вызовом заметила я, желая показать, что знаю: она не больна.

— Вы очень добры. — Под моим взглядом женщина опустила глаза. — Как только смогу, я обязательно погуляю.

— Но не сегодня, — твердым голосом, не терпящим возражений, вмешался мистер Форрест. — Тебе все еще требуется отдых.

Женщина лишь кивнула.

Попрощавшись с преподобным Мэпплторпом, мы покинули церковный двор.

— Я обожаю прогулки на свежем воздухе. — Мистер Форрест склонился к отцу, словно делился секретом. — Считаю себя художником, делаю наброски дикой природы. Думаю, здесь мне понравится рисовать морских птиц.

Они продолжили беседу. Отец со знанием дела, что удивило меня, расспрашивал об увлечении мистера Форреста. Папа никогда не проявлял такого интереса к моим занятиям. Его редкие вопросы лишь сопровождались покровительственным похлопыванием по моему плечу.

Миссис Форрест молчала. Мы тихо шли за мужчинами. Дойдя до дома четы, папа и Эдвин остановились.

— Я как раз говорил вашему отцу, что воспользуюсь вашим советом и прогуляюсь по пляжу позже, — произнес мистер Форрест, изучая небо. — Сейчас жарко. Думаю, позже, около пяти.

Он вопросительно посмотрел на меня, я опустила взор. Это приглашение? Я осмелилась поднять глаза и сквозь ресницы увидела его едва заметный кивок. Отвернулась, чтобы никто не увидел моих зардевшихся щек.

Отец попрощался и направился к нашему дому. Мистер Форрест пошел по тропинке к коттеджу. Я повернулась, чтобы уйти, но миссис Форрест, бросив взгляд на спину мужа, дотронулась до моей руки, чем сильно удивила меня.

— Мисс Харгривз, — тихо, но настойчиво проговорила она. — Пожалуйста, будьте

осторожны.

Резко развернувшись, женщина поспешила к коттеджу.

Я растерялась. Может от болезни пострадала голова миссис Форрест, а не тело? Или она просто истеричка? Я читала о таких в отцовском «Таймс». Бедный мистер Форрест! Как же ему тяжело!

Я поплелась за отцом, едва слушая, как он нахваливал пышную юбку, аккуратную прическу, тихий голос миссис Форрест. Он говорил, что мне нужно взять с нее пример. Я же придумывала возможность улизнуть из дома.

После тяжелого, не по сезону, обеда с жареной бараниной и пирога с патокой, мы с отцом перешли в гостиную. Он принялся за чтение газет, я села за пианино. Музыкант из меня средний. Перебирая аккорды и фальшивя, я чувствовала нарастающее раздражение папы. В конце концов, сев напротив него, я приступила к чтению вслух его газеты, пока не увидела, что он закрыл глаза и опустил голову.

Тогда тихо сложив газету и положив ее на ручку стула, я вышла из комнаты, осторожно прикрыв дверь.

— Мэйбел, — позвала я экономку, тщетно пытаюсь зачесать непокорные волосы в узел. — Я забыла перчатки в церкви. Сегодня прекрасный день, поэтому пойду прогуляюсь за ними.

Ложь удивительно легко слетела с уст. Надев шляпку и закрыв калитку, я спокойно пошла по дорожке по направлению к церкви. Стыда не чувствовала. Мне настолько не терпелось начать новую жизнь художника, что любые средства для достижения мечты были оправданы. Как только наш дом пропал из виду, я подобрала юбки, развернулась и побежала в сторону пляжа.

Я заметила его до того, как он увидел меня. Эдвин сидел на камнях спиной ко мне, недалеко от места нашей первой встречи. «Вне поля зрения отца», — с облегчением отметила я. — «И его жены», — пропел коварный внутренний голос.

Оттолкнув неприятную мысль, сосредоточилась на песчаном спуске к пляжу.

Выйдя на ровное место, остановилась, чтобы отдышаться, тщетно пытаюсь заправить выбившиеся пряди под шляпку. Пока мистер Форрест наблюдал за волнами, у меня было время рассмотреть его и восхититься широкими плечами и завитками волос под головным убором.

Словно почувствовав мое присутствие, мужчина оглянулся. Его улыбка растопила все мои сомнения.

— Дорогая мисс Харгривз, — приветствовал он, заставив меня покраснеть. — Я боялся, что вы не придете.

— Отец заснул, — призналась я.

Молодой человек снова улыбнулся, в уголках глаз появились морщинки.

— Так давайте воспользуемся тем временем, что у нас есть. — Он протянул руку.

Я взяла его под локоть, чувствуя себя одновременно и взрослой, и маленькой. Мы неспешным шагом пошли по пляжу в сторону низких скал, обрамлявших побережье, не высказывая вслух обоюдное желание скрыться от посторонних глаз.

Мистер Форрест расспрашивал о моих картинах, и я восторженно рассказывала о своей любви к творчеству.

— Мне кажется, не я выбирала искусство, оно само выбрало меня. Без него мне не дышится.

Под внимательным взглядом мужчины, я застенчиво отвернулась.

— Хотелось бы мне иметь ваш талант, — заметил он. — Но где мне не хватает способностей, я беру страстью. Уверен, вас ждет большое будущее.

— В Лондоне? — Я едва могла дышать.

— Если хотите. Польщу себе, но говорят, у меня есть чутье. Ваша работа восхитила меня, поэтому она непременно заинтересует и моих друзей в «Братстве прерафаэлитов».

Он взял меня за руку. Прикосновение обожгло, словно горячее солнце. Единственным мужчиной, когда-либо прикасавшимся ко мне, был отец.

— Для вас это возможность, Вайолет. — Мужчина сжал мои пальцы.

Он словно заглянул в душу и прочел мои мысли, заставив почувствовать себя уязвимой и незащищенной. Я растерялась и пробормотала:

— Мне пора. Отец...

Я вырвала руку, горевшую в его руках. Джентльмен не возражал.

— Мисс Харгривз, — вежливо произнес он, приподняв шляпу, повернулся и пошел прочь.

Я смотрела ему вслед с чувством невосполнимой потери.

Глава 10

Наши дни

Элла

Первые дни после переезда в Сассекс смутно вспоминаются как полный хаос. Открытые коробки, перестановка мебели, развешивание картин. Погода стояла отличная, и мальчики все время проводили в саду, бегая, играя в мяч, прыгая на батуте. Я наблюдала за ними, поражаясь их энергии, с облегчением вспоминая, что ворота на надежном замке.

Местная жизнь сильно отличалась от лондонской. Намного сильнее, чем ожидалось, с учетом того, что столица близко. В конце дороги, где находился наш дом, машины почти не ездили, поэтому здесь царил мертвая тишина деревенского Сассекса. Первые ночи даже не удавалось заснуть без привычного для нас фонового шума уличного трафика.

Наполненная решимостью зажить счастливой жизнью, мне тяжело давались первые дни. Бен пропадал на работе. Я, предоставленная самой себе, проводила много времени с детьми. В глубине души меня не покидало чувство ужасного промаха. Что, если отказавшись от жизни в столице, от скучной, но постоянной работы, мы совершили огромную, непоправимую ошибку?

Постоянно в памяти всплывали предостережения отца о том, что надо было подстраховаться и взять годовой отпуск, чтобы иметь возможность в любой момент вернуться. Я боролась с непреодолимым желанием позвонить ему, пожаловаться и согласиться с его доводами. Но зная, что как только покажу хоть малейшее сомнение, отец уверит меня, что не все потеряно. Что я могу вернуться в бухгалтерию в мгновение ока. У него непременно найдутся знакомые, а у тех свои, которые изыщут возможность устроить меня в его фирму, прежде чем я дам на то свое согласие. Не успею оглянуться, как вновь окажусь за рабочим столом в налоговом отделе.

На самом деле, я этого не хотела. Совсем. Просто трудно привыкнуть к большим переменам в жизни. Наверное, постепенно успокоюсь и перестану сильно скучать по отцу.

Бен же полностью принял правила новой жизни. Он погрузился в дела футбольного клуба. Сезон еще не начался, но он уже встретился с новыми игроками, помогал с предварительными тренировками, медицинскими и фитнес тестами. Видя, как он без ума от

всего, я не хотела портить ему праздник.

Не терпелось взяться за роман, но было страшно, что начав, пойму, что писать не о чем. Много поставлено на эту книгу. Она первая, на которую у меня теперь имеется уйма свободного времени. Если она провалится, мне некого будет обвинить в том, что я не могла сосредоточиться на романе из-за работы. Вина будет полностью на мне. Впервые в жизни я становилась настоящим писателем. Но что, если не получится? От этой мысли бросало в дрожь.

Грузчики перенесли мои бумаги в кабинет, но я еще не приступала к наведению порядка, убеждая себя в том, что сыновья требуют внимания. То же самое я повторила Бену, когда он мягко предложил подключить компьютер.

— Мальчики, — сказала я, неопределенно махнув в сторону сада. — Наверное, стоит подумать о няне.

Бен улыбнулся.

— Уже подумал.

— Подумал?

— Маргарет, — сказал он. — Жена Майка.

— Кто такой Майк?

— Агент по недвижимости, который сдал нам дом, — напомнил муж. — Его жена несколько лет работала ассистентом преподавателя в деревенской школе, но сейчас на пенсии и не против подработать.

— Идеальная няня! — обрадовалась я. — Позвони ей!

Бен так и сделал.

— Маргарет придет, чтобы познакомиться. — Муж собирался на очередной медицинский тест игрока клуба и искал ключи от машины. — Сказала, что с удовольствием позаботится о мальчиках.

— Так она их еще не видела.

С первого взгляда я поняла, что Маргарет — то, что нам нужно. Веселая и уютная. Для Оскара женщина привезла мешочек с фигурками Лего, для Стэна — резиновую подушку-пердушку. Пока я готовила чай, она смешила Стэна. Мальчики были покорены. И я тоже.

— Нужна помощь после полудня, — объяснила я. — Я отвожу мальчиков в школу и детсад, забираю Стэна в обед, чтобы покормить. Если бы вы могли приходить после обеда, чтобы присмотреть за старшим, забирать Оскара в 3 часа дня, а после предложить им чай, было бы здорово. Я буду работать дома в кабинете. У мужа свой график в футбольном клубе, и он может быть иногда поблизости. Так что в случае надобности, кричите, и мы придем. Вам подходят такие условия?

— Более чем, — ответила Маргарет.

На вид ей было около шестидесяти. Подтянутая фигура, чистые джины, аккуратные светлые волосы. Мы пили чай с печеньем.

— Как вы устроились? — поинтересовалась женщина, рассматривая мое лицо. Я попыталась сохранить спокойное выражение, но мне не удалось.

— Отлично. Прекрасно. Бену нравится. И мальчикам.

— А вам?

— Не так, чтобы очень, — призналась я, пригладив волосы. — Беспокоюсь и нервничаю. Стабильную жизнь в Лондоне мы смело поменяли на великую неизвестность.

— Иногда полезно делать скачок из привычной рутины.

Я кивнула:

— Для Бена — правильный шаг, безусловно. Он получил работу, о которой мечтал. Сколько знаю его, он всегда хотел руководить физиотерапией в футбольном клубе. Сейчас он в своей стихии.

— Поэтому вы не хотите ему признаться, что вам здесь не нравится?

— Не то, чтобы не нравится. Здесь хорошо, только все другое. Я по жизни не рискую и не принимаю спонтанных решений. А наш переезд — это риск и спонтанность, что выбило из колеи. Но уезжать мне не хочется. По крайней мере, не сейчас...

Маргарет похлопала меня по руке.

— Вам понравится, — подбодрила она. — Как только мальчики пойдут в школу, у вас появятся свои дела и новые друзья.

— Я успела познакомиться с милой женщиной. Ее зовут Прия.

— Та, что в положении?

— Да, она. И еще Кен из хозяйственного магазина.

— Наш сосед. Всегда выручает, когда в доме что-то ломается, — улыбнулась женщина.

Я в который раз изумилась, насколько в деревне все друг друга знают.

— Его друг Хол тоже там был, — продолжила я. — Говорил о том, что слышал некоторые истории о нашем доме.

Женщина посмотрела на меня:

— Истории? Какие именно?

— О том, что здесь произошло, — размыто объяснила я, желая сначала выяснить, известно ли что-то ей.

Она кивнула.

— Мне всегда этот дом казался печальным.

— Печальным? Почему?

— А, глупые сплетни, — смутилась собеседница.

Я пододвинула печенье, Маргарет покачала головой.

— Мой дед рассказывал, что здесь произошла ужасная трагедия. Не помню точно, но вроде кто-то умер. И не один.

— Убийство? — восторженно спросила я.

Маргарет внимательней посмотрела на меня.

— Может быть. Или трагедия. Несчастный случай.

— Ваш дед. Значит, дело было до семидесятых. Поспрашиваю в полицейском участке... — рассуждала я вслух.

Маргарет в ужасе смотрела на меня, собираясь побыстрее уйти, очевидно думая, что я — одержимая убийствами ненормальная.

— Я писательница, — поспешила успокоить ее я, — пишу детективы.

— Не особо интересуюсь книгами, — заметила она.

Женщина успокоилась. Или, может, обрадовалась, что новый житель деревни не станет ее хладнокровно убивать.

Я оживилась:

— Хол и Кен говорили, что слышали об убийстве. Мы предположили, что это было относительно недавно. Но получается, если ваш дед знал, значит, преступление было совершено намного раньше. Я бы хотела узнать больше об истории дома. Чувствую, здесь какая-то тайна.

Маргарет задумчиво наморщила лоб.

— Хотелось бы мне вспомнить больше. Дед рассказывал, что никто не знал, что случилось. Должно быть, это было очень давно, до его рождения.

— Я начну расследование. Будет хоть какое-то развлечение.

— У вас много работы? — внезапно поинтересовалась Маргарет.

— Вообще-то, да.

Не хотелось думать, что нужно писать роман. Возможно, удастся погуглить дом и найти следы тех, кто здесь жил. Может, сохранились записи криминальных расследований?

— А ваш муж здесь? — осмотрелась Маргарет.

Я покачала головой:

— Предсезонные фитнес тесты или что-то в этом роде.

— Так почему бы мне не отвести мальчиков в сад? У вас будет час или около того, чтобы разобраться с делами, — предложила новая няня. — Я дам вам передышку, а вы дадите мне и мальчикам время познакомиться.

Учитывая, что несколько дней избегала разбора бумаг, я удивилась своей радости от предстоящей работы и с благодарностью посмотрела на Маргарет.

— Замечательно! Вы действительно не против?

— Абсолютно. Разбирайтесь с делами.

Глава 11

Я с головой ушла в дела. Мансарда была огромной — весь верхний этаж дома. Море свободного пространства. Просто небо и земля, по сравнению с моим предыдущим рабочим местом, служившим и туалетным столиком.

Встав в дверях, я осмотрела комнату. Стол поставлю между двумя широкими окнами. Надеюсь, потрясающий вид на море будет вдохновлять меня. Книжные полки расположились на противоположной стене, по обеим сторонам от маленьких окон, которые выходили на центральную дорожку. Справа была стена, по которой стучал Бен, чтобы найти пустоты. Та самая с вентиляционным люком снаружи. Возможно, там могли бы разместиться фотографии. Слева от меня встроенный шкаф, дверь которого не открывалась из-за засохшей краски. Сузив глаза, я внимательно осмотрела его. Недолго ему осталось стоять наглухо закрытым.

Все вещи были сложены у двери. Я начала с коробок на столе, освобождая их и перетаскивая к стене. Затем подключила компьютер и принтер, распечатала несколько фотографий мальчиков и прикрепила их на стене справа от меня, при этом постучав по стене пару раз. Вдруг найду пустоты? Но ничего не услышала.

Я прекрасно понимала, что должна поработать над сюжетом для книги. Но вместо этого решила заняться поиском данных о переписи населения в Англии. Примерно подсчитав возраст Маргарет, и, набросав некоторые даты в блокноте, я пришла к выводу, что ее дедушка, вероятно, родился на рубеже двадцатого века.

— Хм, — вслух размышляла я. — Маргарет говорила, что трагедия произошла до его рождения, так?

Я погуглила наш дом и обрадовалась, увидев записи, относящиеся к тысяча восемьсот сорок первому году.

— Начнем с самого начала, — пропела я в стиле Джули Эндрюс⁹, кликнув на первую строчку.

И сразу была сбита с толку тем, что информация о деревне содержалась всего в одном

предложении без указания улиц и домов. Но благодаря пабам, которые, очевидно, за прошедшее время не меняли своего местонахождения, я вышла на перепись населения нашей деревни. Сначала перечислялись дома на противоположной стороне от моря. Поэтому, чтобы найти наш, мне нужно было лишь прокрутить страницу вниз.

— Марк Харгривз, — прочитала я. — Мужской пол. Тридцать четыре года. Промышленник.

Под именем Марка вписаны: его жена, Гарриет, тридцати лет, и их маленькая дочь, Вайолет, четырех лет от роду.

— Маленькая семья, — удивилась я. — Странно. Вероятно, у тебя было больше детей, Марк? Такой дом предназначен для многодетной семьи.

Я нажала на следующую запись от тысяча восемьсот пятьдесят первого года.

Марк Харгривз. Мужской пол. Сорок четыре года. Промышленник.

Но в этот раз под именем Марка не было упоминаний о жене. Только дочь Вайолет, четырнадцати лет от роду. Под именем девушки перечислялись: Элизабет Прингл, гувернантка; Бетси Болтон, домработница и шестнадцатилетняя служанка Мэйбел Джонас.

— А где Гарриет?

С одной стороны, любопытство разбирало меня, с другой — было отчего-то грустно.

— Неужели она стала жертвой убийства?

Я вернулась к главной странице поиска, выбрав на этот раз тысяча восемьсот шестьдесят первый год. Но оказалось, что в то время в нашем доме никто не жил. Та же картина и в тысяча восемьсот семьдесят первом году.

— Никого. Куда вы все делись?

Я полистала другие сайты с данными о переписи населения и наткнулась на один, содержащий свидетельства о рождении, браке и смерти. Доступ к информации был закрыт. Вместо этого рекомендовалось обратиться к приходским записям в церквях по месту жительства.

Разочарованная, я задумалась. Затем, отбросив робкие мысли о работе над книгой, взяла блокнот, ручку и спустилась в гостиную.

Дети с няней гоняли мяч в саду.

— Вы все уже сделали? Так быстро? — поинтересовалась Маргарет.

— Не совсем. Мне нужно кое-что проверить. Могу взять мальчиков с собой, но, если вы не против побыть у нас еще, у меня получится быстрее.

— Конечно, идите, — не задумываясь, ответила женщина. — Мы с ребятами отлично проводим время.

Порадовавшись, что хотя бы на время перестала думать об отце и переезде, я зашагала по переулку в сторону деревенской церкви. Побывать внутри мне еще не приходилось, но архитектура восхищала каждый раз, когда я проходила мимо. Это была великолепная нормандская церковь со старинными могилами и квадратной колокольней. Тяжелая деревянная дверь была открыта. По счастливой случайности мне встретился приходской священник, прикреплявший к доске объявления для прихожан.

Он улыбнулся:

— Приветствую вас.

Я представилась и объяснила причину своего появления. Священник, намного моложе, чем я ожидала, попросил называть его Рич и проводил меня в боковой кабинет, где велись приходские дела.

— Увлекательное занятие, — поделился мужчина. — Иногда смотрю наугад на кого-нибудь, а затем отслеживаю его древо, чтобы посмотреть, чего достигла семья. Ведь многие здесь живут на протяжении поколений.

Рич выбрал для меня книги, и я устроилась с ними за столом. Поиск не был таким же легким, как в интернете, но я достаточно быстро обнаружила запись о крещении маленькой Вайолет в тысяча восемьсот тридцать седьмом году. В тысяча восемьсот сорок втором году, судя по записям, ее мать Гарриет умерла от «родовой лихорадки».

Значит, не убийство. Я была несколько разочарованна тем, что обошлось без тайн.

— Нашли, что искали? — поинтересовался Рич, заглянув мне через плечо.

— Нашла. Но женщину не убивали. Она умерла при родах.

— Ребенок тоже умер. — Священник указал на строчку под именем Гарриет. — Посмотрите — мальчик.

— Фредерик Харгривз, — прочитала я вслух. — Возраст: два дня.

Мой голос дрогнул.

— О, тогда Вайолет было пять.

— Вайолет? — переспросил Рич.

— Дочери. Девочке было пять лет, когда умерла Гарриет. Мне тоже было пять, когда ушла мама. — Я замолчала. — И я тоже потеряла младшего брата.

Священник положил руку на мое плечо.

— Мне очень жаль. Вы сказали, что пишете романы?

Я кивнула, не отрывая глаз от бумаг.

— Может, эта история поможет вам разобраться в себе, — сказал он.

— Может. Очень может быть.

Я поблагодарила Рича и пообещала вернуться для дальнейших поисков данных о семье Харгривз. Голова была занята мыслями о неизвестной девушке Вайолет, которая, как и я потеряла мать, и о бедной Гарриет.

Едва успев поздороваться с мальчиками и Маргарет, я услышала, как хлопнула входная дверь. Бен вошел в сад, обнимая пушистый комочек. Я наблюдала, как он аккуратно опустил что-то на траву перед детьми. Живот сдавило от волнения.

— Осторожно, — предупредил он прыгающего рядом Оскара. — Это малыш.

— Мамочка! — прокричал, почти рыча от возбуждения, Оскар. — Мамочка! Это щенок! Смотри!

Я обменялась взглядом с Маргарет.

— Похоже, вопрос о вашем месте жительства решен окончательно, — с улыбкой произнесла женщина.

— Похоже на то, — кивнула я.

Глава 12

1855

Вайолет

Убежав от мистера Форреста, я вернулась домой через кухню и сразу прошла напрямиком на чердак. Не хотелось видеть отца ни спящим, ни бодрствующим. Мне тяжело было смотреть в окно на скалы, где совсем недавно так грубо повела себя с молодым человеком, отвергнув его доброту. Я упала на стул и стянула шляпу. Щеки вновь залились краской. Как ему удалось прочесть мои мысли? Понять, что я в ловушке и нуждаюсь в его помощи? Мне повезло: отец не горел желанием выдать меня замуж первому встречному, проявившему

интерес. Но недавно он завел разговор о человеке по имени Джон Уоллес, который работал с ним над одним из проектов, подчеркнув, что молодой человек умен, организован, умеет обращаться с деньгами. Я знала, именно эти качества восхищали отца. Качества, которые, по его мнению, необходимы хорошему мужу.

До сих пор мне удавалось избежать встреч с мистером Уоллесом. Но отец пригласил его в Сассекс. «Вот и все», — в отчаянии подумала я.

Я знала, что должна поговорить с папой, поведать ему о своих чувствах, о своем желании писать картины, рассказать о том, что мистер Форрест, кажется, воспринимает мое увлечение всерьез и готов показать мои работы в Лондоне. Я понимала: у меня вряд ли что получится без отцовского одобрения. Но мысль о предстоящем разговоре наводила страх.

В целом, с самого начала отец поддерживал мою любовь к искусству. Многие девушки, как и я, брали уроки рисования. Меня обучала женщина из деревни с волосами мышиного цвета, которая серьезно относилась к технической стороне рисунка. Она отправляла меня на пляж собирать ракушки, перья, ветки, а потом заставляла их рисовать снова и снова и только углем. Никакого цвета!

Несмотря на однообразие занятий, они мне нравились. Нравились больше, чем уроки с пожилыми гувернантками, скучно бубнящими о королях и королевах и заставляющих учить стихи. О, лишь вспомню старую миссис Прингл и ее рассказы о Реформации, так сразу хочется уснуть, свернувшись клубочком. Но на уроках рисования я становилась собой.

Покончив с занятиями, я закрывалась в спальне, чтобы рисовать. Делала наброски своих частей тела: ног или рук. Смотрелась в зеркало и срисовывала лицо, вновь и вновь пытаюсь правильно изобразить волосы.

Как-то раз я набросала портрет отца, и он с восторгом отметил, как точно я поймала выражение его лица. С гордостью погладил меня по голове. Мы часто посещали Королевскую академию, где я, потеряв дар речи, молча любовалась картинами, а он лишь посмеивался. Но по мере моего взросления, отцовская снисходительность к увлечению дочери ослабевала.

— Больше никаких разговоров о живописи, Вайолет! — говорил он при попытках завязать разговор. — Не пристало девушке заниматься только этим. Расширяй свои знания. Арифметика только улучшится, если потратишь хотя бы половину того времени, что уделяешь рисованию.

Он будет ругаться, если увидит меня с бумагой и карандашом, и непременно откажет, если я захочу съездить в Королевскую академию. Поэтому я уходила рисовать в спальню. И только если отец уезжал из дома, перемещалась в гостиную, где освещение ложилось лучше.

До встречи с Эдвином о моих занятиях знали только Мэйбел, наша домработница и Филипс, отвечавший за дом и сад. Мэйбел, удивляясь, мельком бросала взгляды на мои рисунки.

— О, посмотри, глаза отца здесь просто идеальные, — сказала она однажды, когда я показала скетч. — Ну, разве ты не умница? А теперь иди и не мешай мне убираться.

Филипс проявлял бóльший интерес. Задавал вопросы, указывал на недостатки и достоинства. Я жаловалась на недостаток света в спальне, выражала желание иметь собственный уголок для работы. Однажды, когда отец был в Манчестере, парнишка повел меня по шаткой лестнице на чердак, где хранилась старая мебель, сундуки и постельное белье.

— Смотри. — Он отступил в сторону, приглашая меня войти.

Я остановилась в немом изумлении. Филип вынес весь хлам во флигель сада, как выяснилось позже, вычистил деревянный пол и покрыл темперой стены. Потрепанный шезлонг стоял в углу, а рядом чаша с кувшином. («Кто ж знал, что тут можно найти?», — с добродушной улыбкой объяснил Филип),

— Мне показалось, что место идеально, — продолжил юноша. — Здесь солнечно, видишь?

Благодарность и радость переполняли меня. Теперь я действительно смогу работать.

С тех пор прошло почти два года. Отец не знал про студию. Я не то, чтобы врала ему, просто не упоминала об этом. Да и он не проявлял интереса к чердаку, видимо полагая, что там до сих пор склад старых вещей. Филип продолжал помогать мне. Починил лестницу, чтобы я, не боясь упасть, бегала вверх-вниз, купил по моей просьбе краски и кисти в Брайтоне. К тому же охотно слушал мои размышления об искусстве.

Время шло. Отец с облегчением вздохнул, видя, что я забросила занятия. Он заводил разговоры о роли жены, но я игнорировала их, на самом деле ничего не зная о мужчинах, да и о женщинах тоже. Друзей у меня не водилось, только кузен, который жил с нами, когда я была маленькой. Но и с ним мы не были близки, а после его семья переехала, и вот уже много лет мы не виделись. Из-за папиной работы, заставлявшей его так часто отсутствовать, к нам редко приходили гости. А если и заглядывал кто-нибудь, то это был, как правило, мужчина. Я молча обедала с ними, пока они обсуждали дела, а затем скрывалась в комнате. Идея брака была настолько чуждой, что я не воспринимала ее всерьез.

Но сейчас неопределенные разговоры о том, как стать хорошей женой велись с упоминанием мистера Уоллеса. Я понимала, что нахожусь на перепутье, что без отстаивания своих прав через год стану миссис Уоллес. Но смогу ли так жить? С другой стороны, идея открыть отцу свои истинные взгляды пугала еще больше.

Мы с папой всегда хорошо ладили. Даже когда он был строгим, я знала, что любима и скучала по нему, когда он уезжал. К матери подобного не испытывала. Совсем. Она умерла давно. Я ее едва помнила.

И только недавно мне отчаянно захотелось, чтобы мама была рядом. Как-то днем я смотрела на море из окна чердака и слышала смех у дома. Перейдя на другую сторону комнаты, я выглянула из окна поменьше. На улице Мэйбел разговаривала с пожилой, очень похожей на нее женщиной, только меньше ростом и коренастее. Это была мать девушки. Недалеко на лужайке играли две девочки, бегая взад и вперед, волосы у них были распущены. Их смех потревожил меня. Прислонившись к дереву, за сестрами наблюдал с оттенком презрения, как мне показалось, мальчуган, чуть постарше, с такими же светлыми волосами, как у Мэйбел. Домработница, которая была старшей в семье, говорила, волнуясь и размахивая руками. Женщина внимательно выслушала ее, затем взяла руки девушки в свои и что-то сказала. Не прекращая беседы, она убрала непокорные пряди со лба дочери, заправляя их под шапочку. Мэйбел кивнула и крепко обняла мать. Вскоре женщина высвободилась из объятий, поцеловала дочь и направилась в деревню. Девочки побежали следом, весело помахав на прощание. За ними, отсалютовав девушке, поспешил брат. Старшая сестра с улыбкой ответила ему тем же. Мэйбел смотрела им вслед, затем поправив шапочку, вернулась в дом.

Я стояла у окна и думала, как должно быть здорово, когда можно поделиться горестями с мамой, которая пригладит твои волосы, выслушает и даст совет. Представила себе младших сестер, с которыми можно поиграть, или младшего брата, которого можно помучить. Наш

дом, наполненный криками и смехом, маму, присматривающую за всеми сразу, и внезапно почувствовала боль в груди, заставившую опуститься на пол, чтобы прийти в себя.

— Мне не хватает тебя, мама, — прошептала я.

Какое-то время я неподвижно сидела на полу, чувствуя печаль и одиночество. Потом встала, отряхнула юбку от пыли и принялась за рисование.

Глава 13

Наши дни

Элла

Щенок сам выбрал себе кличку. Стэн упорно настаивал на «Бэтмене», но когда Оскар предложил «Дамблдор», собака весело запрыгала на лужайке. Мы дружно согласились оставить это имя.

Несколько дней спустя в гости заглянула Прия. Я сидела на кухне со щенком на коленях, а Майк чинил заднюю дверь, которая отказывалась открываться.

Услышав звонок в дверь, Дамблдор, все еще крохотный пушистый комочек с длинными ушами, встрепелся. Я, прежде чем подойти к двери, осторожно взяла его и положила в корзинку, где он зарылся в одеяло и уснул.

Для работы над триллерами мне была необходима широкая доска для пометок, записей идей и сюжетных линий. Я видела подобные в управлениях уголовных расследований. Их там использовали для работы над раскрытием преступлений. Увидев Прию, вынимающую доску из забрызганного грязью багажника, я пришла в неопишуемый восторг.

— В связи с переездом в офисе разбор завалов. Возможно, тебе пригодится.

От неожиданного счастья я онемела.

— Боже, это гениально! Как тебя отблагодарить?

Девушка покачала головой.

— Ее бы все равно выбросили.

— Ну, хотя бы чашкой чая?

Она снова покачала головой.

— Мне нужно к акушерке. — Прия показала на живот, ставший чуть больше с момента нашей последней встречи.

— Тогда позже?

— Обязательно! А может, ты как-нибудь наведишь меня на работе, на этой неделе? Хотелось бы узнать больше о вашем загадочном доме. Вдруг получится что-нибудь раскопать.

— Договорились.

Майк отнес подарок Прии на чердак и одолжил мне дрель, чтобы я прикрепила доску к стене возле вентиляционного отверстия-окошка. Мне показалось, что там фанера, а значит, сделать дырку не составит труда. Но не тут-то было. Стена оказалась кирпичной. Строительная пыль, осевшая на пол, служила доказательством. Слегка разочарованная, что таинственное окно лишь обыкновенная вентиляция, я запихнула дюбеля в просверленные отверстия, затем с помощью Майка прибила доску к стене.

— Неплохо, — стоя чуть поодаль похвалила я свою работу.

— Почти ровно, — согласился Майк. — Для чего она тебе?

— Выстраивать сюжет, — улыбнулась я.

Майк ушел. Я проверила собаку, взяла чашку чая и немного печенья. Чувствуя себя смешно и нелепо, прихватила старую радионяню Стэна, чтобы на чердаке услышать щенка,

если он проснется.

Моя героиня Тесса Гилрой — частный детектив. В основном она занималась разводами, но время от времени, обычно неохотно и случайно, ввязывалась во что-то более опасное. Мне замечательно писалось под лучами солнца, и я знала: следующая книга будет достойной и привлечет интерес читателей, а не превратится в очередной триллер.

Я давно собирала вырезки из газет о преступлениях и загадках, записывала истории, рассказанные Регом. У меня вырисовывалась идея романа о женщине, замешанной в преступлении. Возможно, в убийстве, только предполагаемая жертва не умрет. Убийца из тюрьмы свяжется с Тессой и попросит помочь доказать, что жертва еще жива...

Взяв маркеры, привезенные Прией, я набросала пару идей на доске. Почувствовала, как в мозгу закрутились ржавые колесики. Меня занимала история семьи Харгривз, несчастная Вайолет, выросшая без матери.

Примерно через час в кабинет заглянул Бен:

— Как дела?

Сгорбившись над компьютером, я была поглощена синопсисом и не ожидала появления мужа, поэтому подпрыгнула от неожиданности.

— Приехал забрать одно оборудование, через минуту снова еду на работу, — объяснил он. — Решил заскочить и поздороваться. Смотрю, у тебя получается? Выглядишь увлеченной.

— Нормально, — ответила я неохотно, как всегда, при обсуждении еще сырого материала.

— Не хочешь чаю?

Бен подошел к столу, поставил чашку рядом с подставкой для кружек и заглянул в компьютер.

Я подчеркнуто церемонно переставила чашку на подставку и закрыла экран.

— Нельзя. Еще не готово.

Бен хохотнул:

— О чем роман?

— Тесса работает в Сассексе. Это все, что тебе нужно знать.

Муж улыбнулся.

— Так ты начала писать?

Я кивнула, скорчив рожицу.

— Пока лишь набор слов. Не уверена, что правильный.

Бен огляделся:

— Здесь теперь намного уютнее. Похоже, ты нашла, наконец, свое место.

— Нашла, — довольная, осмотрелась я. — Но мне нужно открыть тот шкаф. Там отлично бы разместились книги и бумаги.

Я указала на замазанную краской дверь шкафчика под карнизом в углу комнаты.

— Майк все еще внизу. Могу попросить его взглянуть, если ты не против?

— Здорово. Скорее всего, нужно просто приложить силу.

Потребовалось больше времени, чем я предполагала. Но Майку после того, как он соскоблил краску и протер края растворителем, в конце концов, удалось открыть дверцу. Я в это время закидывала в стиральную машину белье, не давая щенку запрыгнуть внутрь барабана. Майк прокричал, перегнувшись через перила:

— Элла! Шкаф открыт.

— Супер!

Я подхватила Дамблдора и поспешила на чердак. Лестница определенно поможет мне сохранить стройность. Майк стоял у открытого шкафа, покачивая головой.

— Ну и добавилось тебе работы!

Я заглянула внутрь. Удивительно, но на деревянных полках теснились книги и бумаги.

— Могу попросить кого-нибудь из офиса прийти и все убрать, если нужно, — предложил мужчина.

— Ни в коем случае! Ни за что! Посмотри на эти вещи. Они кому-то принадлежали.

— Да, но вряд ли им нужны!

— Все равно. Нельзя же их просто выбросить. Я сама все разберу и посмотрю, что здесь. Волосы на голове зашевелились.

— Понимаешь, ходят разные истории о доме, — объяснила я Майку. — Таинственные и страшные. Может быть, найдется разгадка. Что, если шкаф специально покрасили?

Мужчина с сочувствием посмотрел на меня:

— Скорее всего, какой-нибудь лентяй не удосужился нормально покрасить дверь.

Но я не собиралась сдаваться и, протянув руку к полке, вытянула жесткую картонную папку с бумагами внутри, обвязанную шнуром.

— Пожалуй, начну с этого.

К разбору бумаг я приступила не сразу, а лишь после того, как дети искупались и легли спать, а Бен, приехав домой, проглотил ужин и снова отбыл на вечернюю тренировку в Уэртинг.

Я устроилась на диване в гостиной и открыла папку.

Поначалу здесь было сплошное разочарование: куча иссохших, пожелтевших газет.

Я взяла одну наугад и прочитала:

Мнения по поводу последних работ прерафаэлитского «Братства» разделились. Мистер Чарльз Диккенс презирает их работу. Он сказал, что в доме его родителей изображение Девы Марии, принадлежащее кисти Джона Эверетта Милле «ужасно в своем уродстве». Другие, напротив, хвалят смелое сочетание цветов и реализма...

Давным-давно для школьных выпускных экзаменов мне пришлось изучать историю искусств. И я вспомнила обрывки знаний о прерафаэлитах. Если быть абсолютно откровенной, помнила мало, потому что тогда не интересовалась ими. Можно погуглить, или, лучше, поговорить с моим старым университетским другом Джорджем, который читает лекции по истории искусств в Сент-Эндрюс.

Я пролистала вырезки, читая отдельные публикации. Над некоторыми из них посмеялась. Казалось бы, простые статьи, но было удивительно видеть свидетельства тех далеких времен. Газеты датированы тысяча восемьсот пятьдесят четвертым и тысяча восемьсот пятьдесят пятым годами. Сразу после смерти Гарриет Харгривз, подумалось мне. Не знаю, прикасалась ли я когда-либо в своей жизни к столь старинным вещам. Кроме самого дома, конечно.

Сзади в папке я нашла еще одну пожелтевшую и помятую от времени страницу, отличавшуюся качеством бумаги. Похоже, ее вырвали из альбома для рисования. Это был карандашный набросок юной девушки.

Она была одета в длинное платье в мелкий цветочек с широкой юбкой вместо жесткого кринолина, модного в то время. Волосы собраны, но непослушные волнистые прядки выбились и змейками струились по щекам. Лицо с ясными глазами усыпано веснушками.

Довольная улыбка замерла на губах.

Я не смогла удержаться и улыбнулась девушке в ответ. Она выглядела такой счастливой. Сгорая от любопытства, я заглянула в папку в поисках других сокровищ, отложив рисунок в сторону. И только тут обратила внимание, что девушка стоит между двумя большими окнами, через которые открывается вид на море. Она стоит в моей комнате! В этом доме!

Я взяла рисунок в руки и начала внимательно изучать его. Внизу красивым почерком было выведено: «Автопортрет. Июнь тысяча восемьсот пятьдесят пятого года».

«Автопортрет кого?», — спросила я девушку, прикидывая сколько лет могло быть тогда Вайолет. Восемнадцать? «Это ты, Вайолет? Неужели тайна кроется в тебе, а не в бедной мертвой матери?»

Прижимая к себе рисунок и папку с бумагами, я поднялась на чердак и встала между двумя большими окнами. Вид из них был точно таким же, как и в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году. Необычайное волнение охватило меня.

Еще не приступив к разбору бумаг из шкафа, я оставила надпись на белой доске: «Тесса в Сассексе», а под ней набросала несколько слов об убийстве, которое не-было-убийством-на-самом-деле. Но теперь, повинувшись спонтанному порыву, я все стерла.

На вновь чистой поверхности написала: *ТАЙНА ДОМА НА СКАЛЕ* На середину магнитом прикрепила портрет девушки с вопросом: *Это Вайолет Харгривз?*

Меня переполняла решимость провести собственное расследование.

Глава 14

— И ты думаешь, эта девушка как-то связана с тайной? — спросил Бен, глядя на рисунок на доске.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Но семья Харгривз определенно жила здесь в тысяча восемьсот пятьдесят первом году, когда состоялась перепись. По крайней мере, Вайолет и ее отец. Мать к тому времени умерла.

Бен нахмурился.

— Но не при загадочных обстоятельствах?

— Нет, при родах. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году здесь вообще никто не жил. Семья могла, конечно, переехать. Но странно, что все вещи остались нетронутыми. Не могу отделаться от мысли, не об этом ли говорил дед Маргарет.

— Любопытно, — ответил Бен. — Это сюжет новой книги?

Теперь наступила моя очередь хмуриться.

— Наверное, нет. По правде говоря, я должна была писать роман про Тессу. Но мне хочется узнать больше. Кто эта девушка? Это Вайолет? Имеет ли она какое-то отношение к разыгравшейся трагедии?

Я протянула руку и прикоснулась к портрету.

— Возможно, никаких тайн и нет. — Я чувствовала себя немного глупо. — Священник предположил, что, возможно, драма в семье Харгривз поможет мне понять себя. Я рассказала ему о смерти мамы. Он посоветовал написать историю Вайолет.

Бен сжал мою руку.

— Это не навредит. И даже поможет навести мосты с отцом.

Я поморщила нос. Не хотелось говорить о папе.

— Прия обещала посодействовать. Даже умоляла принять ее помощь. Мы встречаемся завтра в полицейском участке.

— Новые друзья? — улыбнулся Бен. — Распутывание тайн? Похоже, ты начинаешь чувствовать себя как дома.

— Все хорошо. — Я приобняла мужа. — Мы поступили правильно.

В кармане запищал телефон. От неожиданности я вздрогнула. Вытащив мобильник, посмотрела на экран, отменила звонок и убрала телефон в карман.

— Кто это? — поинтересовался Бен.

— Папа. Только и всего. Должно быть, почувствовал, что ты говоришь о нем. Но сейчас не самое подходящее время для разговора.

— Думаю, тебе надо перезвонить.

— Не хочу, — нахмурилась я, понимая, что веду себя, как маленький Стэн.

— Он скучает.

Я посмотрела на мужа:

— Ты что, разговаривал с ним?

— Нет, — ответил он, потирая нос. — Электронная почта.

Вмешательство мужа вывело меня из себя:

— Бен, я сама разберусь в своих проблемах.

Но он не унимался:

— Просто поговори.

— Хорошо. — Я с раздражением начала собирать со стола мелкие обрывки бумаг. — Но только, когда захочу, а не по твоей указке.

Бен хотел продолжить, но мой разъяренный взгляд остановил его.

— Ладно. Я понял.

По его лицу было видно, что он ничего не понял.

— Раскапывай тайны дома. — Муж поцеловал меня в висок и вышел.

Я промолчала, злясь на него, словно ребенок, за то, что он общался с отцом.

Затем вытащила телефон, посмотрела на пропущенный звонок и убрала его в карман. Передумав, снова вытащила. Не потому, что хотела проверить новые звонки от отца. Совсем нет. Просто решила поискать портрет девушки в сети и посмотреть, не всплывет ли что-нибудь.

Сделав несколько фотографий рисунка, я поймала себя на мыслях о папе. Признаться, винить его в чрезмерной опеке нельзя. В конце концов, после гибели мамы, он невыносимо страдал. Ее смерть навсегда и бесповоротно изменила его, и неудивительно.

Я не очень хорошо помнила маму. Мне было пять, когда она умерла. Погибла в автокатастрофе на восьмом месяце беременности моим младшим братом. Врачи изо всех сил старались спасти малыша, но тщетно. Я была в школе, когда произошла авария. События последующих дней стерлись из памяти.

Было ощущение, что однажды заснула счастливой и безмятежной возле любящей мамы и младшего братика или сестрички, и внезапно проснулась без мамы и без малыша в страшном холодном месте рядом с обезумевшим от горя отцом.

Первым воспоминанием о том ужасном времени были ступеньки лестницы, на которых я сидела, обнимая белого котенка Снежинку — подарок родителей.

— Он твой, — сказала мама. — Только твой. Можешь не делиться с братиком.

Но мамы с братиком больше не было. Я сидела со Снежинкой на лестнице, несчастная и одинокая в своем горе.

В дом пришло много людей. Мы прощались с мамой и малышом, которому дали имя

Билли и который тоже отправился на небеса. Они с мамой были в одной коробке, называемой гробом. Я никогда не видела Билли, но мне было все равно. Я ненавидела его за то, что он остался с мамой, а я нет. Я ненавидела маму за то, что она ушла, не попрощавшись. И не понимала, почему папа обнимает меня так крепко и так долго.

Я сидела на лестнице с котенком, спрятавшись от всех людей, все время норовивших поцеловать меня.

— Как Элла? — услышала я голос тети Салли.

— Притихшая, — ответил папа.

Я прижалась к лестнице, боясь, что взрослые увидят меня. Мне не нравился этот неизвестный мне папа, который все время плакал и не умел заплетать косы.

— Испуганная. Скучает по маме.

Отцовский голос, пустой и бесцветный, звучал по-новому.

— Не знаю, что с ней делать, Сэл. Как ухаживать? Я ничего не знаю о маленьких девочках.

— О, Джим, — ответила тетя. — Ты любишь ее. Этого достаточно.

Сквозь перила я смотрела на него. Такой несчастный! Мне захотелось обнять его, но я лишь крепче прижала Снежинку.

— Я не смогу. Ей нужна мать. — Он потер нос. — Ты возьмешь ее, Сэл? Присмотришь за ней. Пожалуйста, Салли. Ты должна забрать ее.

— Джим. Подумай, ну что ты говоришь...

Входная дверь открылась, их голоса переместились вниз, на тропинку, но я все равно уже больше не слушала. Папа не хотел меня. Как оказалось, и тетя Салли тоже. По крайней мере, я не поеду к ней жить, а останусь дома с беспомощным отцом, и мы вместе будем выкарабкиваться и как-то жить дальше.

С тех пор воспоминания о том, как он просил, умолял сестру забрать меня и ее отказ, тревожили память, словно тлеющие угли. Что со мной не так? В чем моя вина? Почему родной папа и тетюшка не хотели меня?

По мере взросления я все лучше понимала, что мне нельзя рисковать плохим поведением, непослушанием, иначе отец избавится от меня. Поэтому и делала все, как он просил: не споря, вовремя ложилась спать, зубрила уроки, усердно училась. Не позволяла себе прекословить или выходить из себя. Была примерной дочерью только потому, чтобы не дать повода выгнать меня из дома.

Забывшись в мыслях, я протянула руку и рассеянно взяла кисть, которую Оскар оставил на столе. Мальчишки уже успели отвоевать себе местечко здесь. Я задумчиво прижала щетину к щеке. Маму я почти не помню, лишь ее длинную косу, перекинутую через плечо. Маленькой я уютно устраивалась на ее коленях и ласкала щечки концами ее волос, как сейчас кисточкой. Думаю, именно это побудило меня написать первый рассказ. Даже по прошествии нескольких месяцев после аварии моя раненная душа все так же страдала. Однажды в школе я большим пальцем провела по щетинкам кисточек и почувствовала головокружение от радости и болезненных воспоминаниях.

Моя учительница, милая миссис Уильямс, заметила, как я застыла с кистями в руках.

— Почему бы тебе не нарисовать картину? — спросила она. — Портрет отца?

Я покачала головой. Люди слишком трудны, что в реальной жизни, что на бумаге.

— Хорошо, тогда напиши историю? Например, о твоём котенке?

И я согласилась. Получился рассказ о Снежинке. А потом я написала еще один. И еще. В

вымышленных приключениях я позволяла Снежинке совершать невероятные, опасные, захватывающие, дерзкие проделки, на которые сама не осмеливалась. Шалости, которые запрещал мне папа, боясь за меня. Поступки, о которых я даже не помышляла, чтобы не злить его. День за днем мое замороженное сердце оттаивало.

А когда папа женился на Барбаре, душевная рана почти затянулась. Новая жена не заменила мне маму, так как мне было уже семнадцать, и я готовилась к поступлению в университет. Но я наслаждалась теплом, исходившим от нее. Мне нравилось, как она тактично и бережно готовила меня к самостоятельной жизни. Барб была юристом, как папа, но в отличие от него любила искусство, чтение, музыку. Она была первой, кому я разрешила прочитать мои рассказы. Барбара поощряла меня писать больше. Папа же только ворчал. Именно новая отцовская жена предложила мне присоединиться к творческой писательской группе в университете.

— Папа не жалуется творчество, — пожаловалась я однажды, будучи у них в гостях на выходных. Я привезла на ее суд свой последний рассказ.

— Он читает, — улыбнулась Барб.

— Ага, военную историю и «Файнэншл таймс».

— Он читал кое-что из твоих сочинений и очень гордится тобой.

Я покачала головой. Папа гордился тем, что, следуя его пожеланиям, я поступила на право. Он никогда не проявлял интереса к моему сочинительству, поэтому я всегда скрывала, что писательство важно для меня. Ведь он все равно не одобрит?

Барб, однако, настаивала. Она уговаривала показать ему работы, опубликованные в университетской газете. Первой прочитала рукопись о Тессе и поделилась с папой восторженными впечатлениями. Она была моей сторонницей, стараясь всеми силами залатать дыру в наших с отцом отношениях. Я обожала ее. Нам с папой очень повезло, что она появилась в нашей жизни. Барбара говорила тоже самое о нас с отцом.

Любые трения между отцом и мной до моего срыва в пабе были только у меня в голове. Как ни старалась забыть, как он умолял Салли забрать меня, я не могла. Хотя ни разу не показала, ни разу не дала ему понять, что веду себя идеально лишь из страха быть выгнанной из дома. К Салли или к какой-нибудь неизвестной родственнице, или в ужасную школу-интернат вроде бедной Сары Кру из «Маленькой принцессы»¹⁰. Я не могла так рисковать.

Я покрутила кисть Оскара на щеке, большим пальцем погладила щетину, как делала в классе миссис Уильямс. Бен прав. Мне нужно позвонить отцу, пригласить его и Барб в гости. Папа обожает мальчиков, а когда он увидит их счастливыми в новом доме, то поймет, что наш переезд — правильный шаг. Я бы извинилась. Может быть, даже поделилась тайной дома. А он, обладая логикой и вниманием к деталям, возможно, смог бы помочь в расследовании.

Я позвоню. Но не сегодня. Возможно, завтра. Или послезавтра. Но не сегодня.

Глава 15

Вкус чая заставил меня поморщиться.

— Ах да, забыла предупредить. Чай здесь дрянной.

Прия сидела напротив меня в мрачной полицейской столовой в Брайтоне. Она пододвинула кекс.

— Возьми, немного поможет смягчить вкус.

Приятельница улыбнулась. Темные глаза внимательно изучали мое лицо. Готова спорить, подозреваемым вряд ли удастся ее провести.

— Ты с пользой провела день?

Я кивнула, стряхивая шоколадные крошки.

— Несомненно, — ответила я. — Приятно наблюдать за вашей работой, ребята.

Раздумывая о содержании будущей книги о Тессе, я приехала по приглашению Прии в отдел уголовного розыска. Пообщалась с детективами, сделала кучу заметок для себя, зафиксировала отличия между полицией Сассекса и Лондона. План романа о женщине-детективе постепенно приобретал форму, но я то и дело возвращалась мыслями к «тайне Дома на скале».

Прия сидела за столом напротив меня.

— Кое-что выяснилось о доме, — улыбнулась я.

Девушка в нетерпении потерла руки:

— Ух ты, рассказывай.

Попивая ужасный напиток, я выложила все, что узнала о членах семьи Харгривз: о Маркусе, Гарриет и Вайолет. Прия записывала имена, внимательно слушая.

— К тому же в старом шкафу обнаружили обрывки документов. — Я вытащила из сумки папку. — Даты совпадают с данными семьи. Конечно, это всего лишь догадка, но полагаю, здесь скрыта связь с тайной дома. Иначе, почему содержимое старого шкафа оставалось нетронутым почти сто пятьдесят лет? А вот это, скорее всего, работа Вайолет. — Я осторожно открыла рисунок девушки.

Прия с интересом рассматривала автопортрет. Затем осторожно пролистав газетные вырезки.

— Невероятно. Дошли до наших дней! Просто потрясающе!

— Действительно, бумагам много лет. — Я наморщила лоб. — У вас сохранились записи тех времен?

— О, у нас все есть. — Прия щелкнула ручкой и продолжила делать пометки в блокноте. — Но не в системе. Вся база заперта в штабе.

— Можно ее получить?

— Если только подашь точный запрос того, что тебе надо. Потому что просто так пролистывать записи последних пятидесяти лет, на случай если ты вдруг наткнешься на информацию о доме, тебе не дадут. Данные тщательно охраняются. Не получится провести расследование, как в сети, к сожалению.

Я была разочарована. Все надежды рухнули.

— То есть нужно сначала сформулировать цель? Точно выяснить, что произошло? Но я не знаю, с чего начать.

Девушка кивнула, явно не собираясь сдаваться.

— Я спрашиваю людей вокруг, — пообещала она. — Может, кто-то что-то знает. Больше всего полицейские любят нераскрытые преступления, даже столетней давности. Возможно, кто-то вспомнит старые подробности.

Я едва успела выйти из участка и дойти до машины, как позвонила Прия.

— Я что-то забыла?

Она рассмеялась:

— Кое-что выяснилось.

— Да? Не может быть, — недоверчиво произнесла я. — Выкладывай.

— Это известная история. Но поскольку я здесь недавно, услышала ее впервые.

Я поискала в сумке блокнот и ручку. Прижав телефон к уху и наклонившись к рулю,

записывала слова Прии.

— Итак, Маркус Харгривз построил ваш дом. Он был одним из тех викторианских филантропов, знаешь ли. Ему удалось где-то заработать много денег, возможно, в колониях. На родину он вернулся, чтобы их потратить. Он был совестливым.

— Продолжай. — Я торопливо и с энтузиазмом чиркала в блокноте.

— Он жил с дочерью, видимо с твоей Вайолет. Неизвестно, сколько ей было лет на момент трагедии. Она исчезла, как будто растворившись в воздухе. Больше ее никто не видел.

— Убежала, — предположила я, прекратив записывать.

— Возможно. Но именно в день исчезновения девушки произошло ужасное преступление, возле ее дома.

— Ты наслаждаешься рассказом, — не скрывая, хихикнула я над Прией, смакующей детали. — А что за ужасное преступление?

— Убийство. И избиение, — с дрянным шотландским акцентом ответила женщина.

— Я все еще на парковке. Возвращаюсь к тебе.

***

Позже, сидя на диване и проверяя имена в блокноте, я рассказывала Бену:

— На их соседей, Эдвина и Фрэнсис Форрест напали в тот же день.

Я все еще злилась на мужа из-за общения с отцом за моей спиной. И еще больше за то, что он был прав, настаивая на телефонном звонке. Но старалась по-взрослому относиться к ситуации.

— Их всех убили? — Бен наклонился ко мне и попытался прочитать мои пометки в блокноте. — У тебя отвратительный почерк.

Я оттолкнула его.

— Имей терпение. Ну, так вот. Мистер Харгривз во время трагедии был в отъезде. Соседа Эдвина Форреста убили, а его жену так сильно покалечили, что все думали, она умрет.

— А она?

— Выжила.

— А Вайолет? Дочь мистера Харгривза. Что с ней стало?

— Исчезла, — таинственным низким голосом ответила я.

Бен засмеялся.

— А может, тоже убили?

— Может. Никто не знает.

— А как мы узнаем?

— Ну, тебе повезло. Ты женат на блестящем детективе.

Я открыла компьютер. Бен с сомнением посмотрел на меня.

— Что ты собираешься делать?

— Собираюсь погуглить мистера Харгривза, — с победным видом заявила я.

— Гениально, — иронично бросил муж.

Я вбила имя «Маркус Харгривз» в поисковик. Из детской раздался плач. Стэн. Мы переглянулись с мужем, выжидая, то ли когда сын успокоится, то ли кто из нас окажется слабаком и первым бросится в детскую. Как обычно не выдержала я. Пододвинув комп мужу, я пошла наверх.

— Посмотрим, что ты сможешь найти.

Пока я успокаивала сына и укладывала его в постель, Бен нашел в интернете много интересного о человеке, построившем наш дом. Имелась запись в «Википедии», упоминание на нескольких исторических сайтах, даже обнаружилась школа, названная в его честь в отдаленном районе юго-западной части Лондона. По крайней мере, существовала до прошлого года. Потом ее переименовали в Академию Непревзойденного Мастерства. Бен подавился смехом, увидев название школы.

— Читай вслух, — попросила я мужа, садясь рядом.

Бен открыл «Википедию».

— Маркус Харгривз (1807–1871), промышленник из Сассекса, — начал он.

— Там говорится о дочери? — перебила я.

Бен скорчил недовольную физиономию:

— Подожди.

Я закатила глаза. Мое нетерпение всегда бесило мужа, и он нарочно в отместку делал все в сто раз медленнее.

— Был промышленником, который заработал состояние на экспорте оборудования в колонии. Так что нет и в помине темного рабовладельческого прошлого, как я думал, услышав, что он работал на Карибах.

— Начальную школу не назвали бы в его честь, если бы он был рабовладельцем, — заметила я.

— Ладно, не умничай. — Бен запустил в меня блокнотом. — Он наблюдал жизнь бедняков в районе Ист-Энде, возле доков. Боже! Мистер удивился бы, увидев какие деньги крутятся там сейчас. И открыл школу и детский дом для детей рабочих порта.

Я была впечатлена.

— А есть что-нибудь о личной жизни?

Бен прокрутил мышкой вниз.

— Да. Он женился на Гарриет, и в тысяча восемьсот тридцать седьмом году у них родилась Вайолет.

— Что-нибудь еще? Там говорится об исчезновении дочери?

— Говорится.

— Дай посмотрю. — Я потянулась к компьютеру и экран потух.

— Ох, ты черт! Нужно зарядить его, а шнур в машине.

Бен так разочарованно посмотрел на меня, что я рассмеялась. Мы обнялись, и на некоторое время мистер Харгривз был забыт.

Глава 16

1855

Вайолет

В студии было жарко и душно, я не могла найти себе места. Мысли о мистере Форресте, которого я не видела в течение нескольких дней, об отце и мистере Уоллесе одолевали меня. Сидя на стуле и вяло обмахиваясь шляпой, я размышляла о своем будущем.

С приближением вечера зной не спадал. Казалось, тяжелый и горячий воздух замер в ожидании спасительной свежести дождя.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, что тоже томлюсь, ожидая прихода настоящей жизни. Вспомнив о живописи, я вскочила на ноги и подошла к шкафу в углу комнаты, что хранил мои сокровища: книги по искусству, рисунки и картины.

Изнутри к двери была прикреплена распечатанная копия «Марианны» кисти моего

кумира Джона Эверетта Милле. Несколько лет назад я вырезала ее из буклета, выпущенного Королевской Академией. Но мне посчастливилось лицезреть подлинник. Отец тогда взял меня на выставку живописи в Академии, не предполагая, что станет виновником моей незатухающей страсти к рисованию. Эта мысль заставила меня усмехнуться. С тех пор любовь к искусству пылала во мне.

Я рассматривала небольшую картину. Она не передавала великолепия оригинала, который навсегда врезался в мою память, но и нарисованного было достаточно. Марианна из шекспировской пьесы «Мера за меру», которую бросил жених из-за утерянного приданого девушки. Она, тоскуя, смотрит сквозь витражное окно. Ей больше не суждено увидеть корабль жениха, потому что он никогда к ней не вернется. Она обречена ждать вечно.

В Королевской Академии картину дополняли несколько строк из Теннисона о бедной Марианне:

«Моя жизнь уныла. Он не идет»¹¹.

Меня поразило то, что чувства девушки созвучны с моими.

— Это же я! Но вместо ожидания жениха, я жду прихода настоящей жизни.

Прикрепив репродукцию Милле к углу мольберта, я набросала очертания девушки, окна и осенних листьев, символизирующих ход времени. Затем начала наполнять рисунок насыщенной охрой, красной и голубой краской, которые использовал художник. Но лица Марианны я не рисовала.

Когда стемнело, я прекратила работу и спустилась к ужину. Немного поговорив с отцом, пораньше отправилась на покой. На следующее утро я встала с рассветом, поднялась в студию и снова села за картину.

Постепенно полдень перешел в вечер. Я потянулась и отступила от моего творения на несколько шагов, чтобы посмотреть, что вышло. Сузив глаза, оценила работу. Она была по-настоящему хорошей. Но, должна признать, композиция и цвета скопированы у Милле. Однако от себя я все же добавила несколько штрихов. Вместо длинного лица героини и ее прямых, аккуратных волос, нарисовала свои круглые щеки-яблочки, усыпанные веснушками и непокорные рыжие кудри. Я — Марианна, тоскующая и ждущая чего-то, как сказал поэт.

Бесспорно, картина станет моим лучшим творением. Король Кнуд тоже неплох, но здесь — нечто особенное. Я снова вспомнила мистера Форреста. Интересно, когда он поедет в Лондон и встретится с Милле? Я должна передать ему работы и непременно «Марианну». Особенно ее. Для этого нужно забыть о смущении и встретиться с ним снова.

Я еще раз посмотрела на картину, то есть на саму себя в ожидании чего-то, что никак не наступит, и приняла решение. Хочешь изменить жизнь? Бери все под свой контроль! Больше ждать не имеет смысла. Я пойду к нему. Сама. Сегодня же. И скажу, что у меня появилась работа, на которую он должен взглянуть. От дерзких намерений дрожь пробежала по телу.

Позже, надев шляпку и перчатки, я отправилась с визитом к соседям. Летний воздух, густой и тяжелый, навис над морем, разрастаясь грозowymi тучами. Я испытывала легкую эйфорию, не знаю, то ли от погоды, то ли от своей смелости.

Сердце колотилось в груди. Я прошла по дорожке и постучала дверным молотком. Звук прокатился эхом по всему дому, и потонул в тишине. Несколько мгновений спустя послышались шаги. Я мысленно повторила заученную фразу для экономки. Шаги приближались, и, наконец, дверь открылась.

Но вместо экономки выглянуло длинное и бледное лицо Фрэнсис Форрест. Она посмотрела по сторонам, словно ожидая непрошенных гостей. При виде меня, в ее глазах

появилась тень.

— Мисс Харгривз.

— О, — только и смогла вымолвить я, забыв заготовленные фразы и удивленная ее появлением.

Миссис Форрест слегка улыбнулась.

— Полагаю, вы ожидали увидеть Эдвина. — Она открыла дверь шире, приглашая меня войти. — Его нет.

Потеряв дар речи и не найдя причины, чтобы вежливо отказаться от приглашения, я вошла в прохладный холл. Загрохотал гром.

— Он уехал в Брайтон, — продолжила миссис Форрест, ведя меня в гостиную. — Не знаю зачем. По всей вероятности, что-то по работе. Присаживайтесь.

Я повиновалась, сняла перчатки и крепко сцепила руки. Мои ладони вспотели.

— Резко стемнело, не правда ли. — Женщина зажгла керосиновую лампу возле меня. — Приближается шторм. Но я рада. Немного дождя пойдет на пользу растениям в саду.

Она подошла к двери и позвала:

— Агнес, ко мне пришла подруга. Не могла бы ты принести нам чаю?

С кухни послышался приглушенный крик.

Миссис Форрест села напротив меня и нахмурилась.

— Она ужасно воспитана, но печет до неприличия вкусные торты.

Я была скована абсурдностью происходящего: чай, любезности. Мое единственное желание — передать картины ее мужу. Вот уж не думала, что простой визит закончится распитием чая в компании странной женщины с печальными глазами.

— Я рада, что вы пришли, — продолжила Фрэнсис. — Давно хотела познакомиться ближе. Знаю, что Эдвин слегка увлечен вами.

Я была потрясена. Неужели он рассказал жене о нашей встрече на пляже?

— И я им.

Я запнулась и замолчала, когда Агнес с грохотом поставила поднос с чашками на столик между нами.

— Я сама налью, спасибо, — поблагодарила хозяйка.

Агнес затопала на кухню, недовольно бурча.

Миссис Форрест снова улыбнулась, на этот раз искренне. И сразу помолодела.

— Вы выглядите довольно испуганной, — заметила женщина. — Все в порядке?

Лучше всего сказать правду.

— Отсутствие вашего мужа разочаровало меня, — сбивчиво начала я. — Он просил... Я — художница.

Впервые в жизни я вслух призналась в этом.

Миссис Форрест молча подала мне чашку чая.

Немного успокоившись, я продолжила:

— Мистер Форрест проявил интерес к моей работе и спросил, можно ли ему показать ее своим друзьям в Лондоне.

Фрэнсис откинулась на спинку стула. Усталость отразилась на ее лице.

— Ах. Его друзья.

— Джону Эверетту Милле, — уточнила я.

— Джону Эверетту Милле? — повторила женщина.

Мое терпение было на исходе. Либо мы говорили на разных языках, либо миссис

Форрест очень тупа.

Я повторила нарочито медленнее:

— Он сказал, что покажет мои работы Джону Эверетту Милле.

Не отпив чая, я поставила чашку на столик и поднялась.

— Будьте так добры, сообщите мистеру Форресту о моем приходе. Буду рада видеть его у нас. Спасибо за чай. Не провожайте.

Я не упомянула об отсутствии в доме отца.

Вернувшись, прошла в студию. Темное небо над морем озарялось вспышками молний. Они освещали стену, куда я прикрепила свою «Марианну». Я знала: вышло очень хорошо. Просто уверена в этом. Теперь нужна другая картина, оригинальная и необычная, чтобы Эдвин взял ее с собой.

Я свернулась на диване калачиком и представила себя в кофейне за дискуссией об искусстве с Милле и его друзьями. Я заморозю эти умные головы, ослеплю их остроумными разговорами и захватывающими идеями. То, что я никогда в жизни не произносила ничего остроумного или волнующего, не означало, что не сумею, если будет нужно.

По словам отца, мои любимые художники таили опасность. Но я не согласна. Скоро, совсем скоро я заставлю их есть с моей ладони, как Даниил в логове львов. Вспышка молнии снова озарила комнату. Я потянулась за карандашом, открыла альбом и начала рисовать.

Глава 17

1855

Фрэнсис

Фрэнсис смотрела девушке вслед. Та удалялась, понутив плечи, разочарованная отсутствием Эдвина.

Женщине стало интересно, знаком ли на самом деле ее муж с художником Милле. Маловероятно. Хотя никто не знал, а в первую очередь жена, чем он вообще занимался в Лондоне. Как и то, зачем ему понадобилось ехать в Брайтон. Были подозрения, что муж навещал проститутку. Но Фрэнсис не возражала. Чем равнодушнее он к ней, тем лучше.

Она боялась за Вайолет. Эдвин умел очаровывать. Красивая, талантливая, умная девушка видела в нем своего благодетеля, это очевидно. Вайолет, конечно, не первая жертва ее мужа, но насколько опасным тот может быть, юная леди не представляла.

Фрэнсис разрывалась между желанием защитить своего будущего ребенка, держась подальше от мужа, насколько это возможно, и стремлением помешать Вайолет увлечься Эдвином. Она чувствовала свою беспомощность.

Глава 18

1855

Вайолет

Я с раздражением бросила кисть.

— Думала, будет лучше.

Филипс скривил лицо.

— Уверен, так и будет, мисс. Но если ваш отец узнает, то мне — конец.

Привыкшая к отказам отца, я с удивлением посмотрела на парня. Что-то новенькое! Обычно Филипс слушался меня, не споря. Я вздохнула. Придется применить другую тактику.

— Филипс, милый. Это так важно для меня.

Мои длинные ресницы затрепетали.

Он улыбнулся, сверкнув ямочками на красивом лице и сломанным передним зубом.

— Мисс, вы же знаете, я всегда готов помочь. Но снять рубашку — это слишком, даже для меня.

— Даниил не носил рубашек, — досадливо бросила я.

— Осмелюсь согласиться, — ответил юноша.

Его спокойствие вывело меня из себя. Я с вызовом подняла подбородок.

— Приказываю тебе снять рубашку!

Филипс поднялся и подошел ко мне. Ближе, чем обычно. От него пахло садовыми растениями и потом.

— А я приказываю вести себя прилично, мисс.

Он развернулся и вышел, тяжело и громко топая по лестнице.

Я в отчаянии бросилась на диван. Упущен последний шанс! Отец надолго уехал в Манчестер, а когда вернется, то познакомит меня с мистером Уоллесом, как обещал. Он желал выдать меня замуж к Рождеству, раньше, чем я предполагала. И тогда — прощай мечта о карьере в искусстве. Если только до этого не смогу убедить мистера Форреста взять мои картины в Лондон.

Я задумала нарисовать Филипса в образе Даниила в логове львов. Его худощавое тело было превосходно в выбранной мною позе, но я всегда думала, что Даниил носил только брюки. Несмотря на все мои уговоры, юноша отказался снимать рубашку. А я не знала, как выглядит мужское тело. Я видела их только на картинах. Как рисовать то, чего никогда не видел?

Но от грубости не было пользы. Филипс, как это ни грустно, мой единственный союзник, и без него у меня ничего не выйдет. Я решила извиниться. Мне было больно осознавать, что стремление стать художником изменило меня. Впервые в жизни мне приходилось так много лгать, быть неучливой и дерзкой. Словно, если я не смогу делать то, что хочу, вся жизнь рухнет. От этой мысли становилось плохо. И, тем не менее, я не могла представить себя вне искусства, настолько оно было важно для меня.

Отбросив сантименты в сторону, я понимала, что у меня проблема с образом Даниила. Я отошла, чтобы с расстояния оценить работу. Изображение мне показалось фальшивым. Прислонившись к подоконнику, еще раз внимательно рассмотрела картину. Нет. На ней Филипс выглядел как деревенский парнишка в логове льва. А мне нужен Даниил. Мне нужна другая модель.

Прижавшись лбом к холодному стеклу, я вгляделась в морской пейзаж. Приближалась гроза. Большие капли дождя уже брызнули на окно. Далекая фигура на пляже внезапно привлекла мое внимание. Мистер Форрест! Немедленно, без малейших колебаний и мыслей о неловкости нашей последней встречи, я схватила шаль с дивана и бросилась вниз по лестнице. Проливной дождь поил иссушенную землю. Я, не обращая внимания на мокрые ноги, шла быстрее, чем обычно, по крутой тропинке на пляж. Там никого не оказалось. Разочарованная, растерянная и дрожащая под промокшей шалью, я несколько секунд наблюдала за серыми волнами, бьющими о берег.

— Вайолет?

Я оглянулась. Эдвин, стоя в неглубокой пещере под скалой, помахал мне рукой, приглашая в укрытие. Радостная, я побежала, чтобы спрятаться от дождя рядом с ним.

— А ливень не утихает, — проговорил мужчина, не обращая на меня внимания.

Он пристально смотрел на нависшие над морем лиловые облака.

Раздались громовые раскаты, дождь усилился. По моему телу пробежала дрожь. Эдвин

посмотрел на меня с беспокойством.

— Дорогая Вайолет, вы мерзнете.

Он снял с меня шаль, скинул свой пиджак и укутал им мои плечи. Затем разложил мою накидку на камне.

— Скоро просохнет.

Я улыбнулась, дрожа больше от его прикосновений, нежели от холода.

— Спасибо, мистер Форрест.

Он махнул рукой, протестуя.

— Зовите меня Эдвин. Я думаю, мы друзья, не так ли?

Я кивнула. Он выглядел довольным.

— Давайте посидим здесь немного и переждем ливень.

Он опустился на песчаный пол пещеры, прислонившись к каменной стене. Через секунду я присоединилась к нему, расправив мокрую юбку, чтобы она быстрее высохла. Казалось, мы находились в нашем собственном маленьком мире. Здесь не было обычных правил общества, в котором Эдвин ни за что не назвал бы меня по имени, не говоря уже о предложении посидеть рядом с ним наедине, вдаль от строгих глаз дуэньи. Предчувствие чего-то опьяняло. Могло произойти все, что угодно. Абсолютно все.

— Расскажите мне, — попросил Эдвин, — что вас привело на пляж в такой дождь?

— Разочарование. Новая картина не выходит.

Эдвин нахмурился:

— Почему?

Я покраснела, вспомнив о том, как грубо повела себя с Филиппом.

— У меня проблемы с моделью.

Выбирая слова, я объяснила, что хотела от деревенского паренька. Эдвин расхохотался.

— Не смешно, — обиженно ответила я, но поняв, что наоборот, это выглядело забавно, тоже рассмеялась.

Мы дружески общались, пока на пляже бушевала гроза, обсуждали мою картину. Эдвин предлагал идеи, и я старалась их запомнить.

Через некоторое время его рука легла на мои плечи. Наверное, мне надо было отодвинуться, но этот жест показался мне настолько естественным, что я не могла заставить себя пересесть.

— Итак, ваша модель. И убедить парня не получится?

Я покачала головой.

— Нет. Он боится, как огня, гнева моего отца. И я не могу сказать, что виню его.

Эдвин повернулся ко мне, приблизил свое лицо. Снова я подумала, что должна бы отодвинуться, но не стала.

— Я, — сказал мужчина, лицо его было в опасной близости от моего. — Я ничего не боюсь. Ни грома. Ни молнии. И уж точно не вашего отца.

Очень мягко, так, что я едва заметила, он прижал свои губы к моим.

— Я стану моделью для тебя, милая Вайолет.

У меня закружилась голова. Я не знала: от нехватки воздуха в пещере, радости от новой модели или поцелуя Эдвина.

Много лет я была хорошей девочкой, выполняя желания посторонних и забывая о своих. Но теперь с этим покончено.

Наши дни

Элла

На следующий день выдалась прекрасная теплая погода. В Сассекс мы переехали в правильное время года. Стоял август. Я начала задумываться о школьной форме для Оскара и о подготовке Стэна к детскому саду. Крошечная деревенская школа станет контрастом для детей по сравнению с их большой начальной школой в Лондоне. Но, надеюсь, они быстро привыкнут и им понравится. Встреча с Эмбер, дочкой Прии, помогла Оскару почувствовать себя увереннее в незнакомой обстановке. Приятельница обещала перед началом учебного года познакомить сына с другими детьми из класса.

Бен, сильно нервничая и переживая, ушел на заключительную тренировку перед началом футбольного сезона. Я вздохнула с облегчением, на несколько часов оставшись одна. На сегодня была запланирована работа над сюжетом для книги, прогулка по скалам в поисках предполагаемого места убийства. Я поднялась наверх, открыла окна кабинета и приступила к работе. Смех детей и Маргарет, играющих со щенком в саду, вызвал у меня улыбку.

По прошествии часа, смахнув пот со лба, я вновь пробежалась по записям. Фабула книги была готова и мне нравилась. Решительный настрой добиться успеха был настолько велик, что просматривался даже в черновиках, но неуверенность все же присутствовала.

Прежде, чем развивать сюжетную линию дальше, я решила поинтересоваться мнением своего агента и отправила ей электронное письмо. За работой я несколько раз ловила себя на том, что то и дело бросаю взгляды на портрет девушки, прикрепленный к белой доске для заметок. Меня мучил вопрос, не пропавшая ли Вайолет изображена на нем. Задумавшись, я даже несколько раз писала «Харгривз» вместо имен своих героев. Может быть, мне надо написать о ней. Жаль, что ее история все еще остается загадкой.

Улыбаясь, я встала, потянулась и подошла к окну, чтобы вдохнуть августовскую свежесть. Дети забежали в дом попить. Я решила присоединиться к ним на десять минут, а после прогуляться. Но отвернувшись от окна, увидела, что дверца большого шкафа в углу комнаты тихо распахнулась, как бы приглашая меня заглянуть внутрь. Я знала, там оставалось еще много бумаг. Только малую часть я успела разобрать. Устоять перед соблазном дальнейшего расследования было невозможно.

Верхняя часть шкафа, пропитанного запахом заплесневелой старости, покосилась, а коврик истерся. Пригнувшись, я могла бы поместиться внутри. Так я и сделала, придерживая дверь на случай, если она захлопнется, и я окажусь в ловушке.

На полках книги, в углу рулон бумаги, перевязанный ниткой. Отчего-то сильно волнуясь, я вытащила его. Устроившись на полу, потянула нитки и рулон раскрылся. Разобрав бумаги на части, я разложила их вокруг себя.

Это были маленькие карандашные рисунки и большая картина. Несмотря на то, что я старательно их разглаживала, бумаги снова упрямо сворачивались в рулон. Так что я была вынуждена разложить по их углам книги.

На всех набросках мужчина слегка за сорок. Вот он в костюме и рубашке с высоким воротничком. На остальных — сидит на земле с обнаженным торсом. Вокруг него размытые очертания животных: какие-то большие кошки, скорее всего львы. Молодой человек был красив, широкоплеч, с густыми волосами. Почти на всех рисунках он смотрел на зрителя спокойно, даже умиротворенно. Но на том, в костюме, его взгляд смел и непокорен. Интересно, на каком из скетчей он был настоящим?

Рисунки очень хороши. Похоже, они служили черновиками к другой работе. В них содержалась знакомая история, которую я не могла вспомнить.

Мое внимание привлекла картина. По размеру больше, чем рисунки, наполненная приглушенными оранжевыми и красными оттенками, она словно переливалась в лучах солнца. Женщина в синем платье стояла перед витражным окном. Она слегка откинулась, потирая поясницу. На лице читалась скука. Я присмотрелась внимательнее. Где-то я уже видела эту картину и совсем недавно...

Внезапно воодушевившись, я встала и прошла к столу, где хранились листы «Иллюстрейтед Лондон Ньюс», найденные в шкафу. Осторожно переворачивая хрупкие, старые страницы в поисках нужной фотографии, я, наконец, нашла ее и прочитала:

«Марианна» Джона Эверетта Милле. Сегодня мы представляем эстамп новой картины Милле, которая в настоящее время выставляется в Королевской академии.

Так что это? Оригинал? Нет, не может быть! Мало смысла в искусстве, я, тем не менее, слышала о Милле и знала, что он — известный британский художник. Неужели мной открыт неизвестный миру шедевр, и я, как участники программы «*Antiques Roadshow*»¹² задохнусь от восторга, когда мне объявят стоимость этого сокровища. (Я беззаботно проигнорировала тот факт, что обнаруженные ценности дома по закону принадлежат его владельцу, а не арендатору).

Снова посмотрев на картину в надежде увидеть фамилию художника, я прочитала подпись в углу: «Вайолет Харгривз». Поразительно! Значит, девушка действительно была художницей. Пропавшая дочь Маркуса Харгривза рисовала картины. Ну что ж, не получить мне миллионы за случайно обнаруженный оригинал кисти Милле, зато куда больше пользы: появился еще один ключ к решению тайны семьи Харгривз.

Я встала, взяла в руки автопортрет Вайолет. Даже для моего дилетантского взгляда было очевидно: картины нарисованы одной рукой. Значит, юная особа в платье в цветочек и нежной улыбкой определено Вайолет.

— Привет, Вай, — приветствовала я девушку, смотревшую на меня с картины.

Заинтригованная, я села за стол, ввела в поисковую строку «Марианна» Джона Эверетта Милле». Появилась страница о прерафаэлитках с той же скучающей женщиной в синем платье. Я увеличила картинку, чтобы рассмотреть детали. Работа была подписана Джоном Эвереттом Милле с инициалами ПРБ под именем. Вайолет Харгривз написала довольно хорошую копию.

Входная дверь снизу с шумом захлопнулась. Послышался лай собаки и крик Стэна: «Папа!»

Бену будет интересно. С большой осторожностью я закатала в рулон картины, взяла автопортрет, компьютер и спустилась вниз, чтобы показать свои находки мужу.

Глава 20

Муж, одетый в клубную футболку и шорты, пил воду, прислонившись к раковине на кухне. Стэн и Оскар все еще играли, перекрикиваясь в саду, где Маргарет наблюдала за ними. Я помахала ей.

Бен вопросительно поднял брови:

— Что у тебя там?

— Как прошла тренировка? — игнорируя его вопрос, я начала разворачивать рисунки на столе.

— Хорошо, — сказал он. — Все в хорошей форме и готовы к новому сезону.

— Нервничаешь?

— Не-а. — Муж махнул рукой.

— Неужели? — улыбнулась я.

— Просто в ужасе.

Я поцеловала его.

— Все будет хорошо. Ты — блестящий физиотерапевт. Им повезло с тобой.

Бен вяло улыбнулся.

— Что все это все значит? Пытаешься отвлечь меня от тревожных мыслей клочками пыльных бумажек?

Я скорчила смешную рожицу.

— Не просто пыльных бумажек. Я обнаружила несколько рисунков. Вайолет была художницей. Вот ее автопортрет.

Разворачивая рисунки, я расставляла по их углам перечницы, солонки и пластиковые стаканчики Стэна. Чувствуя, что на кухне происходит что-то интересное, сыновья подошли к нам и встали у стола. Маргарет подняла Стэна, чтобы ему было лучше видно.

— Это скетчи Вайолет. Они подписаны, — объясняла я. — А это ее картина. Копия работы Джона Эверетта Милле. Оригинал выглядит так...

Я открыла ноутбук и развернула его, чтобы все могли увидеть изображение кисти Милле на экране. Бен внимательно рассматривал обе работы.

— Я не эксперт, но очень неплохо! — заключил он.

Я кивнула, провела рукой по картине Вайолет и удивленно заметила:

— Посмотрите на лица. На чердаке я не обратила внимания. Но лица женщин разные.

Бен, стоявший позади, обнял меня за талию и посмотрел через мое плечо на картины.

— Ты права.

С экрана компьютера на нас глядело длинное бледное лицо женщины с аккуратно собранными волосами. В копии Вайолет у девушки щеки-яблочки и непокорные кудри.

Оскар повис на руке мужа.

— Эта леди, — указал он на автопортрет Вайолет, — та же самая дама.

— Он прав. — Я сравнила автопортрет Вайолет и копию «Марианны». — Девушка нарисовала себя. Только зачем?

— Наверное, мы никогда не узнаем.

Я одарила мужа тем взглядом, которым смотрю на него, когда испытываю разочарование.

— Уверена, есть способы узнать, — несколько резче, чем хотела, ответила я и зачитала краткую рецензию на сайте:

«Марианна». 1851 год. Написана маслом по дереву Джоном Эвереттом Милле. Сюжет картины основан на поэме Альфреда, лорда Теннисона и пьесе Уильяма Шекспира «Мера за меру». Героиня была отвергнута женихом, так как ее приданое потерялось во время кораблекрушения. С тех пор она напрасно ждет прихода возлюбленного.

— Возможно, Вайолет отождествляла себя с этой Марианной. — Бен явно желал заглазить вину. — Может, она тоже кого-то ждала.

— Или чего-то. Бедная Вайолет. — Я дотронулась до лица на картине.

— А что с другими рисунками? — поинтересовался муж.

Оскар залез на стул и склонился над эскизом мужчины, сидящим на табуретке в окружении похожих на больших кошек животных.

— Это Даниил, — произнес сын.

— Какой Даниил? — спросил муж.

— Даниил в логове львов, — ответил Оскар. — Смотрите, он должен бояться львов, но они сидят, потому что не собираются его есть. Бог его спас.

Мы с Беном, ходившие в церковь только по свадьбам, обменялись взглядами. Оскар вздохнул, очевидно, возмущенный тупоголовостью родителей.

— Это — Даниил, — преувеличенно терпеливо повторил сын, — а это — львы.

Бен наклонился поближе.

— Думаю, он прав. Библейская история, но выглядит очень натуралистично.

Я кивнула:

— Я читала о прерафаэлитах в одной из газет, которые нашла в шкафу. Они часто изображали библейские сюжеты, но модели для картин были настоящими, что вызвало ажиотаж в те времена.

Оскар быстро потерял интерес к картине.

— Было бы лучше, если бы львы съели Даниила. Рррыыы. — Он притворился, что ест ноги братика. Стэн завизжал от восторга.

Маргарет, посмеиваясь, выпроводила детей через заднюю дверь.

Бен снова посмотрел на рисунки.

— То есть Вайолет была прерафаэлитом? — спросил он. — Ты что-нибудь о них знаешь?

Я поморщила нос.

— Только то, что помню со времен школьных экзаменов, и то, что Джордж рассказывал в университете. Но достаточно, чтобы понять: мне они неинтересны. К тому же, трудно поверить, что Вайолет стала частью этой группы. В те дни женщине среднего класса было невозможно сделать карьеру в искусстве. Вообще, мне кажется, что художники тогда представляли собой кучку пьющих молодых людей, окруженную роскошными моделями.

— Звучит заманчиво, — заметил Бен.

Я бросила на него строгий взгляд, он лишь усмехнулся в ответ.

— Может, Вайолет мечтала стать художницей, — продолжил муж. — Похоже, у нее были способности.

— Печальная участь женщин тех времен. Карьера в искусстве заказана, несмотря на талант. Какая несправедливость!

Я собрала рисунки с мужчиной в рубашке и брюках.

— Интересно, кто служил моделью? Скорее всего, она его близко знала, чтобы писать обнаженным. Он явно не муж, потому что фамилия художницы Харгривз. К тому же на этом автопортрете ей всего восемнадцать.

— А что, если разгорелся скандал? — весело предположил Бен. — Ее изгнали из приличного общества, и поэтому она исчезла?

— Я выясню, — решительно заявила я. — Выясню, что случилось с Вайолет.

— Ну, наверное, несложно узнать больше, — сказал муж. — По фотографии?

— В то время фотографии были редкостью, — покачала я головой, думая о газетах, заполненных набросками. — Но готова поспорить, что где-то есть ее портрет. Я выясню, — повторила я, встав на цыпочки, чтобы поцеловать мужа.

Глава 21

В наши дни не проблема найти нужную информацию благодаря «Гуглу» и интернету.

Но я подзабыла, насколько утомительно отыскивать ее в книгах. Проведя больше часа в центральной библиотеке Брайтона, я уже жалела о своей затее раскрыть тайну Вайолет Харгривз.

Ошибка в том, что я решила совместить два дела: покупку школьной формы и работу в окружении книг на ковре читального зала. От хождения по магазинам, где мальчикам было жарко и скучно, мы устали. Поэтому идея провести время с пользой в библиотеке с кондиционером показалась мне хорошей, но на деле превратилась в неблагоприятное занятие.

Я, взяв кучу учебников по местной истории, пролистывала их в поисках любого упоминания о Маркусе Харгривзе или Вайолет. Ничего подходящего не нашлось. Зато узнала много фактов о викторианском Сассексе и строительстве железной дороги в Брайтоне. Дети рядом вяло листали книги, глаза Стэна слипались. Я опасалась, что если сын сейчас уснет, то вечером его будет трудно уложить. Если честно, я тоже заскучала.

— Дети, еще пять минут и мы пойдем за мороженым.

Оскар, не отрывая глаз от книги с динозаврами, спросил:

— За шоколадным?

— За клубничным! — ответил ему Стэн.

Он лежал на кресле-мешке, перелистывая страницы «Груффало»¹³.

— Ага, — поддержала я сына.

При просмотре оглавления очередной книги мне улыбнулась удача. В разделе, посвященном железной дороге, было упоминание о мистере Харгривзе: филантроп, благодаря развитию железных дорог много путешествовал по стране, занимаясь различными видами бизнеса. Я зевнула, но тут же выпрямилась, пробежав глазами по строчкам, зацепившим мое внимание.

Друзья Маркуса Харгривза полагали, что глубокая преданность работе вытекала из трагедии в личной жизни. Он потерял жену Гарриет. Воспитанием его маленькой дочери какое-то время занимались родственники. Позже девушка стала жертвой жестокого преступления и исчезла. Ее так и не нашли.

Потрясенная, я сидела, не двигаясь. Значит, Вайолет воспитывалась родственниками. Отец выслал ее из дома, точно так же, как хотел мой папа. Бедная, бедная девочка! Снова я ощутила родственную душу в этой давно ушедшей из жизни девушке. Я обязана выяснить, что с ней случилось.

Интересно, какой была Вайолет? Поддерживал ли отец ее занятия живописью? Я сомневалась: дочь промышленника, принадлежащего к среднему классу, и филантропа викторианской эпохи, не могла быть в то время художником. Возможно, наперекор отцу она продолжила свой путь, не боясь, что он прогонит ее снова. А может, ей было просто наплевать. Я почувствовала гордость за юную леди и прошептала:

— Молодец, девочка. В любом случае, молодец, что сделала это.

Оскар сердито посмотрел на меня.

— Еще одна книга, и мы уходим, — пообещала я.

Учебник с упоминанием отца художницы я отложила и перешла к последнему источнику. Снова пробежалась по оглавлению, надеясь встретить фамилию Харгривз. И опять ничего. Ну, ладно. На сегодня хватит! Напоследок пролистала вкладку с картинками в центре книги и замерла, наткнувшись на эскиз Вайолет. Тот же красавец мужчина, в той же одежде, но в другой позе.

— Посмотри, Оскар, — показала я рисунок сыну.

Он нехотя оторвал глаза от тираннозавра.

— Это человек с картины про Даниила, — равнодушно бросил малыш.

Я взъерошила ему волосы, снова углубляясь в текст, пока не дошла до абзаца об изображенном мужчине.

Адвокат Сассекса Эдвин Форрест (см. рисунок, неизвестный художник) убит в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году. Его беременная жена, Фрэнсис, подверглась нападению и получила серьезные телесные повреждения. Соседка семейной пары, Вайолет Харгривз, исчезнувшая во время произошедшей трагедии, считается утонувшей, хотя тело не найдено. Некоторые жители деревни полагали, что ее тоже убил нападавший, которого так и не поймали.

Так, ну что ж. Медленно, но пазл складывался. Загадочную модель звали Эдвин Форрест. И он — убитый сосед девушки. Печально, что талантливая Вайолет вошла в историю, как неизвестный художник. Так что же произошло на самом деле? Утонула? Я сгорала от любопытства. В тысяча восемьсот пятьдесят пятом году художница была еще совсем юной.

Море возле нашего дома — непредсказуемое, опасное, бурное, с мощными волнами, бьющимися о скалы. Неудивительно, что в прошлом происходили несчастные случаи на воде. Или, все-таки, девушку убили, как и ее соседей? Я снова пробежалась глазами по странице. Жена осталась жива, но получила травмы. Ужасно, особенно для беременной женщины. Наверное, потеряла ребенка? Я содрогнулась.

История захватила меня. Мне не терпелось переложить ее на бумагу. Впервые я призналась себе, что книга про Тесс подождет, потому что жизнь Вайолет вызывала у меня такой живой интерес, что игнорировать его стало невозможно. Между мной и давно умершей девушкой чувствовалась незримая связь. Наши жизни были схожи: мы обе потеряли матерей, воспитывались отцами, ее выслали из дома, как намеревались поступить со мной.

Я снова посмотрела на иллюстрацию в книге, решительно настроенная разузнать больше об Эдвине Форресте. Собрав книги, взяла сумку.

— Так, мальчики, кому мороженое?

Вернувшись домой, я позвонила Прие, которая находилась в полицейском участке.

— Нужно встретиться. Я нашла имена жертв.

Прия рассмеялась:

— Из тебя детектив получше нас. Но я выяснила, что в связи с давностью событий, наш штаб подобную информацию не хранит. В Льюисе есть архив записей, где можно кое-что найти. Давай я отправлю им запрос по электронке о том, что тебе нужно.

— Было бы здорово.

Я назвала участников трагедии: Вайолет, Эдвин и Фрэнсис Форрест. Прия пообещала перезвонить, как только получит ответ из архива.

Бен отправился купить молока, взяв мальчиков с собой, чтобы Стэн не уснул раньше времени. Бедняжка сын! Дом без них казался пустым, и стало немного не по себе. Мне бы воспользоваться тишиной и сесть писать, но заставить себя приступить к книге о Тесс я не могла. Голова была занята мыслями о Вайолет. Я сварила черный кофе и вышла в сад.

Прошлась по газону, потом оглянулась, посмотрев на дом. Маленькое окошко чердака безучастно смотрело на меня. Крошечное, шириной не больше одного или двух кирпичей, оно находилось повыше детской, но ниже, чем остальные окна. Я обошла дом и снова взглянула наверх. Опять ничего. Ни единого намека на окно. Видимо, все-таки это

вентиляция, как говорил Бен. Действительно, когда солнце пригревало, на чердаке становилось очень жарко.

Я поднялась в студию, немного чувствуя вину за то, что жду наступления холодов. Широко открыв окно, я оглядела сад, где только что прогуливалась, а потом высунулась и развернулась максимально, как сумела, чтобы рассмотреть окошко без комнаты. Не единой зацепки! Очень странно.

— Элла!

Я не слышала, как Бен вошел в кабинет. Внизу громко раздавались голоса мальчишек.

— Дети сказали, что вы ходили в библиотеку. Нашла что-нибудь?

— Да, — с гордостью ответила я.

Все рисунки Вайолет были прикреплены к белой доске рядом с прекрасной «Марианной» и автопортретом девушки. Я указала на набросок Даниила в логове льва.

— Это Эдвин Форрест. Сосед Вайолет, которого убили в день исчезновения художницы.

Бен был оглушен новостью.

— Чтоб мне провалиться! Да этот дом определенно хранит тайны!

Я усмехнулась:

— Вот именно! И я хочу выяснить, что же случилось, черт возьми. Нужно узнать больше об этом Эдвине и убийстве. Я собираюсь в полицейский архив, чтобы покопаться в старых записях. Прия обещала помочь.

Бен был в шоке.

— Хорошо... Наверное...

— И еще отправлю Джорджу электронное письмо. Я помогла ему с налогами, теперь его очередь.

Джордж — искусствовед и мой друг.

Бен улыбнулся:

— А как же Тесса?

Я пожала плечами:

— Она все еще в моих планах. Но сначала Вайолет.

— Тогда действуй. Думаю, ты сама знаешь, о чем будет твоя следующая книга.

Глава 22

1855

Вайолет

Эдвин не делал новых попыток прикоснуться ко мне с момента нашего поцелуя во время грозы, но продолжал позировать для эскизов. Видеть его каждый день — подобно изысканной пытке. Мне же хотелось лучше узнать мужчину, познакомиться с каждой частичкой его тела: с золотом пушистых волос на крепких предплечьях, с широкими плечами и узкой талией, густой волнистой гривой, делавшей его идеальной моделью для Даниила.

Мы работали на пустынном пляже. Осень была не за горами. Редкие люди прогуливались по побережью. На следующий день после поцелуя, ожидая прихода Эдвина, я установила мольберт в тени нависающей скалы и приступила к работе. От смущения или возбуждения, а может от всего вместе, сводило живот. Я пыталась сосредоточиться на волнах и запечатлеть на бумаге их движения. Шум камней, покотившихся по дорожке, заставил меня вздрогнуть. Я повернулась и увидела Эдвина в красивом темном костюме. Он кивнул, приподнял шляпу и официально поприветствовал:

— Мисс Харгривз.

Словно вчера не прижимал свои губы к моим.

— Вайолет. Называйте меня Вайолет.

Его улыбка заставила сердце биться сильнее, ноги задрожали. Я не знала, может это и есть любовь?

— Приступим? — проговорил он быстро. — Позже меня ждут дела.

Я во все глаза рассматривала его. Опомнившись, вспыхнула, схватила карандаш.

— Не могли бы вы сесть на тот камень?

Он повиновался.

— Пожалуйста, не двигайтесь и постарайтесь расслабиться.

Я всегда работаю быстро. Но сегодня, как никогда четко понимала, что нужно делать, дышала в унисон со своей моделью, чувствуя на себе его взгляд.

Прошел час. Эдвин встал.

— Нужно идти. — Он отряхнул брюки от песка. — Фрэнсис будет спрашивать, где я был.

Намек на то, что он не хотел, чтобы жена знала, чем он занимался, взволновал, равно как и напугал меня.

Я посмотрела на Эдвина поверх мольберта.

— Вы сможете прийти завтра? — И поразились своей смелости. — Я бы хотела нарисовать побольше эскизов.

Он приподнял шляпу:

— Попробую. Хорошего дня.

Я смотрела ему вслед, не зная, как сумею дожить до завтрашней встречи.

Потянулись дни, похожие друг на друга. Но возникли определенные трудности с изображением львов. Одержимая идеей найти подходящего Даниила, я совсем забыла о них. Каждый день, после завтрака, я шла на пляж со своим снаряжением и наблюдала за собаками, носившимися по берегу и лающими на прибой.

У Эдвина, конечно, была работа, и я знала, что утром не увижу его. Но когда солнце опустилось за горизонт, удлинив тени, я с надеждой поглядела на тропинку. Наконец, увидев его, мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. И в этот день Эдвин не прикоснулся ко мне. Когда он пожелал доброго вечера, я растерялась. Наш поцелуй в пещере был сном? Я нафантазировала себе прикосновения наших губ?

На третий день он не пришел, и я подумала, что от тоски и разочарования перестану дышать. Где он? Мое тело томилось в ожидании. Я была на нервах. Все мысли только о нем. Все, что волновало — он.

На следующий день Эдвин появился как раз в тот момент, когда я потеряла всякую надежду. Наблюдая, как он осторожно спускался по крутой тропинке, я готова была танцевать маленькую джигу.

— Вайолет. — Эдвин взял мою руку и поднес к своим губам, щекоча кожу щетиной на подбородке. Он стоял так близко, покоряя и поражая своей мужественностью. Я задержала дыхание, боясь упасть в обморок. Одетый сегодня в свободную рубашку, он выглядел особенно красиво и непринужденно. Рисуя его, сидящим на камне с улыбкой на розовых губах, мой карандаш летал по холсту.

Позже, когда я собирала вещи, Эдвин приблизился ко мне.

— Можно посмотреть? — Он глядел на эскиз, прикрепленный к мольберту.

Морской бриз развевал волосы и хлестал ими меня по лицу. Эдвин протянул руку и мягким движением заправил непослушный локон за ухо. Я замерла, все тело напряглось в ожидании поцелуя. Эдвин погладил мою щеку, я потянулась к нему... А он лишь улыбнулся.

— Доброй ночи, Вайолет.

Глава 23

Наверное, я влюбилась. Это единственное объяснение моим чувствам. Часами лежа на кровати, я представляла нашу совместную жизнь. Мне было интересно, чем хворала его жена, и может ли она умереть. Как бы ужасно ни звучало, я надеялась, что недуг убьет ее. На миг, лишь на краткий миг меня кольнуло чувство вины, когда я представила деревенские похороны: дождь, горстка скорбящих. Не думаю, что у Фрэнсис много друзей. Печальный и сдержанный муж, естественно переживающий утрату. Я уже видела, как утешаю горюющего вдовца. А потом пройдет положенное время, мы придем к отцу и расскажем о своих чувствах. Затем поженимся, и у нас родятся дети. Два мальчика, похожие на Эдвина, и девочка.

Я не очень много знала об интимных отношениях между мужчиной и женщиной, но нельзя сказать, что была наивной. Выросшая в деревне в окружении животных, я наблюдала за ними, но не представляла, как такое возможно между мужем и женой. Я даже думала поинтересоваться у Мейбл, но стыд останавливал меня. Я доверюсь Эдвину. Мой муж поведет за собой, покажет и научит. В конце концов, он уже был женат и знает, что делать.

Ночью, в темноте, я вспоминала наш поцелуй, его губы, его дыхание на моей коже, томление моего тела, тяжесть внизу живота, пульсацию между ног, покалывание в груди. Воспоминания воссоздавали ощущения того волшебного момента. Но я желала большего и хотела снова почувствовать их наяву, зная, что даже мысли мои греховны.

Разумом я понимала и уважала дистанцию, которую держал Эдвин. Должно быть, он решил подчиниться брачному обету до тех пор, пока мы не сможем быть вместе. Но от этого легче не становилось. Особенно, когда так много времени мы проводили вместе, и я изучала каждый мускул его тела.

Однажды я прогуливалась в деревне, чтобы развлечься. Проходя мимо овощной лавки, увидела Эдвина. К моему разочарованию он был с женой. Я наблюдала за ними: Фрэнсис зашла в мясную лавку, Эдвин ожидал снаружи. В этот момент наши глаза встретились, и я широко улыбнулась: ничего не могла с собой поделать. Он улыбнулся в ответ. Вокруг нас было довольно много народу: кто прогуливался, кто делал покупки или просто болтал со знакомыми. Но мне было все равно, радость переполняла меня.

Я подошла к нему, он приподнял шляпу:

— Мисс Харгривз.

— Доброе утро, мистер Форрест.

Удивительно: мой голос звучал абсолютно спокойно в то время, как сердце колотилось.

— Пришли за покупками? — поинтересовался он.

— Убиваю время, — призналась я. — Отец снова в отъезде, и мне до смерти скучно.

Эдвин сочувственно посмотрел на меня.

— Мне трудно уйти из дома. — Он понизил голос. — Фрэнсис очень требовательна и настаивает, чтобы я был рядом.

Я заглянула в магазин: Фрэнсис болтала с мясником и смеялась. Она выглядела счастливой и расслабленной, но Эдвин не стал бы врать. Женщина передала деньги, а мясник — аккуратный сверток. Понимая, что скоро жена выйдет, я улыбнулась.

— Надо идти. Возвращаться в пустой дом. — Я многозначительно посмотрела на него.

Эдвин снова приподнял шляпу.

— Было приятно встретить вас. Надеюсь, скоро увидимся.

Я развернулась и медленно пошла к дому, готовая расплакаться. Мне отчаянно хотелось побыть с ним наедине.

Глава 24

1855

Эдвин

Эдвин смотрел вслед Вайолет. Он любовался тонкой талией и высокой грудью девушки. Улыбка играла на его губах. Он соблазнял ее. Скоро, совсем скоро, она окажется в его власти. Свежий нетронутый бутон. Пока что. Возбуждение от мысли сорвать его первым, щекотало нервы. Ради этого стоило подождать.

Эдвин вспомнил Беатрис. На этот раз он будет умнее. Тогда все вышло ужасно, хотя, в конечном итоге, девушка сама виновата, и его совесть чиста. Беатрис была дочерью важного клиента, мистера Сандерсона. Одна из двух дочерей, на самом деле. Обе темноволосые, кареглазые. Они всегда держались вместе, часто шептались и задорно смеялись. Эдвин встречал их несколько раз.

Поначалу он думал, что они близнецы. Эта мысль какое-то время будоражила его ночные фантазии, где он воображал себя развлекающимся сразу с двумя прелестницами. Что не помешало ему срубить приличную сумму денег с их ничего не подозревающего отца.

Но однажды Беатрис пришла в офис в сопровождении родителя, и он узнал, что ее сестра, которая была на три года старше девушки, вышла замуж и переехала в Норфолк¹⁴. Пока мистер Сандерсон просматривал кое-какие бумаги с коллегой, Эдвин беседовал со скужающей молодой леди. Она оказалась моложе, чем он думал, всего семнадцать. Очень хорошенькая и безмерно благодарная ему за оказанное внимание.

Она рассказала, что любит музыку, танцы, концерты. Беатрис мечтала поехать в Кентербери в новый мюзик-холл, о котором все говорили, посмотреть спектакли, но отец не позволял. Эдвин плотоядно рассматривал пышную грудь и пухлые губы девушки, фантазируя, как распустит ее корсет здесь и сейчас, а затем толкнет на стол, и...

— Мистер Форрест, вы в порядке? — Девушка остановилась на полуслове и с беспокойством посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

Эдвин улыбнулся:

— Мне так жаль. — Он с трудом возвращался в действительность. — Я думал о друге, который владеет мюзик-холлом «Бервик Румз». Не таким великолепным, как Кентербери, но, если бы вы могли улизнуть из дома, я бы с радостью сопровождал вас как-нибудь вечером.

Беатрис посмотрела на закрытую дверь.

— Нет, не думаю.

— Да, конечно, вы правы, — ответил мужчина, вспоминая афишу, которую видел утром по дороге на работу. — Так жаль. Сегодня выступает певица Роуз Робертс. Слышал, она популярна. Мой друг хотел представить меня...

— Роуз Робертс? — переспросила Беатрис. — Я могу познакомиться с Роуз Робертс?

— Уверен, что смогу это устроить, — с улыбкой ответил Эдвин. — Я могу переговорить с вашим отцом.

— Нет, — оборвала его Беатрис. — Не спрашивайте. Я сама все устрою.

Ну, а после все пошло, как по маслу. После нескольких вечеров в мюзик-холле с

восхищенной Беатрис, Эдвин объяснил ей, что его друг (вымышленный, конечно) в отъезде, но скоро вернется, и тогда уж познакомит их со звездами сцены. Как-то раз после одного представления, которое смутило девушку, Эдвин поцеловал ее и мысленно поаплодировал себе, когда она очутилась в его объятиях.

После этого их безумные поцелуи в безлюдных местах становились все более страстными. Фрэнсис только что потеряла ребенка, была еще слаба и не подпускала его к себе, что очень раздражало мужчину. Тогда он снял номер в гостинице и привел туда Беатрис. Поначалу, когда он распустил ее корсет, реализовав свою фантазию, она, конечно, сопротивлялась, но недолго.

— Люблю тебя, люблю, люблю, — все время, пока он был над ней, шептала девушка. Эдвин промолчал.

Через несколько месяцев, однако, все изменилось. Эдвин, устав от любовницы, начал избегать ее под предлогом болезни жены. От переживаний девушка теряла вес, мрачнела. Однажды она пришла в офис вместе с отцом, и Эдвин с большим разочарованием заметил, что ее пышные формы почти исчезли. Он принял правильное решение, когда перестал ухаживать за ней. Больше она не представляла интереса для него. Он не смотрел на нее, чувствуя, что та не отрывает взгляда от него, и предложил ее отцу вместе посмотреть документы, лишь бы не оставаться с ней наедине.

Подписывая бумаги, отец рассказал, что Беатрис выходит замуж. Будущего супруга зовут Уолтер Джеймс. Эдвин не мог скрыть радости: больше она не будет ему докучать.

А потом в офис заявился и сам будущий супруг собственной персоной, требуя встречи с Эдвином. И, как назло, в тот день будущий тесть тоже присутствовал.

— Моя невеста Беатрис Сандерсон говорит, что влюблена в вас, мистер Форрест. Она сказала, что не может выйти за меня замуж, потому что вы — единственный, с кем ей хочется быть.

К счастью, отец девушки, наблюдая за всей этой жалкой драмой, вступился за Эдвина, приняв испуганное и побледневшее лицо последнего за чистую монету, и объяснил будущему зятю, что такого не может быть, так как дочь видела Эдвина всего несколько раз в жизни.

— Случалось, я разговаривал с ней о музыке, — признался Эдвин. — Лишь для того, чтобы развлечь, пока отец занят делами. Возможно, она неправильно истолковала мои слова?

Уолтер, который был убежден в ветрености и легкомыслии всего женского пола, тут же поверил. А через несколько недель женился на Беатрис. И на этом всей истории пришел конец, если бы...

Если бы Беатрис смирилась.

Она приехала в офис вечером, когда Эдвин собирался уходить, шла за ним по улице, умоляя освободить от ненавистных уз брака. Говорила о любви. Угрожала, что ворвется в его дом и все расскажет жене. Эдвин встречал девушку в Брайтоне. Она была похожа на привидение Банко¹⁵. Пряталась за углами, часами караулила возле офиса, заглядывала в окна. Преследовала его жену, когда та выходила встретиться с подругой. Все это, мягко говоря, раздражало.

Наконец, Эдвин решился перейти к действиям. Однажды утром, когда Беатрис ждала его возле офиса, он почувствовал ледяную кровь бешенство.

— Эдвин, — с отчаянием в голосе обратилась она к нему. — Эдвин, дорогой,

пожалуйста...

Он смотрел на исхудавшую, бледную, с впалыми щеками любовницу.

— Беатрис, — ответил он. — Моя дорогая. Моя единственная настоящая любовь.

Девушка разрыдалась:

— О, Эдвин. Я знала. Ты любишь. Я чувствовала.

Мужчина взял ее под локоть.

— Пойдем к твоему мужу и все ему объясним.

И лишь когда они добрались до склада Уолтера Джеймса, Эдвин дал выход своей холодной ярости.

— Твоя жена, — прошипел он Джеймсу, который отшатнулся перед гневным лицом Эдвина, — разрушает мою жизнь. Она сумасшедшая. Душевнобольная. Она мучает меня и мою дорогую жену, которая заболела от всего этого. Запри ее для своего же блага.

Джеймс пробормотал извинения, в то время как Беатрис рыдала, сидя на полу, заваленном опилками, в окружении рабочих, которые пялились на нее во все глаза.

На следующий день она бросилась с Западного причала и утонула.

Фрэнсис восприняла эту новость без драматизма, лишь задержала свой взгляд на муже, когда ее отец объяснил, что вины Эдвина в том нет, а Беатрис была безумной, помешанной на Эдвине, без взаимных чувств. После жена попросила переехать куда-нибудь, в тихое место, подальше от людей и сплетен, сказав, что не может больше оставаться в этом доме с потрясающим видом на Западный причал.

Вскоре отец Фрэнсис умер, оставив семейную фирму в умелых руках Эдвина. Больше в Брайтоне их ничего не удерживало. Вот так они оказались в тихой и уютной «Зеленой Цапле». Фрэнсис, казалось, успокоилась и выглядела, если не счастливой, то умиротворенной. А Эдвин, встретив Вайолет, нашел для себя очередное развлечение.

Глава 25

1855

Вайолет

Я никогда не была так счастлива или несчастлива одновременно. Лежа на кровати, проигрывала каждое слово, сказанное Эдвину. Вспоминала мельчайшие подробности его внешности, походки, его руки на моем лице при поцелуе. Почему, ну почему он больше не целовал меня? Казалось, я умру от страданий.

Эдвин был женат. Ужасная реальность, которую не изменить. Возможно, именно по этой причине он не прикасался ко мне. Мне стало очень жаль его, застрявшего в ловушке брака без любви, вынужденного проживать свои дни в компании скучной жены. Он так благороден! Так верен супружеству, что отвергает наши сильные чувства, борется с ними. И все ради брака, который не приносит счастья.

Я влюбилась в Эдвина. В этом не было сомнений. Признаться, мои познания о любви были неглубокими. У меня не было подруг, с которыми можно обсуждать такие вещи. Я бы никогда не стала делиться с Мэйбел, мне было стыдно, хотя и знала, что она встречалась с парнем из деревни и, наверное, дала бы мне парочку советов.

Интересно, а отец с матерью испытывали такие же чувства друг к другу? Вызывали поцелуи папы у мамы те эмоции, что переживала я от ласк Эдвина, когда бросало то в жар, то в холод? Маловероятно. Отец не прикасался ко мне, даже когда я была маленькой. Никогда не обнимал и не целовал. Представить трудно, что он был ласков с мамой. Я не припомню их наедине.

О маме вообще были скудные воспоминания, скорее я помнила свои ощущения рядом с ней: ее запах, мягкость кожи, объятия. В отличие от отца, мама была нежной и ласковой, а еще застенчивой. Поэтому, наверное, они решили обосноваться в Сассексе, хотя работа отца охватывала всю Англию. Я не помню, чтобы мама ходила на танцы или сопровождала отца в поездках. Вместо этого она оставалась со мной, брала на прогулку по пляжу, хвалила мои рисунки на грифельной ученической доске.

Мне было пять, когда ее не стало. Перед смертью маму мучила лихорадка из-за малыша внутри нее, как сказала наша экономка Бетси. Я ненавидела этого ребенка.

Однажды ночью меня разбудили мамины крики и топот на лестнице. Испугавшись, я опустилась на колени возле окна и выглянула на улицу. К нашему дому приближался всадник. Как выяснилось позже — доктор. Но кем бы он ни был, я догадалась: ночной визит — не к добру.

Утром в доме царил тишина. Я в ночной рубашке и босиком спустилась в гостиную, где Бетси, плача, завешивала окна тяжелыми шторами. Увидев меня, она так крепко прижала мою голову к себе, что я почувствовала ее слезы, капающие на мои спутанные ото сна, кудряшки.

— Твоя мама ушла, — говорила Бетси, всхлипывая. — Твоя мама и малыш.

Я заморгала, ничего не понимая.

Позже пришла к папе, который сидел в кожаном кресле у окна своего кабинета и смотрел на море. Испуганная, я чувствовала себя одинокой и потерянной. Мне захотелось взобраться к нему на колени, прижаться к его груди, чтобы он успокоил меня и сказал, что все будет хорошо. Услышать, что я в безопасности, и он не бросит меня, как это сделала мать. Но отец даже не посмотрел в мою сторону. Лишь сердито бросил:

— Ты поживешь с дядей Алистером и тетей Герт.

Я хотела возразить. Я любила мамину сестру тетю Герт, но боялась дядюшку Алистера, который разговаривал с незнакомым шотландским акцентом и щекотал усами. И я терпеть не могла кузена Питера. Он щипал и дразнил меня. Но сжатые губы папы заставили меня передумать. Было ясно, что я поеду к родственникам, хочу этого или нет.

Я прожила несколько месяцев с Алистером и Герт в их продуваемом всеми ветрами доме в Танбридж-Уэлс. Потом дядю отправили в Индию. Папа не хотел, чтобы я уезжала с ними. И хотя мне уже купили билет и подтвердили место на корабле, он решил, что дочь останется с ним. Я вернулась в отчий дом, где Бетси ухаживала за мной, а вереница несчастных гувернанток бессистемно обучала школьным премудростям.

Я мечтала пойти в школу, но отец велел обучаться дома. Поэтому у меня не было ни мамы, ни друзей, да и с папой, который постоянно разъезжал по стране, я виделась редко. Изголодавшись по душевным разговорам, человеческому теплу, я встретила Эдвина. Он дарил мне все свое внимание. Я впитывала его любовь, как пустыня воду. И знала, была уверена, что рано или поздно он ответит на мои чувства, несмотря на жену.

Я думала об Эдвине. Вспоминала его сильные руки, усыпанные веснушками, взгляд темно-синих глаз, устремленный на меня, золотисто-рыжие волосы, ласкаемые морским бризом. Лежа на своей детской кровати, я провела рукой по телу. Интересно, какие будут ощущения от рук любимого? Совсем недавно мне удалось тайком взглянуть на новеллы, которыми так любила зачитываться Мэйбел, и сейчас я представила себя на месте героинь. Но в книгах любовные дела описывались очень расплывчато. Одно я знала точно: пока Эдвин не поцелует меня вновь, я не успокоюсь.

На следующий день, закончив еще один эскиз, я отступила от мольберта и спросила Эдвина:

— Хотите посмотреть?

Он улыбнулся, прошел по хрустящей гальке и встал рядом.

— Превосходно! Вы действительно очень талантливы.

Я вдохнула запах его одеколona, не в состоянии вымолвить ни слова. Эдвин взял меня за руку. На мгновение показалось, что я теряю сознание.

— Вайолет. Вы — особенная девушка.

Он наклонил голову и поцеловал меня. Мои колени подогнулись, я почувствовала пульсацию между ног. Что со мной?

Эдвин освободил меня из своих объятий.

— Я должен идти. Фрэнсис ждет на ужин.

Сидя на камне, ослабевшая от дикого желания, я смотрела, как он, не оглядываясь, поднимался по тропинке в деревню.

Я знала, что влюбилась. Окончательно и бесповоротно. Отныне я в его власти.

Глава 26

Наши дни

Элла

От: elladaniels@writemail.com

Кому: ggriffiths@unimail.com

Тема: Расследование!

Джордж Великолепный,

Как твоя научная жизнь? Все ли студенты неприлично молоды? А помнишь, как в наше студенчество мы казались себе ужасно взрослыми?

Что до меня, то мы переехали в Сассекс. Я должна приступить к новому роману, но вместо этого занимаюсь разгадыванием тайн. Дело в том, что в нашем новом доме жила художница, которая бесследно исчезла в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году. Жители деревни полагали, что она просто сбежала. Я же думаю, что с ней что-то произошло.

Ее имя Вайолет Харгривз, и она — современница твоих старинных друзей — прерафаэлитов (про которых мне теперь приходится много читать, и тебе будет приятно это узнать, чье искусство я даже начала высоко ценить). Довольно часто на ее рисунках появляется парень по имени Эдвин Форрест.

Я пыталась узнать о ней побольше, но о прерафаэлитах столько книг, что я в растерянности и не знаю, с чего начать. Честно говоря, про художниц оскорбительно мало информации. Поэтому очень прошу, не мог бы ты нарыть какую-нибудь информацию о моей Вайолет? Я была бы так тебе благодарна.

Ну а если захочется провести выходные у моря (я имею в виду Английский канал, а не бодрящее Северное), то знай: мы всегда тебе рады. Прилагаю несколько фотографий нового дома и детей.

С любовью

Э

Ххх

Глава 27

1855

Вайолет

— Ты уверен, что не против? — Я посмотрела на Эдвина поверх мольберта.

Он ответил полуулыбкой, которая так мне нравилась, и покачал головой.

— Я готов на такие жертвы во имя искусства.

Вид моего встревоженного лица рассмешил его, и он подошел, чтобы поцеловать. И вновь дрожь пробежала по моему телу.

— Дорогая Ви. Ну, конечно, я не против.

Отец все еще был в Манчестере, и я почти целые дни проводила в одиночестве. Ежедневно упражняясь на набросках, я хорошо изучила «позы Эдвина», когда он сидел на своей любимой скале, или стоял, заложив руки за спину, вглядываясь в море, каким я увидела его в первый раз. Он был природенной моделью, при этом знавший, что неотразим, и в моих глазах в том числе.

Пришло время для последних эскизов: в моей студии и без рубашки.

В тот день я встретила его, как обычно, на пляже и попросила пройти со мной в дом. Мистер Форрест согласился, но, чтобы никто нас не увидел вместе, проследовал за мной позже на пять минут.

— Жители деревни любят болтать попусту, — объяснил он.

Мне было интересно, не от глаз ли своей жены он хотел спрятаться?

Встретив его у входной двери, я торопливо провела Эдвина наверх, чтобы избежать встречи с Мэйбел. Но мне пришлось попросить Филипса принести табурет. Парнишка молча выполнил просьбу, взглянув на моего гостя.

— Все в порядке, мисс? — спросил он.

— Все в порядке, Филипп, спасибо.

Я чувствовала себя неловко и глупо. Мне до сих пор было больно вспоминать его слова осуждения и порицания.

Когда парень вышел, я попросила Эдвина встать на стул.

— Представьте, что вы остались на всю ночь в логове львов, — объяснила я. — Но они не тронули и волоска на вашей голове.

Я подтолкнула его вперед так, чтобы он достал руками колен. Его руки слегка коснулись моей юбки сзади, и я тут же вспыхнула.

— Теперь посмотрите на меня.

Его взгляд сквозь длинные ресницы заставил меня закусить губу. Утонченный мужчина! Затем, когда я попросила снять рубашку, он подошел ко мне и снова поцеловал.

Стоя рядом со мной, Эдвин скинул туфли и носки, ослабил галстук и расстегнул пуговицы. Рубашка соскользнула с широких плеч, я вдохнула запах его пота.

Подтянутый торс с четко очерченными мышцами живота и редкими золотистыми волосами на груди. Впервые передо мной обнаженное мужское тело. Голова закружилась. Мне захотелось подойти и прикоснуться к нему, но я изо всех сил постаралась держать себя в руках. Видя мой взгляд, он улыбнулся.

Дрожащим голосом я попросила:

— Присядьте на табурет.

И отступила в безопасное место за мольбертом, спрятавшись за ним, как за щитом.

Эдвин послушно сел, не сводя с меня глаз. Он принял одну из своих поз, но сегодня руки его были другими.

— Немного вперед, — попросила я.

— Покажи, как нужно.

Я подошла к нему и взяла за руки. На мужских широких мускулистых предплечьях мои пальцы выглядели совсем крошечными. Тихонько потянула его вперед и вдруг, словно мои руки жили собственной жизнью, нежно погладила его плечи.

— Вайолет. — Эдвин наклонился вперед, обнял за талию и положил голову на мою грудь. Я ласково коснулась его спины.

Мы постояли некоторое время, обнявшись, затем Эдвин встал, все еще обнимая меня за талию, и поцеловал.

До сих пор наши поцелуи были целомудренными: простое касание губ. Но на этот раз все было по-другому. Губы Эдвина настойчиво прижимались к моим, заставляя их раскрыться.

— Эдвин. — Я почти задыхалась.

— Тише, дорогая. Никто не должен знать.

В полном замешательстве и шоке я чувствовала, как его пальцы расстегивают на спине пуговицы моего платья. Он целовал мою шею, затем подвел к шезлонгу, где лежала его рубашка. Умелым движением стянул с меня наряд и толкнул на диван.

— Эдвин, — повторила я, чувствуя себя беззащитной.

Мне хотелось все прекратить, но я не знала как. Начав ласки, я была бессильна их остановить. Легкий ветерок коснулся моих оголенных плеч, дрожь пробежала по телу.

Быстрым движением Эдвин снял с меня нижнее белье и освободился от панталон.

— Ты прекрасна!

Его рука пробежала по моему телу вниз. В своих мечтах я почти так и представляла нашу встречу, только наяву это оказалось не столь романтичным и преисполненным любви. Я закрыла глаза. Не хотелось видеть, как он смотрит на меня.

Внезапно Эдвин оказался на мне. Я едва могла дышать. Затем почувствовала его движения и острую боль. Он застонал, двигаясь быстрее. Я лежала неподвижно, парализованная страхом. Эдвин в последний раз с силой толкнулся во мне и обессилено рухнул.

Все еще лежа на диване, я расплакалась. Горячие слезы полились на волосы. Эдвин встал.

— Дорогая Ви. Что с тобой?

Пытаясь вести себя как взрослая женщина, которой теперь считалась, я выдавила из себя улыбку:

— Ничего.

Вытерев слезы, подобрала одежду, подавив возглас изумления, когда увидела кровь на обивке дивана. Эдвин вытер ее носовым платком.

— В следующий раз не будет больно, — сказал он, одеваясь.

Я не ответила, сидя в оцепенении и смотря прямо перед собой. Еще одна слеза скатилась по моей щеке.

— Дорогая, — произнес он. — Прости, что так быстро. Твоя красота ошеломила меня.

Он притянул меня к себе. Плача, я вцепилась в него, оглушенная тем, что сейчас произошло. Он целовал мои слезы, гладил по волосам, шептал ласковые слова до тех пор, пока я не успокоилась. Затем осторожно, словно ребенку, помог надеть платье, и еще раз нежно поцеловал.

— Я должен идти. Но завтра вернусь, если ты хочешь?

Я механически кивнула. В голове все смешалось: любовь, боль. Но я знала, что все еще

хотела рисовать его.

— Прощай, прелестная Вайолет. — Он взял пальто. — До завтра.

Глава 28

1855

Фрэнсис

Фрэнсис читала, когда Эдвин вернулся домой. Он просунул голову в дверь гостиной и широко улыбнулся ей.

— Привет, дорогая. Я хочу принять ванну. Можешь попросить Агнес приготовить ее для меня?

Жена кивнула и отложила книгу, зная, что Агнес станет сейчас же ворчать и брюзжать.

— Сейчас пришло ее.

Она услышала его пение на лестнице и поняла, что соблазнение юной Вайолет закончилось успехом. Не трудно было догадаться. После адюльтера муж вел себя всегда одинаково. Раньше она сходила с ума от ревности, от того, что он выбрал кого-то достойного его внимания. Но измены происходили настолько часто, что больше ее не ранили.

На этот раз, она даже обрадовалась. За время ухаживаний за соседкой муж не обращал на жену внимания. Она продолжала прятать деньги и строить план побега. Но после того случая в Брайтоне, переживала за последствия для слишком юной и наивной деревенской девушки. У нее не хватит опыта противостоять Эдвину, известному своей безжалостностью в желании заполучить то, что ему хочется.

В очередной раз она почувствовала почти материнские чувства к доверчивой девочке и с трудом подавила их. Она должна думать о себе и своем ребенке, а не о глупой соседке, соблазненной ее мужем.

Фрэнсис дождалась, пока Агнес спустится по лестнице, а Эдвин скроется в туалетной комнате, и направилась в свою спальню. Закрывает дверь, поставила маленький столик перед собой и отодвинула доску на полу. Под ней лежала сумка с суммой денег, хорошей суммой, дневник и книга о Шотландии, куда женщина решила уехать. Ей понравилось название маленького городка — Северный Бервик, недалеко от Эдинбурга, но она знала, что для того, чтобы добраться туда, потребуется время. Фрэнсис планировала попасть сначала в Манчестер, потом в Глазго, а потом на восток. Она познакомилась с начальником станции в Брайтоне и, проявив интерес к постоянно расширяющимся железным дорогам, выяснила у него наилучший маршрут.

В дневнике она приучала себя к новому имени: Флоренция в честь любимой двоюродной тети. И выбрала новую фамилию — Беннетт. Ей нужны были достаточно непримечательные имена. Женщина взяла ручку и с улыбкой подписалась новым именем. Легенда о новой жизни тоже была готова: она — вдова из Манчестера. Ее вымышленный муж, Альфред, погиб в результате несчастного случая на заводе, и ей захотелось уехать с ребенком подальше от воспоминаний и поселиться ближе к своей воображаемой семье, которая жила где-то рядом с границей.

Фрэнсис поменяла позу на стуле, ослабила пояс на юбке. Талия определенно округлилась. По мере роста ребенка, она будет постепенно избавляться от нижних юбок, что даст возможность и время отработать план побега.

— Фрэнсис? — крикнул муж из другой комнаты, резко выдернув ее из фантазий. Женщина спрятала дневник, документы, деньги и книгу под пол, задвинула половицу и поставила миниатюрный столик сверху. Затем пригладила волосы и пошла к мужу.

После первого, ужасного раза, Эдвин приходил позировать ежедневно. Чувства, что я испытывала, были смешанными. Конечно, мне нравилось рисовать его. Картина «Даниил в логове львов» выходила очень недурно, и удовлетворение от работы заставляло сердце петь от счастья.

Но присутствие Эдвина вызывало противоречивые эмоции. Он делал комплименты моим художественным талантам, называл прелестницей и дорогущей, обихаживал меня, как драгоценность, хвалил мой характер и красоту. Но после сеанса позирования следовали его настойчивые поцелуи, горячее дыхание на моем лице, а затем неизбежно он толкал меня на диван.

На следующий день после первого раза я еще, собрав все силы, попыталась объяснить с ним. Он подошел сзади и обнял меня, когда я мыла кисти.

— Моя дорогая.

Последовали поцелуи в шею. Я замерла. Я не хотела повторения. Нет! Только не это.

— Дорогой Эдвин, — мой тоненький голос дрожал, — хотя я испытываю сильные чувства к тебе, боюсь, мы не должны забывать о твоей жене.

— Фрэнсис больна. — Эдвин потянул мою юбку. — Слабые нервы. Она не может дать то, что мне необходимо. Никто не может осудить меня за то, что я хочу тебя.

Я пробовала отодвинуться, но оказалась в ловушке между столом, где держала кисти, и стеной. Холодный страх охватил меня.

— Но, Эдвин.

— Тише.

Он с такой силой раздвинул мои губы, что я была уверена: останется синяк. В панике я положила руки ему на предплечья.

— Эдвин. Нет.

И оттолкнула его от себя, но он крепко прижал меня к холодной стене, возвышаясь надо мной. В который раз я поразила его мощи, одновременно чувствуя себя беззащитной.

— Дорогая Вайолет. — Он снова придавил мои губы своими.

Я вспомнила вчерашнюю боль и свои ощущения. Мне совсем не хотелось повторения. Неважно, какие у меня чувства к нему. С силой отпихнула его от себя. Еле удержавшись на ногах, он попятился назад, в его глазах вспыхнул гнев.

В поисках выхода, я пробежала под его руками. Мне хотелось плакать.

— Мне так жаль. Я просто, я не могу...

Кулак Эдвина прошелся по челюсти. Вспыхнула боль. Потрясенная, я растянулась на полу, еще не осознав происходящее. Поползла по белым доскам, пытаюсь разобраться. Вероятно, ошибка? Эдвин не мог причинить мне боль.

Я взглянула на него. Эдвин ласково наклонился и обнял меня. Ошеломленная, как и в прошлый раз, я, рыдая, цеплялась за него, как утопленник за спасительную веточку. Он гладил меня по спине.

— Милая, — ворковал его голос. — Вайолет, мой ангел. Прости, дорогая. Прости.

Он шептал, что сорвался от жары и неприятностей на работе. Он так ждал встречи со мной, а я его разочаровала. Когда мои рыдания утихли, Эдвин мягко поднял меня и подвел к дивану, усадил и осторожно расстегнул мое платье, нежно ведя разговор.

— Милая девочка, — сказал он, покрывая поцелуями мои обнаженные плечи. — Ты такая красивая.

Я дрожала. Лицо горело. Там, где я ударилась, упав на пол, тело ныло. Трясущимися руками, я прикоснулась к челюсти и поморщилась, чувствуя под пальцами опухоль. Эдвин был занят моими нижними юбками. Когда он оказался сверху, я снова зарыдала, отвернув лицо, чтобы он не видел. Даже после того, что он сделал, я не хотела огорчать его.

Когда все закончилось, Эдвин поцеловал мои слезы, повторил, как я много для него значу. В этот раз он не помогал мне одеваться. Я сидела растрепанная, с подтеками на лице, молча наблюдая, как он натягивал брюки и приглаживал свои волосы.

— Я хочу поехать в Лондон в конце недели, — сказал он, подбирая пиджак.

Моя опухшая щека не позволила улыбнуться.

— Ты будешь встречаться с мистером Милле? — спросила я высоким голосом, глотая слезы.

Неужели все страдания окупятся?

— Постараюсь, — сказал Эдвин. — Ты приготовишься?

В тот момент я подумала, что больше никогда в жизни не сяду за мольберт, но лишь кивнула в ответ.

— Хорошо. До завтра, милая Вайолет.

Я слышала его удаляющийся свист на лестнице, сидя на диване, все еще полуодетая, и недоумевала, что произошло. Это любовь? Это значит быть взрослой? И это цена, которую мне придется заплатить, чтобы стать художницей?

Когда солнце опустилось за море и в комнате стемнело, я, наконец, поднялась на ноги, застегнула кофточку. Было больно. Лицо распухло, ушибленное бедро задеревенело. Потихоньку я спустилась на кухню, где хозяйничала Мэйбел. На мгновение она онемела от увиденного и тут же бросилась суеиться вокруг меня.

— О, мисс Вайолет, — девушка усадила меня на стул, — что случилось?

Видя ее участие, слезы вновь обожгли мне глаза.

— Поскользнулась, — солгала я. — Наверху.

Мэйбел внимательно посмотрела на меня, но вопросов больше не задавала.

— Вам нужно приложить что-нибудь холодное.

Она намочила тряпку в воде, сложила ее и прижала к моему горящему лицу.

Ледяная вода стекала по шее. Я прижала голову к груди Мэйбел, чувствуя себя в безопасности.

Девушка по-матерински погладила мои волосы, хотя мы были почти ровесницами.

— Ну, ну. Станет лучше через несколько дней.

— Как вы поскользнулись?

Я не заметила Филиппа в углу кухни, чинящего дверцу шкафа.

— Не помню, — пролепетала я.

Филипп появился передо мной, и в какой-то момент я, вспомнив, как огромный Эдвин набросился на меня, отшатнулась и тут же пожалела об этом.

— Покажите мне.

Мэйбел убрала тряпку с моей щеки. Филипп вздрогнул.

— Должно быть больно, — сказал он. — Напоминает, как однажды в баре один парень перепил лишка и полез в драку.

— Поскользнулась, — упрямо повторила я, забрав тряпку у Мэйбел и положив ее себе

на щеку.

Филипс мягким движением убрал локоны с моего лица, которые как обычно, падали на лицо, и несколько секунд рассматривал меня.

— Будьте осторожны, мисс Вайолет. Будьте осторожны.

После этого случая, я больше не сопротивлялась. Каждый день Эдвин приходил, я рисовала его. А потом, когда ему надоело стоять или сидеть, он вставал, подходил к окну, разминая конечности, и я знала, что меня ждет.

Тогда я убирала карандаш или кисть и шла на диван. Расстегивала платье и снимала нижние юбки. Я стала носить меньше слоев одежды, чтобы быстрее заканчивать возню. При этом обнаружила способность подчинять себе разум, чтобы не видеть реальности. Я закрывала глаза и представляла, как стою в Королевской Академии и любуюсь своей картиной на стене. Оказалось, что я могу не замечать горячее дыхание Эдвина на щеке, его тяжелое тело и боль, когда он вонзался в меня.

После этого Эдвин, посвистывая, уходил. Я смотрела в окно ему вслед, пока он не исчезал из вида. Затем спускалась в уборную с тазом с водой и подмывала себя. Я ощущала своего рода мрачное утешение в этой очищающей рутине: я возвращала свою суть после того, как Эдвин забирал ее у меня.

Я совершенно одинока. Папа все еще был в отъезде, а Филипс, мой давний друг, отдалился от меня. Да и все равно я не смогла бы ему довериться. Слишком низко и вульгарно говорить о таких вещах. Огромная разница с теми разговорами о моих амбициях художницы или о его планах открыть собственную лавку или сад, что мы вели с ним!

В течение нескольких дней после того, как Эдвин ударил меня, я не выходила из дома. Деревня была небольшой, а местные жители любили посудачить. Но, в конце концов, спустя неделю, встала перед зеркалом и осмотрела себя.

Эдвин ударил меня в челюсть. В этом месте и на щеке все еще оставались желтые пятна. Но худшее уже позади, и я была уверена, что никто не заметит. В любом случае, если кто-то будет слишком любопытен, скажу, что упала и сменю тему.

После дождливого дня, когда я встретила Эдвина на пляже (о, как давно это было! когда я была еще ребенком!), лето закончилось и без боя перешло в осень. Я натянула шляпку, набросила на плечи шаль, чтобы защититься от прохлады, подняла подбородок и вышла из дома.

После вынужденного затворничества прогулка показалась праздником. Я шла по деревне, заглядывала в витрины магазинов. Остановилась, чтобы поболтать с другом моего отца, и почувствовала себя прежней.

Я пообещала Мэйбел, что отнесу в прачечную свое белье. Немного, поскольку я теперь жила одна. На пороге столкнулась с Фрэнсис Форрест, выходящей из помещения.

Чувствуя гулкое биение сердца, я придержала дверь и опустила глаза, боясь, что она поймет, чем я занимаюсь с ее мужем.

— Добрый день, мисс Харгривз, — приветствовала Фрэнсис.

Я кивнула, боясь, что любой ответ меня выдаст.

Но оказалось, что даже простое движение головы не спасло. Когда я вышла, женщина ожидала меня снаружи. Мне стало плохо: Фрэнсис ждала, чтобы спросить, где пропадает ее муж каждый день?

Я опустила голову и поспешила пройти мимо, но Фрэнсис зашагала рядом.

— Мисс Харгривз. Вайолет.

Чувство вины и незнание, как надлежит реагировать, что чувствовать, что сказать не позволило мне остановиться.

— Подождите. — Фрэнсис потянула меня за руку.

Осторожно, я подняла глаза и поразилась, увидев на ее лице беспокойство, а не ненависть или злость.

Фрэнсис мягко потрогала мою челюсть, где кулак Эдвина оставил синяк.

— О, моя дорогая девочка. Моя дорогая девочка.

Я вздрогнула от ее прикосновений. Синяк больше не болел, но видеть сочувствие на приятном лице Фрэнсис было слишком большим испытанием. Несколько дней я отгораживалась ото всех, но внезапно меня затопили эмоции. Я была ужасно виновата перед ней, но почему-то возникло странное желание броситься в ее объятия, позволить ей позаботиться обо мне с тем нежным вниманием, которое она показала, прикоснувшись к моему больному лицу.

— Мне очень жаль, — произнесла я.

— Неважно. — Она покачала головой. — Для меня все кончено. Но ты должна позаботиться о себе.

Я была сбита с толку. Поняла ли она, что делал Эдвин, когда его не было с ней? Я боялась, что она потребует объяснений у мужа. А если он разозлится, то никогда больше не заговорит со мной? Не зная, что ответить, я решила изобразить неведение.

— Вы в порядке, миссис Форрест?

Она выглядела здоровой, как и всякий раз, что я встречала ее, хотя Эдвин постоянно твердил о ее недомоганиях.

— В абсолютном, — ответила женщина. — Меня беспокоит ваше здоровье. Вайолет, вы должны...

Мне захотелось убежать. Образ Эдвина без брюк, стонущего на мне, вдруг возник перед глазами. Мне показалось, что я умру на месте от стыда. Почему, ну почему, жена Эдвина такая добрая?

— Мне нездоровится, — прервала ее. — Я должна идти.

И подняв узелок белья, развернулась и пошла прочь.

Глава 30

1855

Фрэнсис

Фрэнсис понимала, что беспомощна. Она узнала руку Эдвина, когда увидела следы побоев. Слишком часто сама становилась жертвой. Но для юной Вайолет произошедшее было слишком стремительным. Обычно он ухаживал за любовницами месяцами, прежде чем показывал свое истинное лицо.

Фрэнсис медленно шла за Вайолет домой, думая, а не сопротивлялась ли молодая женщина напору Эдвина. Возможно, поэтому он и ударил ее. Если это правда, то хорошо, потому что непокорный дух убережет девушку от последствий. Если бы у Фрэнсис была хоть капля своенравия, возможно, она бы никогда не попала под чары Эдвина.

И все же, Фрэнсис сомневалась. Она не была уверена, что Вайолет поняла ее слова. Ситуация усложнялась тем, что женщина не знала, стоит ли прямо заявить: «Я знаю, у вас роман с моим мужем. Он опасен. Оставьте его», чтобы не разрушить репутацию девушки. Ведь если даже существует крошечная возможность, что Фрэнсис ошибается в своих догадках, Вайолет будет опорочена. А если ошибки нет, тогда юная леди может ей не

поверить. Эдвин — чертовски обаятелен. Девушка, влюбленная впервые в жизни, может подумать, что Фрэнсис — просто надоевшая, отвергнутая жена, желающая вернуть ветреного супруга. А что, если Вайолет передаст Эдвину слова жены? Он будет в ярости.

Фрэнсис, без сомнения, беспокоилась о юной соседке, но еще больше беспокоилась о своем ребенке. Теперь, когда у нее будет малыш, она не может рисковать своей или его безопасностью. Если она что-нибудь сообщит Вайолет, все ее планы могут оказаться под угрозой. В том числе единственный шанс на будущее без мужа.

Так что, похоже, ей придется терпеливо ждать удобного случая. По крайней мере, пока. Она долго наблюдала за тем, как Вайолет, с развевающимися юбками и волосами, петляла по садовой дорожке у дома. Одна надежда, что девушка сама все поймет.

Глава 31

Наши дни

Элла

От: ggriffiths@unimail.com

Кому: elladaniels@writemail.com

Тема: Нашел!

Дорогая Элла,

Какой прекрасный дом! Вижу, что все у вас складывается удачно и очень рад за тебя и красавчика мужа. Я даже с новым интересом посмотрел игру команды его клуба. Кто бы мог подумать, что футбол так захватит?;-)

Что касается таинственной художницы, то есть как хорошие, так и плохие новости. Я не нашел информации о Вайолет Харгривз. Ни одной зацепки. Видимо, она рисовала только для собственного удовольствия, а не для коммерческой выгоды. Мне очень жаль.

А с Эдвином Форрестом повезло больше. Как ты и просила, я нашел две работы, сделанные им, а не о нем. Они приложены к письму. Очень достойные. Одна из них — «Король Кнуд повелевает приливом». Хранится в одном из довольно эксклюзивных частных клубов в Лондоне под названием «Клуб Джермин». А другая — «Даниил в логове львов» — часть коллекции Манчестерского университета.

Карьера художника Форреста была короткой: вскоре его убили. Полагаю, это связано с тайнами вашего дома. Расскажи мне все, умираю от любопытства.

Надеюсь, моя информация будет полезной. Не стесняйся, если тебе понадобится что-нибудь еще. С большим удовольствием приехал бы посмотреть и на дом, и на твоих сорванцов. Позже позвоню тебе.

Береги себя,

Джордж.

X

Я открыла два вложения в письме Джорджа и с удивлением уставилась на экран.

В спальне муж собирал новый комод. Я вышла из кабинета, наклонилась через перила и прокричала:

— Бен, поднимись. Взгляни на это!

Появился муж.

— Я занят, — ответил он, размахивая отверткой. — У меня здесь SOS для «умелых ручек».

Я рассмеялась.

— Что ж, жаль тебя прерывать, но ты не мог бы подойти и посмотреть на то, что мне

прислал Джордж?

Бен поднялся по лестнице, перешагивая сразу через две ступеньки: ему не терпелось поскорее закончить с мебелью.

Он уселся на стол, где лежал лист бумаги с именами и стрелками к ним: так я пыталась заставить себя работать над книгой о Тесс.

— Фабула? — поинтересовался супруг.

— Фабула-шмамбула. — Я сгребла все бумаги в сторону и показала ему письмо Джорджа.

— Он отправил мне картины Эдвина Форреста, — объяснила я. — Но они принадлежат Вайолет. По крайней мере, одна из них точно. Думаю, и другая тоже.

— Уверена?

— Это «Даниил в логове львов», финальная картина. Эскизы к ней, что мы нашли в доме, подписаны Вайолет.

— Ловкий подлец! То есть, он выдал работу девушки за свою?

— Похоже на то. — Я закусила губу. — А возможно, Вайолет знала. Идея могла принадлежать ей. Общество того времени не признавало женщин-художниц.

— Тогда вероятно скетчи тоже его? — спросил Бен.

— Не думаю. Прослеживается рука одного художника, а наброски подписаны девушкой. Конечно, люди писали автопортреты, но как-то странно для художника рисовать самого себя в подобных сюжетах про Даниила, например. Я много читала о прерафаэлитах и ничего подобного не встречала.

— Но Вайолет изобразила себя в «Марианне», — возразил Бен.

— Возможно. Хотя нет, если художник «Марианны» Эдвин.

Я сощурилась, вспоминая, что читала о художниках того времени.

— Думаю, именно Вайолет написала картину. Милле в «Марианне» выразил свой взгляд на место женщины в обществе того времени. Тогда работа вызвала много споров. Я нашла в шкафу большую статью об этом. Вайолет была в курсе. Может быть, она передала свои ощущения в «Марианне». Суть картины в том, что женщина обречена пассивно ждать мужчину, потому что ей нельзя быть инициативной. Помнишь?

Я развернула ноутбук к себе, прокрутила картины на экране, увеличивая подписи на них. «Эдвин Форрест» было выведено уверенными, голубыми каракулями.

Я покачала головой:

— Эдвин? Художник? Не верю. А Вайолет — художница! Абсолютно точно...

Вдруг меня осенило:

— А если она разозлилась, потому что Эдвин получил признание за ее работы, и убила мужчину?

— Какое признание? Картины пользовались успехом?

Я подумала о том, что написал Джордж.

— Нет, не совсем так. Это противоречит моей теории. Похоже, он продал лишь две картины.

— Потому что был убит, — сказал Бен. — Со смертью прекратилась его карьера художника.

— Или скорее, его смерть прекратила карьеру Вайолет. Зачем ей убивать Эдвина, если он — путь к ее успеху?

— Может поэтому она сбежала, чтобы осуществить свою мечту стать художницей? —

предположил Бен.

— Возможно. Мне бы хотелось думать, что она сбежала, чтобы осуществить свои мечты, но...

— Но?

— Джордж не нашел информации о Вайолет Харгривз.

— Она могла сменить имя.

— Не думаю, что у этой истории счастливый конец.

— А я надеюсь, — ответил Бен.

— Ты — романтик, — с любовью сказала я.

Я взяла блокнот и ручку, написала имена «Вайолет», «Эдвин» и соединила их стрелкой.

— Если бы я писала их историю, то между ними был бы роман.

— Логично, — согласился Бен. — Это бы объяснило, почему Вайолет рисовала Эдвина и почему его именем подписывались картины.

— Тогда, возможно, ревнивая жена убила мужа в состоянии аффекта? — Я написала имя Фрэнсис и нахмурилась. — Слишком очевидно.

— Обычный любовный треугольник, — сказал Бен.

Я вздохнула, чувствуя необъяснимое разочарование.

— Любовный треугольник?

— У Вайолет был роман с Эдвином, — объяснил Бен. — Фрэнсис узнала и убила их обоих: Эдвина и Вай.

— Нет. — Я чувствовала несостыковку в словах мужа и в том, что знала. — Прия говорила, что Эдвина убили, а Вайолет исчезла. Но при этом Фрэнсис тоже тяжело ранили, жестоко избили. Она чуть не умерла. Вряд ли женщина так поступила с собой?

Бен улыбался, наблюдая за мной.

— Ты уже пишешь эту историю в голове?

— Да. Намного интереснее книги о Тесс. Ничего не могу поделать.

— А что дальше? — спросил Бен.

— Нужно выяснить, что произошло. Позвоню Прие, она обещала помочь попасть в полицейский архив в Льюисе. И может Джордж захочет встретиться в Лондоне? Посмотреть выставленные картины Вайолет?

Глава 32

— Твой отец видел дом? — спустя несколько дней спросила Прия.

Стоял жаркий день. Мы сидели в саду, наблюдая за детьми, играющими в бассейне.

Я поерзала на шезлонге.

— Пока нет. Все сложно.

Прия посмотрела на меня, но промолчала.

— Мы немного повздорили, — призналась я. — Я наговорила ужасных вещей. Он звонил мне, но я не отвечала.

— О, Элла. Если моя профессия и научила чему-то, так это тому, что жизнь коротка. Не откладывай надолго разговор с отцом.

Я вздохнула:

— Знаю. Ты права. Я должна позвонить.

Подруга взяла мой телефон и протянула мне.

— Лучше поздно, чем никогда. А я присмотрю за мальчиками.

Я отказалась.

— В саду плохая связь.

Ее брови удивленно поднялись.

— Иди вовнутрь.

— Отец может быть занят.

— Оставь сообщение.

Нехотя, я взяла телефон. Папа не отвечал. Скорее всего, его телефон на дне сумки или где-то на полке. Или, возможно, он работает. Даже в шестьдесят отец все еще занимался какими-то делами своей фирмы. Я вздохнула, когда звонок переключился на голосовую почту.

— Папа? — робко начала я. — Это я. Звоню, чтобы... — Я замолчала. Прия одобрительно кивнула. — Просто чтобы узнать, не хотите ли вы с Барб приехать на следующие выходные. Было бы очень приятно увидеться, и мальчики соскучились.

Я снова помолчала.

— Я тоже по тебе скучаю, — поспешно добавила я.

Завершив звонок, я посмотрела на Прию.

— Ну как, стало лучше? — спросила она.

Вообще-то, да. По крайней мере, это начало.

— Между нами непростые отношения. Хотя я не уверена, что он так считает.

Прия опять подняла брови.

— Я долгое время многое хранила в себе, а когда он начал задавать вопросы о переезде, взорвалась и все высказала.

— Ох!

— Бен переписывался с ним по электронной почте.

— Двойное «ох»!

Я пожала плечами.

— Когда узнала, разозлилась, но муж прав. В конце концов, семья — самое главное.

Прия скривила лицо.

— Не могу сказать, что кровные родственники всегда поддержат. За последние годы насмотрелась на такие семьи, что просто ужас. Моя собственная семья была против свадьбы с Ником. Им претил факт, что он уже был женат. Но его родители замечательные, они — наша неоценимая помощь с детьми.

Я подумала о Барб и о том, как нам повезло с ней, и кивнула.

— Когда семья хорошая, это здорово, — продолжила Прия. — И тебе не стоит отказываться от нее из-за глупого скандала.

— Ты права. И Бен прав. Надеюсь, папа перезвонит.

— Конечно, перезвонит. Из-за чего вы поругались?

— О! Из-за нашего переезда сюда. Из-за моего увольнения. Ну и все такое.

Я посмотрела в сторону детей. Оскар и Эмбер лежали в воде на животах и хохотали.

— Он считал, что мы рискуем. Да, так и есть. Но посмотри теперь: сыновьям хорошо, у них появились друзья. И у меня тоже. — Мы улыбнулись друг другу. — Бен без ума от работы... Все хорошо.

— А твои книги? — поинтересовалась Прия, беря стакан с водой со столика и ставя его на свой живот. — Боже, какая жара!

Я встала и отрегулировала зонтик так, чтобы подруга оставалась в тени.

— Не перегрейся!

— Не меняй тему!

Я снова села.

— Очень плохо, — простонала я. — Сюжет для Тесс готов, но начать не могу. Мне стали неинтересны ее тайны. Мне интересны свои.

— Так пиши о них!

— Пока нечего писать. Неизвестно, что случилось с Вайолет.

— Я все еще жду звонка из архива, — заметила Прия. — Но, должно быть что-то еще, что мы можем сделать сейчас.

— Что ты делаешь, чтобы раскрыть преступление? — спросила я.

— Что я делаю? Ты же все сама знаешь.

Я кивнула.

— Мне известна процедура. Но твой рассказ может натолкнуть на идеи.

— Все, конечно, связано с местом преступления, — объяснила Прия. — Мы идем туда.

Ее телефон зазвонил, она взглянула на экран и ответила:

— О, чудесно. Мы у Эллы. «Дом на Скале», знаешь? Мы в саду, так что заходи с обратной стороны.

Я вопросительно посмотрела на нее: кого она пригласила?

— Жасмин, — ответила подруга. — На выходные приехала из универа. Она была дома и не нашла нас. Сейчас заглянет сюда.

Эмбер проскочила мимо нас, к боковой калитке с криком:

— Жассссссссс!

Я оглянулась. В сад вошла девушка в простых джинсовых шортах, скромной черной рубашке и в шлепанцах, но такая красотка, что просто кинозвезда.

Эмбер потянула ее к нам.

— Это моя сестра, — с гордостью представила девушку малышка. — Моя старшая сестра.

Мы поздоровались. Жас заключила маму в крепкие объятия, насколько позволил живот женщины. Я наблюдала за ними, размышляя над словами Прии о семье. Налила стакан воды для Жасмин. Эмбер поспешила утащить сестру к бассейну. Прия попросила:

— Жас, присмотри за детьми минутку. Мы с Эллой ходим к соседям.

— К соседям?

Я была озадачена. Жас кивнула и направилась к детям.

— Зачем?

— Место преступления. Ты можешь вдохновиться.

— Хорошая идея.

Я последовала за Прией, утиной походкой направлявшейся к центральной дорожке.

— Итак, по словам людей на станции, нападение произошло возле дома, — начала Прия, щурясь на солнце. — Но, судя по всему, дом был полностью перестроен. Это ведь не викторианский стиль, не так ли?

Я посмотрела на соседний дом с красной крышей и двойным застеклением. Сбоку — огромная пристройка и сзади — широкий зимний сад.

— Догадываюсь, что нет, — разочарованно протянула я. — Имей в виду, если бы кто-то был убит в моем доме, я бы, наверное, сначала разрушила его, а потом заново выстроила.

Прия кивнула с мрачным выражением лица:

— Понимаю.

— Но как бы ни выглядел дом сейчас, в те времена здесь жил Эдвин Форрест, — сказала я. — Со своей беременной женой. И здесь умер.

Мы посмотрели вверх и вниз на дорожку, словно пытаюсь представить, как все случилось.

— Мой друг Джордж — историк искусств. Я просила его найти работы кисти Вайолет, но он прислал две картины Эдвина Форреста.

— То есть, тот тоже был художником?

Я пожала плечами.

— Думаю, просто подписал картины Вайолет своим именем. Потому что автопортрет и работы, которые нашел Джордж, нарисованы одной рукой. Скорее всего, Вайолет.

Прия задумалась.

— Есть ли какой-нибудь способ узнать наверняка?

— Через несколько дней мы встречаемся с Джорджем в Лондоне, чтобы посмотреть на одну из картин в реальной жизни.

— Отлично! — сказала Прия. — Потому что если Эдвин украл работу девушки, то мотив для убийства налицо.

— Да?

— Может, Вайолет убила Эдвина, а потом ударилась в бега, — продолжила Прия. — Сменила имя и сбежала из страны. Пока мы тут строим догадки, она загорает в Испании.

— Прия, — хохотнула я. — Будь серьезнее.

Подруга показала мне язык.

— Она была бы подозреваемой.

Я скорчила гримасу.

— Так что делать дальше?

Обмахиваясь, Прия прислонилась к дереву и посмотрела на соседний дом.

— Я бы проследила историю картин. Полагаю, здесь замешаны деньги. В конечном итоге, все всегда упирается в деньги. Или в секс.

— Или в то и другое, — согласилась я, снова задаваясь вопросом: «А был ли у Эдвина и Вайолет роман?»

— Поезжай в Лондон и посмотри, что можно выяснить о картинах. Я бы присоединилась к тебе, но трястись в поезде в такую жару...

Я сочувственно улыбнулась:

— Не волнуйся, Джордж знаток своего дела. Мне нужна твоя помощь в архивах.

— Я напишу им и буду докучать, пока не надоем.

Из сада раздались крик и громкий смех. Мы переглянулись.

— Бежим спасать бедную Жасмин, — сказала я.

Или, — предложила Прия, — отправимся в паб, посидим в саду и разопьем кружку пимм¹⁶.

Бросив полный сожаления взгляд в сторону паба, мы дружно развернулись и пошли к дому.

Глава 33

1855

Эдвин

Эдвин устремил взгляд на Вайолет. Она, подняв подбородок, с вызовом смотрела на него.

— Я поеду с тобой.

Дорожный плащ наброшен на плечи, у ног маленькая сумка. В руках, как младенец, покоился прямоугольный сверток, аккуратно обернутый коричневой бумагой и перевязанный веревкой.

— Поеду в Лондон, — повторила девушка.

Эдвин хмыкнул.

— Дорогая Вай, — произнес он. — Лондон — не место для такой девушки, как ты.

В глазах Вайолет блеснуло упрямство.

— Я не такая, как другие девушки. Я хочу показать свои картины мистеру Милле.

Эдвин посмотрел по сторонам. Они стояли на виду у входных ворот дома Вайолет. Любой прохожий мог их увидеть.

— С удовольствием возьму твои картины, — ответил мужчина. — Но не могу взять тебя. Я буду работать.

Вайолет фыркнула. Неподобающий звук для красивой девушки.

— Ты боишься, что я запятнаю твою репутацию?

Эдвин взял ее сумку и крепко сжал запястье девушки.

— Пойдем, — прошипел он. Затем довольно грубо потащил ее в сад и толкнул на скамейку.

— Вайолет. — Он возвышался над ней. — Я не повезу тебя в Лондон. Я женат. Что бы сказал твой отец? И я не могу позволить тебе ходить по городским тавернам.

Вайолет крепче схватилась за пакет.

— Я не могу оставаться здесь, — прошептала она, глядя на Эдвина поверх свертка. — Фрэнсис знает.

Эдвин присел рядом, убрал волосы с ее лица. Она смотрела на него, кусая розовые губы. Мужчина почувствовал, как растет желание при взгляде на девушку. Есть ли у него время поиметь ее? Прямо здесь. Он вытащил карманные часы и проверил время. К сожалению, нет. Иначе опоздает на поезд.

— Дорогая девочка. Фрэнсис ничего не знает. Она существует в собственном мире, ее характер слаб, она не причинит вреда.

Он мягко поцеловал Вайолет в полные губы, вдыхая запах краски и пота, сожалея, что нет более позднего поезда в Лондон. Глянув за плечо девушки заметил парнишку-садовника. Тот делал вид, что срубает ветки, но Эдвин понял, что молодой наблюдает за ними сквозь листья. Мужчина понизил голос, чтобы недовольный малый не услышал их.

— Ты украла мое сердце, мисс Харгривз. Однажды мы будем вместе. А пока, увы, я должен сам отвезти твои картины в Лондон.

Он притянул девушку, прижимаясь к ней всем телом. Чувствует ли она, как сильно он ее хочет?

— Увы, я должен идти, — хрипло проговорил он. — Вернусь на следующей неделе. У меня имеются планы встретиться с мистером Милле. Я покажу ему твои работы.

Неповиновение Вайолет было сломлено. Эдвин торжествовал. Похоже, он и правда умеет обращаться с женщинами. Мистер Форрест пригладил волосы, поправил галстук, прихорашиваясь, словно павлин.

Вайолет взяла сверток со скамейки и передала ему.

— Две картины, — нетвердым голосом произнесла девушка. — «Король Кнуд» и «Даниил в логове львов». Есть еще одна, но думаю, что эти лучшие... на данный момент.

— Очень хорошо, — сказал Эдвин.

Он взял сверток подмышку и встал.

— Я не подписала их, — внезапно добавила Вайолет. — Подумала, может быть, сначала ты покажешь мистеру Милле и посмотришь, понравятся ли они ему. Прежде чем откроешь, что художник...

— Женщина, — закончил мысль Эдвин.

Он поцеловал ее в макушку.

— Разумно. Я сделаю так, как ты хочешь.

Он ушел, не оглядываясь. На самом деле, Эдвин вспомнил о девушке лишь в поезде. Он снял сверток с багажной полки и развернул его. Затем поставил обе работы на сиденье напротив и устроился удобнее, чтобы рассмотреть картины.

— Довольно неплохо. — Сидящий рядом пожилой джентльмен отложил газету, чтобы присмотреться получше.

— Ваши?

Эдвин помолчал, пока поезд с грохотом проезжал под мостом.

— Мои.

Джентльмен улыбнулся.

— У вас талант.

Эдвин со всей подобающей скромностью принял комплимент:

— О, я всего лишь начинающий художник. На самом деле, я их даже не подписал.

— А надо, — ответил джентльмен. — У меня есть ручка.

Он поискал в сумке и протянул Эдвину авторучку.

— Должно хватить чернил на подпись, — сказал он.

Эдвин взял ручку. Затем, прежде чем передумать, процарапал свое имя на нижней части картины «Король Кнуд».

— Это свидетельство, — произнес джентльмен. — А теперь здесь. А это — автопортрет, я полагаю?

Эдвин кивнул, когда ставил подпись на «Данииле в логове львов».

— Не хватает моделей, — признался он. — Мне часто приходится рисовать себя.

Ложь легко слетела с уст. Всю дорогу до столицы он и его спутник болтали об искусстве и Лондоне. Эдвин обнаружил, что повторяет слова, услышанные от Вайолет, как свои собственные.

К тому времени, как они добрались до станции «Лондонский мост», Эдвин почти поверил, что он — художник. Мужчина весело попрощался с джентльменом и пружинистой походкой отправился в клуб. Жизнь хороша!

Глава 34

На закате Эдвин сошел с повозки на углу улицы Джермин, оставил на чай кучеру и неторопливо поднялся по широкой лестнице к грандиозному зданию клуба, где зарезервировал себе место еще неделю назад. Он выбрал этот клуб из-за репутации: здесь собирались люди, добившиеся успеха в литературной и художественной сферах. Эдвин не лгал, когда говорил Вайолет, что любит искусство. Так же, как не лгал, когда сказал Беатрис, что любит музыку.

Он почитал искусство, это правда. Но на самом деле его привлекал творческий мир. Даже как-то познакомился с Милле, правда, набегу, и чтобы вспомнить Эдвина, знаменитому художнику придется напрячь память. И он был искренен, рассказывая Вайолет

о мечтах стать художником, хотя ему не хватало таланта и настойчивости. Но избранная профессия юриста подходила лучше всего. Эдвин — человек правил и норм, и часто находил для своих клиентов удачные лазейки в законах. Больше всего ему нравилось участвовать в дискуссиях и одерживать вверх, используя логику и хитрость. Там он был в своей стихии.

Своей профессией он достойно зарабатывал на жизнь, но хотелось преклонения, как в артистической среде. Выросшему в скромном окружении и в простой семье, ему всегда приходилось много работать, время от времени лгать и обманывать, чтобы добиться успеха. Он был хорошим бизнесменом и знал это. Также как знал это отец Фрэнсис, прежде чем решил поставить зятя во главе семейной фирмы. И все равно Эдвин не чувствовал себя оцененным и в безопасности. В глубине души таилось беспокойство, что однажды кто-нибудь обнаружит, что родители не были теми уважаемыми людьми, за которых он их выдавал. Его тщательно построенный карточный домик мог в одночасье рухнуть.

Эдвин не учился в школе-интернате и не получил того важного старта в жизни, которым наслаждались его ровесники. Поэтому притворялся и врал. Он научился рисовать, потому что другие ребята брали уроки рисования, а он хотел быть похожим на них. И к удивлению юноши, обнаружилось, что ему нравились занятия, но, к сожалению, не хватало техники. Иногда он делал наброски морских птиц, а когда ухаживал за Фрэнсис, рисовал ее. Как-то раз даже нарисовал жену обнаженной, что показалось ему очень эротичным, а ей — ужасно стыдным.

При мыслях о жене бодрое расположение духа покинуло его. Он приостановился у входа в клуб, похвалив себя еще раз за членство. Великолепная архитектура здания успокаивала. Мужчина вошел внутрь, держа сверток, и остановился у стола, чтобы записаться в книге посетителей.

— Эдвин, приятель!

Рыхлый мужчина с копной белых волос шел навстречу.

— Лоуренс. — Эдвин крепко пожал протянутую руку. — Давно не виделись!

Лоуренс Коул — старый клиент фирмы Эдвина, был веселым человеком и известным меценатом. Они обменялись любезностями, и Эдвин с удовольствием принял приглашение поужинать.

— Что у тебя там? — спросил старый приятель, кивая на сверток, пока они шли по коридору в свои комнаты.

Эдвин старательно изобразил скромную улыбку:

— О, всего лишь пара картин. Балуюсь иногда...

Голос его замер, он ждал, клюнет ли на крючок Лоуренс и не ошибся.

— Можно взглянуть?

Эдвин было запротестовал, правда не слишком сильно и не слишком долго. Пригласил Лоуренса в свою комнату, налил выпить. Затем развернул сверток и приложил картины к стене.

— Свет здесь не очень хороший, — заметил Эдвин.

Лоуренс внимательно рассматривал работы, игнорируя реплику.

— Мой дорогой мальчик! Чудесно! Действительно очень достойно.

Меценат отпил виски и сел в кожаное кресло сбоку от камина.

— Интересно...

Эдвин бросил взгляд в его сторону:

— Ты удивлен?

— У меня есть друг Джон Раскин. Художественный критик. Ты его знаешь?

— Конечно. Хотя официально не знакомы.

— Я бы хотел показать картины, если можно. Думаю, ему понравится. Они в стиле, который, как я думаю, тот предпочитает.

— О нет. Я лишь новичок, еще учусь.

— Дорогой мальчик, ты оказываешь себе дурную услугу. У тебя талант. Думаю, это может стать началом чего-то нового.

Эдвин улыбнулся. И после некоторых протестов, не слишком настойчивых, согласился отдать Лоренсу картины.

За этим последовали два дня неопределенности. Эдвин встречался с клиентами и провернул много сделок, но его не покидали мысли о Лоуренсе. Интересно, встретился ли приятель с Раскиным?

Он не собирался выдавать картины за свои. Это произошло спонтанно, под влиянием незнакомца в поезде. Он только планировал соблазнить девушку, хотя смутно представлял возможность прикарманить выручку при продаже ее картин. Но теперь, заявив о правах на работы Вайолет, он продумывал дальнейшие действия. Если сможет каким-то образом побудить Вайолет продолжать рисовать и выдавать ее работы за свои, то станет объектом поклонения в мире искусства. Мужчины будут стремиться походить на него, а красивые женщины отчаянно искать встреч. Он превратится в уважаемого человека в городе, но Вайолет не должна знать. Да она почти не покидает Сассекс, так что шанс, что девушка вдруг наткнется на «его» картину ничтожен.

Он не имел представления, сколько денег зарабатывают художники. Лишь смутные представления о прерафаэлитам, как о людях со средствами, но маскирующихся под нуждающихся ради искусства. Эдвину нравилась идея дополнительного дохода. Возможно, даже достаточного для постоянного съема комнат в Лондоне. Так было бы легче развлекаться. Он погрузился в мечты, направляясь на ужин.

— Эдвин, — окликнул его кто-то.

— Лоуренс, прости, я задумался.

— Неважно, — произнес Лоуренс, спускаясь по лестнице.

Они вошли в ресторан.

— Сядем вместе или у тебя гости?

— Нет, гостей нет, — сказал Эдвин, догадываясь, что раз приятель хочет вместе поужинать, значит, есть хорошие новости.

Они сели, официант налил вина.

Меценат сделал глоток.

— Превосходно. Итак, мой друг, как дела в фирме?

— Хорошо, хорошо. — Эдвин горел желанием быстрее перейти к делу.

Лоуренс же всегда любил пустую болтовню.

— Очень жаль, потому что кажется, что вскоре ты оставишь бизнес.

Мужчина сиял, откинувшись в кресле. Эдвин подавил желание схватить приятеля за галстук и разбить тарелку об его самодовольное лицо.

— Что такое? — как можно вежливее поинтересовался он, представляя, как бараньи отбивные вместе с соусом стекают с мецената.

— Потому что, дорогой мой, твои картины проданы.

Эдвин замер с бокалом вина в руке, не успев поднести его ко рту.

— Проданы?

— Ну, с твоего согласия, разумеется.

Эдвин изумленно уставился на него, не будучи уверенным, как именно реагировать в подобных обстоятельствах.

— Можешь закрыть рот, мальчик, — улыбнулся Лоуренс. — Хочешь узнать, насколько хороша твоя работа?

Эдвин опустил голову в притворной скромности.

— И кто... — начал он.

— Я не смог показать их Раскину, потому что тот в Италии. Но, может это и к лучшему, учитывая, что художник только что выплатил большую сумму мисс Сиддал.

Эдвин нахмурился. Он не одобрял покровительства Раскина: Элизабет Сиддал не более чем шлюха.

Лоуренс заметил его выражение.

— В любом случае, я показал картины другу мистера Раскина — Генри Хьюзу.

Незнакомое имя для Эдвина. Лоуренс понял озадаченный взгляд.

— Владелец фабрики, — пояснил приятель, небрежно махнув рукой, демонстрируя пренебрежительное отношение к бедному мистеру Хьюзу и ему подобным. — Чрезвычайно богат и ничего не смыслит в искусстве.

Эдвин не понимал, куда ведет разговор.

— Итак, этот мистер Хьюз...

— Он покупает все, что захочет, — с улыбкой ответил Лоуренс. — Предложил триста фунтов за картину «Даниил».

Эдвин снова уставился на мужчину. Юристом он зарабатывал шестьсот фунтов в год и обеспечивал себе вполне комфортную жизнь. И этот Хьюз предложил ему половину этой суммы за одну лишь картину?

— Не знаю, что и сказать.

— Зато я знаю. Почти оскорбительно, не так ли? В любом случае, я уговорил его на четыреста пятьдесят фунтов.

Эдвин осушил бокал. Руки дрожали.

— Ты уговорил его на четыреста пятьдесят фунтов? — Ему стало трудно дышать.

— В самом деле. И, так как я принял участие в переговорах, возьму комиссионные натурой.

— Конечно. — Эдвин запнулся. — Тебе нужен юридический совет?

Лоуренс усмехнулся.

— Нет, Эдвин. Мне нужна следующая картина. Я возьму картину.

Где-то в глубине сбитой с толку души Эдвина прозвенел тревожный звоночек. Его мозги бизнесмена разом охватили ситуацию.

— Стопроцентная комиссия? Ни за что?

Лоуренс стусевался.

— Ах, ну хорошо. Я дам тебе сто фунтов за нее.

— Двести, — сказал Эдвин, наполняя два бокала.

К нему вернулось самообладание, он одобрительно заметил, что даже руки перестали трястись.

— Сто пятьдесят, — предложил Лоренс.

— Договорились.

Они пожали руки. Голова Эдвина кружилась. Он только что за пять минут получил годовую зарплату. На мгновение молодой человек задумался о том, как эти деньги могли бы помочь Вайолет: заплатить за уроки живописи, потратить больше времени на рисование, но он отбросил шальную мысль: женщины и деньги — опасная смесь.

Лоуренс вытащил толстый бумажник и отсчитал сто фунтов наличными.

— Если утром прогуляешься со мной до банка, я отдам остальное.

Эдвин взял деньги и положил их в карман.

— Не хочешь узнать, где картины? — спросил Лоуренс.

Молодой человек спохватился:

— Прости, конечно, хочу. Все произошло слишком стремительно.

Лоуренс по-отечески похлопал его по руке.

— Ничего. Мистер Хьюз повесит «Даниила» в офисе своей фабрики. Я подумал, что могу повесить свою здесь. Чтобы тебя заметили.

Эдвин был счастлив.

— Ты можешь написать еще?

— Разумеется, — ответил Эдвин, задаваясь вопросом о работоспособности Вайолет.

Мысленно поблагодарил бога, в которого не верил, за то, что переехал в Сассекс и встретил художницу. Вся его жизнь изменится. И все благодаря Вайолет.

Глава 35

Наши дни

Элла

Странные ощущения возникли у меня при возвращении в Лондон. Не так уж и долго я отсутствовала, несколько раз даже выезжала в Брайтон, так что сказать, что мы жили в деревенской глухомани нельзя. Но я уже успела привыкнуть к медлительному ритму Сассекса. Однако в поезде было приятно коротать время в одиночестве: читать книгу, попивая кофе, и любоваться видами из окна.

В столицу Джордж должен был приехать на лекцию в один из университетов. Он забронировал себе билет на ранний самолет с тем, чтобы мы успели посмотреть картину Вайолет в частном клубе. Я взяла с собой все эскизы, которые нашла. Друг пообещал определить, одной ли руке принадлежат наброски и картина.

Из Виктории пересела на автобус, в окно разглядывала Лондон и вышла на Пикадилли-Серкус. Встреча с Джорджем была назначена в кафе большого книжного магазина, но я знала: он обязательно опоздает, поэтому ждала его, уютно устроившись с кофе и сдобной булочкой.

Он позвонил мне десять минут спустя, взволнованный и виноватый.

— Я застрял в проклятом поезде. Знал, что лететь в Лутон — ошибка. И где вообще этот Лутон?

— Я подожду. Не волнуйся.

— Нет, дорогая, иди и очаруй их, а я найду тебя там. Максимум через час. Менеджер — какой-то Скотт. Я перешлю тебе его письмо. Посмотри детали сама. Он ждет нас.

— Ну хорошо. Если будешь опаздывать — позвони. Мне нужен твой профессиональный взгляд.

Я дождалась письма, допила кофе, натянула кардиган: лето на исходе. Через боковую дверь магазина выбралась на улицу Джермин.

Клуб располагался в белокаменном здании. Широкие ступени вели к черной

центральной двери, с обеих сторон украшенной колоннами. Ничего себе! Здание впечатляло. Интересно, была ли здесь когда-нибудь Вайолет? Наверное, нет. Думаю, большую часть времени девушка проводила в Сассексе. Не уверена, что в то время подобные заведения одобряли присутствие женщин в их стенах. Как, впрочем, и в наше время. В чем мне пришлось убедиться.

Я смело вошла в открытую парадную дверь. Интерьер несколько напоминал отель с ресепшном из массивного дерева слева, где за компьютером сидел молодой человек. Напротив входа красовались две стеклянные двери. Через них открывался вид на ресторан. Справа виднелся бар, а слева лестница, стена вдоль которой была украшена картинами. Я почувствовала внутреннее ликование от скорой встречи с оригиналом картины Вайолет.

— Могу вам помочь? — спросил юноша за стойкой.

— Здравствуйте, — улыбнулась я. — Меня зовут Элла Дэниелс. Я здесь, чтобы увидеть Скотта Симпсона. Он собирался показать мне кое-что из коллекции живописи.

Мужчина презрительно посмотрел на меня.

— Вы одна?

— Простите?

— Вы здесь одна?

— О, да, — смутилась я. — Мой друг Джордж Гриффитс назначил встречу, но его задержали. Так что пока только я.

Мужчина слегка улыбнулся.

— Боюсь, в клуб «Джермин» входить женщинам без сопровождения нельзя. Так что, если хотите записаться на другую встречу в более удобное время...

Не веря ушам, я уставилась на него.

— Простите?

— Женщинам без сопровождения нельзя... — начал он снова.

— Я это слышала. Просто не поверила.

— Такова политика клуба.

— Не могли бы вы пригласить мистера Симпсона? У меня назначена встреча.

— Я — мистер Симпсон. Простите, что не могу вам помочь.

Он развернулся к экрану компьютера, давая понять, что разговор окончен. Но я не собиралась сдаваться.

— Послушайте. — Я положила руки на стойку. — Очень важно, чтобы вы показали мне картину «Король Кнуд». Я провожу исследование для книги.

Я замолчала: пожилой джентльмен, прошедший через стеклянную дверь, протягивал юноше брелок с ключами.

— Спасибо, Скотт, — поблагодарил мужчину.

Мистер Симпсон кивнул.

— Увидимся на следующей неделе, мистер Литтен, сэр.

— Я — автор-криминалист, — с отчаянием продолжила я. — Меня зовут Элла Дэниелс, и мне очень, очень нужно увидеть эту картину...

Пожилой мужчина, надевая куртку, остановился у двери и повернулся.

— Элла Дэниелс? — спросил он. — Как И.Джей. Дэниелс?

Я удивилась.

— Да. Это я.

— Я сейчас читаю одну из ваших книг. По рекомендации жены. Должен сказать:

наслаждаюсь невероятно.

Я улыбнулась. Было приятно.

— И вы проводите исследование для следующего романа? — поинтересовался джентльмен.

— Вроде того. На самом деле, я исследую одну невероятно запутанную историю и пока не докопаюсь до сути, просто не смогу сконцентрироваться на новом романе.

Мужчина кивнул.

— Скотт, я впишу мисс Дэниелс.

Мистер Симпсон вздохнул и что-то набрал на компьютере.

— Мисс или миссис? — обратился юноша ко мне.

— Можно «мисс». — Я с благодарностью смотрела на джентльмена, пока он вписывал на временной членской карточке мое имя. Пожилой мужчина подмигнул мне.

— Было очень приятно познакомиться с вами, мисс Дэниелс.

— Мне тоже, мистер Литтен. Спасибо вам.

— Вы не останетесь? — с ужасом на лице спросил юноша у пожилого мужчины.

— О, думаю, мисс Дэниелс справится и одна, не так ли? — ответил мистер Литтен. — Увидимся на следующей неделе.

Я подавила смешок. Мистер Симпсон по телефону попросил коллегу прийти и подменить его на ресепшне, пока он будет показывать мне картины. Забавно: пожилой мистер Литтен вписал меня в клубную карточку, в то время как молодой мистер Симпсон держался за старые традиции.

— Сюда, пожалуйста.

Юноша открыл стеклянные двери и провел меня вверх по широкой изогнутой лестнице в большую, пустую комнату для совещаний. В конце комнаты, над столом, висела картина Вайолет.

— О, — в изумлении воскликнула я. — Это наш пляж.

На картине был изображен красивый, довольно крупный молодой человек, одетый в богатый, красный халат и золотую корону. Он стоял по щиколотку в воде, вытянув руки на уровне плеч, повернув ладони к горизонту. Волны ласкали гальку у подножия скалистой тропы недалеко от нашего дома. Мужчина выглядел благородным и сильным. Картина была восхитительная, наполненная яркими, сияющими цветами. Вода закручивалась вокруг лодыжек человека, а облака, плывущие в небе, были настолько реальными, что хотелось протянуть руку и прикоснуться к ним.

В углу крупными плавными голубыми буквами было выведено: «*Эдвин Форрест*».

— Потрясающе, — услышала я голос позади себя.

— Джордж. Ты приехал!

Я развернулась, чтобы обнять его.

Мистер Симпсон вздохнул с явным облегчением:

— Я оставлю вас. Пожалуйста, обращайтесь, если что-нибудь понадобится.

Он пошел прочь, почти спасаясь бегством. Я давилась смехом. Джордж озадаченно спросил:

— Что, черт возьми, тут происходит?

— Теперь уже неважно, — махнула я рукой, горя желанием приступить к делу. — Давай сравнивать картины.

Мы развернули все эскизы Вайолет: наброски Эдвина из шкафа и тот, с пометкой

«неизвестный художник», на который я наткнулась в библиотечной книге. Черновик автопортрета и картину «Марианна». Мы бережно разложили все на большом столе в конференц-зале под картиной, висевшей на стене.

Джорджа охватил азарт искусствоведа. Он внимательно изучал каждую работу, делая пометки в записной книжке, пристально рассматривал эскизы, картину на стене, и снова возвращался к наброскам. Я не мешала ему, стараясь увидеть то, что видел друг. Вообще-то, на мой взгляд, все не так сложно. Даже я, не будучи экспертом в искусстве, могла признать, что стиль эскизов и законченной работы на стене одинаков. Манера вплетать сюжетную ленту в работы великолепно отражена в «Короле Кнуде». У Джорджа на экране iPad был сохранен «Даниил в логове львов», который он тоже сравнивал с остальными картинами.

Наконец, мой друг поднял очки на лоб, потер нос и одарил меня широкой улыбкой.

— Ну что ж. Конечно, хотя и не могу доказать, но готов поспорить: все работы нарисовал один и тот же художник.

— Вайолет.

Джордж пожал плечами:

— Либо Вайолет, либо Эдвин. И учитывая, что набросок под названием «автопортрет» изображает молодую женщину, я бы предположил, что это была Вайолет.

Я обняла его.

— Спасибо. Очень ценю твою помощь и докажу, что именно Вайолет — автор картин.

— А как ты собираешься это сделать? — поинтересовался Джордж, когда мы вернулись к ресепшну к величайшей радости мистера Симпсона.

— Понятия не имею. Но сначала мне нужно выяснить, что именно произошло с Эдвином и художницей. Я подружилась с женщиной по имени Прия. Она — детектив и обещала помочь мне попасть в полицейский архив, чтобы найти информацию о преступлении.

— Отличный план, — похвалил Джордж.

Он взял меня под руку.

— Теперь, думаю, ты должна отблагодарить меня выпивкой.

Глава 36

1855

Вайолет

— Моя дорогая, я сделал все, что мог.

Я всматривалась в море, глотая слезы. Эдвин еще что-то говорил, но я не слушала. Всего лишь парой фраз он убил все надежды и мечты. Раскину не понравились мои работы. Он не желал видеть или покупать остальные, как и призывать кого-либо интересоваться ими. Все было кончено.

— Это вовсе не конец, — проговорил Эдвин, и я поняла, что говорила вслух. — Вовсе нет.

Он взял меня за руку и усадил на песок рядом с собой. Мы, скрытые от пляжа и домов, были в той неглубокой пещере, где впервые поцеловались.

— Моя дорогая, — повторил Эдвин. — Я член клуба. Это не пафосное заведение, но его часто посещают художники, критики, писатели и так далее.

Я вытерла глаза и посмотрела с надеждой на него.

— Мне повезло, пара членов клуба — мои друзья.

Я снова перевела взгляд на море, равнодушная к политике клуба.

— В любом случае, — быстро проговорил Эдвин, очевидно чувствуя, что теряет мой интерес, — я убедил Лоренса, одного из членов, повесить твои картины в ресторане. Словно это твоя личная, персональная выставка.

Крохотный бутон надежды робко раскрывался внутри меня.

— Тогда все гости и члены клуба увидят их за ужином. И Лоуренс сказал, если ты сможешь нарисовать что-то еще, он постарается разместить там же. Я верю в начало твоей творческой карьеры.

Я бросилась к нему, обнимая за шею и покрывая лицо поцелуями.

— О, спасибо, спасибо, спасибо, — плакала я. — О, Эдвин, я люблю тебя.

В ужасе сообразила, что никогда раньше не говорила ему таких слов, хотя и думала много раз. Эдвин улыбнулся.

— Знаю.

Он нежно поцеловал меня чуть выше декольте. Я вздрогнула, наполовину от страха, наполовину от удовольствия, зная, чего он хочет. Медленно расстегнула платье и толкнула его вниз к талии. Моя кожа, покрытая веснушками, светилась в лучах солнца.

— Продолжай, — попросил мужчина.

Он встал и снял штаны. Я отвела от него взгляд. Эдвин все еще смущал меня. Закрыв глаза, я расстегнула корсет, обнажив грудь. Было стыдно, но так я чувствовала, что контролирую ситуацию. Эдвин смотрел на меня. Я ощущала тепло его глаз на обнаженной коже. Потом он опустился на колени между моими ногами.

— Хорошая девочка.

Он толкнул меня назад, я упала на песок. Его рука зарылась под юбку.

— Хорошая девочка.

Закончив, Эдвин вытряхнул песок из штанов и коротко поцеловал меня в губы.

— Подожди десять минут, — сказал он. — Увидимся завтра.

Затем ушел, не оглядываясь. Я пальцами расчесала волосы, скрутила их в пучок. Потом медленно оделась, заметив яркие синяки на внутренней поверхности бедер. Решив, что десять минут уже прошли, направилась домой, не переставая думать о своих картинах.

Горькое разочарование от известия Эдвина немного утихло, но я все еще чувствовала себя уязвленной и подавленной. Так долго мечтать стать художником, так долго убеждать себя в том, что, если бы только Раскин увидел мои работы, он был бы покорен! Теперь я не знала, как быть. Внутри всколыхнулся всплеск упрямства, с которым я не умела совладать, зародился план действий: я решила поехать и посмотреть на свою картину. Это могло бы помочь собраться с мыслями и понять, что делать дальше.

Глава 37

1855

Эдвин

Эдвин еще не успел распаковать свою дорожную сумку. Так жаждал встречи с Вайолет. Теперь, утолив желание, отправил свою одежду в корзину для стирки, затем вытащил из заднего кармана сумки деньги Лоуренса. Устроившись на кровати, разложил купюры на стеганом покрывале. В порыве радости в клубе он купил всем выпивку, чтобы отметить событие, а затем вознаградил себя ночью в высококлассном борделе. Но даже такие расходы едва ли ударили по его неожиданному доходу.

Фрэнсис, стоя у окна спальни, как всегда спокойная и тихая, наблюдала за ним.

— Не понимаю, как тебе удалось их заработать?

Эдвин, поморщившись, оглядел ее. Своей рассудительностью жена всегда умудрялась убить любое желание радоваться.

— Сделка. Деловая сделка. Тебе сложно объяснить.

Женщина с тревогой взгляделась в него. Он почувствовал, как ее взгляд проник прямо в душу.

— Скажи, ничего противозаконного?

Эдвин на краткий миг вспомнил свое имя на картинах Вайолет. Суровый закон, обычно черно-белый, наполнялся различными оттенками серого, когда заходила речь о владении предметами искусства. Его действия, он был уверен, может и не соответствовали закону, но достаточно умело его обходили.

Он недовольно отмахнулся:

— Конечно ничего противозаконного. Это только начало нового предприятия. Очень важного.

Послышался дверной звонок. Эдвин вновь выразил недовольство:

— Ты кого-нибудь ждешь?

Она покачала головой. Агнес, топая, поднималась по лестнице.

— Мистер Форрест, — зарычала она, — кое-кто пришел к вам. Парень из деревни хочет помочь с контрактом.

Эдвин скривился от манер служанки:

— Надо избавиться от нее.

Он толкнул дверь, указал на разложенные на кровати деньги:

— Возьми все это и положи в сейф в моем кабинете, — и вышел.

Глава 38

1855

Фрэнсис

Фрэнсис подождала немного, затем опустилась на кровать и пересчитала деньги. Больше пятисот фунтов! Она была поражена. Что он сделал, чтобы получить такое богатство? Она чувствовала: муж что-то скрывает. Он часто заключал сделки, выигрывал дела, и всякий раз не мог дождаться момента, чтобы похвастаться перед ней своими успехами, независимо от того, смыслила она что-либо в его делах или нет. Обычно Фрэнсис смыслила.

Аккуратно сложив банкноты, она отнесла их в кабинет, чтобы убрать в сейф. Там был мешок, внутри которого было еще больше наличных. Положив туда новые банкноты, она остановилась. Оглянувшись, чтобы убедиться, что Эдвин не поднимается по лестнице, она взяла несколько купюр, свернула их и засунула в рукав. Потом взяла еще несколько и сунула в другой. Заперла дверцу сейфа. Пошла в гардеробную, закрыла дверь, подвинула стол и подняла свободную половицу.

Под полом лежал «спасательный набор»: завернутый в кусок ткани дневник. В нем она изливала душу, рассказывая о своем замужестве, о котором она никогда не осмеливалась рассказывать в реальной жизни, и где набивала руку для новой подписи. Она планировала начать жизнь как Флоренс Беннет, вдова Альфреда. Там также были спрятаны книга о Шотландии, расписание и маршрут железных дорог, деньги и ее последнее приобретение — кое-что из одежды. В Брайтоне она купила простое черное платье, которое разительно отличалось от ее обычной одежды: высокая стойка и маленький капюшон с завязками под подбородком. В нем она выглядела как бедная вдова, как раз то, что нужно.

Женщина была уверена, что, если спланирует правильно свой побег тогда, когда муж уедет в Лондон, намеренно оставит «вещи Фрэнсис» на пляже во время прилива, то все поверят, что она утонула, и не бросятся на ее поиски.

Она погладила округлившийся живот. Нужно действовать быстро. По подсчетам — уже через пару недель, в следующую поездку Эдвина в Лондон. Теперь, когда все решено, Фрэнсис сгорала от нетерпения. Она хотела начать новую жизнь подальше от мужа и подготовиться к рождению ребенка. А после наступит безопасность. И вновь женщина отбросила все тревожные мысли о Вайолет Харгривз. Она не может спасти девушку, как не могла спасти несчастную, трагичную жизнь Беатрис Сандерсон. «Не моя ответственность, — бормотала женщина. — Девчонка — не моя ответственность». Но как убежать, зная жестокость мужа? Она будет в безопасности, ее ребенок будет в безопасности, но Вайолет? Никогда. Как заглушить муки совести?

Глава 39

Наши дни

Элла

Август плавно перешел в сентябрь. Дни стали холоднее. Оскар пошел в школу и быстро освоился там благодаря дружбе с Эмбер. Стэнли с удовольствием ходил в детский сад. Наши дни потекли в привычном ритме. Каждое утро я будила мальчиков, одевалась и отвозила их в школу. Иногда меня сменял Бен, если его рабочий день начинался позже. Затем возвращалась домой, выпивала кофе на чердаке и вымучивала пару глав об убийствах в книге о Тесс.

Наконец-то все устроилось, но я знала, что все было бы еще лучше, если бы я полностью отдалась работе. В обед я забирала Стэна из сада, потом приезжала Маргарет, чтобы посидеть с мальчиками, а я возвращалась к работе.

Во второй половине дня, если за утро выполнялся план по количеству слов, я позволяла себе поразмышлять о Вайолет. Я перечитала кучу информации о прерафаэлитском братстве и мои догадки подтвердились: в то время женщины благородных семей не занимались живописью. В братстве было несколько женщин. В основном модели или продавщицы, которые позже стали художницами, как жена Данте Габриэля Россетти Элизабет Сиддал. Я не могла представить девушку из семьи, подобной Вайолет, которая бы вписалась в мир викторианского искусства, независимо от таланта.

Долгожданная встреча в архиве полиции была назначена, но лишь на следующую неделю, что заставило меня позлиться. Прия, вышедшая в декретный отпуск, была раздражительной и беспокойной. Мы бесконечно обсуждали с ней возможные сценарии. Вайолет убила Эдвина и напала на его жену? Неужели жена притворилась побитой, убила изменника и убежала с несчастной девушкой? Мы снова и снова перебирали разные варианты убийства.

Когда у Бена выпал редкий выходной в связи с отдыхом его команды, к нам приехали погостить отец и Барб. Я сильно волновалась перед их приездом, беспокоилась, что папе не понравится дом, что его прогнозы о нашем переезде подтвердятся. Но к моему огромному облегчению, все прошло хорошо.

Мы сидели в саду, наблюдая за игрой в футбол мальчиков и Бена.

— Бен очень счастлив здесь, правда? — заметила Барб.

Я улыбнулась.

— Очень! Он любит работу в клубе, свою многолетнюю мечту. Даже ненормированный

рабочий день его не беспокоит.

— Ну а ты? — Папа внимательно глядел на меня.

— Я очень счастлива. Мальчики хорошо устроились, у меня появилась подруга, да и другие мамочки в школе тоже довольно милые. Дом немного старомодный, но зато с историей и мне нравится расположение. Здесь легче и спокойнее, чем когда-либо за эти годы в Лондоне.

Папа протянул руку и сжал мою:

— Ты сделала правильный выбор.

Я выпрямилась.

— Да, сделала. Мы сделали.

— Прости, что был против.

Я похлопала его по руке.

— Ты тогда выразил словами все мои страхи. Я очень боялась рисковать, но...

Кивнула в сторону сыновей, пляжа и моря.

— Посмотри. Разве это может быть неправильным решением?

Папа кивнул.

— Горжусь тобой.

Смущенная, я склонила голову, и папа тихо рассмеялся.

— Как продвигается твое писательство?

Я нахмурилась.

— Нормально. Пытаюсь писать сразу две истории.

— Это разумно? Разве у тебя нет дедлайна для сдачи книги по контракту?

— Папа! — строгим тоном остановила я его.

Барб тут же подхватила мою интонацию:

— Джеймс!

Папа улыбнулся.

— Извини. Лишь беспокоюсь о тебе.

— Идем, посмотришь над чем я сейчас работаю.

Я привела его и Барб в кабинет. К середине белой доски был прикреплен автопортрет Вайолет, вокруг которого красовались каракули пометок.

— Это Вайолет Харгривз, — объяснила я. — Она жила в нашем доме около ста пятидесяти лет назад и внезапно пропала. Никто не знает, что с ней случилось.

Глаза Барб загорелись.

— И ты пытаешься выяснить?

Я кивнула.

— Моя новая подруга Прия — детектив. Она разузнала кое-что. На следующей неделе я еду в архив полиции в Льюисе, чтобы изучить отчеты о преступлениях того времени.

— Замечательно, — похвалил папа. — У тебя есть какие-нибудь теории?

— Несколько, — сказал я. — Она была художницей, но кто-то другой вписал свое имя в ее работы.

Вкратце я рассказала о картине в клубе в Лондоне и о подписи Эдвина Форреста, который был убит в ночь исчезновения Вайолет.

— Прия говорит, что это мотив убийства для Вайолет. И, конечно же, так и есть. Но ведь жену Форреста избили в ту же ночь, а по словам подруги такое нападение необычно для женщины.

— Необычно, — согласился отец. — Но случается.

— Предположим, Вайолет не убийца. Я почему-то чувствую, что она жертва.

— Но убит-то Форрест, — возразил папа.

— Действительно, — согласилась я. — А также пострадала его бедная жена. Может, Вайолет все-таки убийца?

— Ты получишь больше информации из архивов. Хотя интересно, велись ли подробные записи в те годы?

— Прия в этом не уверена. Полиция тех лет была в зачаточном состоянии, поэтому записей может и не быть. Подруга объяснила архивариусу, что мы хотим узнать, но им нужно время, чтобы найти информацию. Не все данные в компьютере. И бумаги старые, хрупкие, нужно быть осторожным.

— Ты напишешь об этом? — спросила Барб, глядя на кучу заметок, лежащих на столе. — Захватывающая история.

Я пожала плечами.

— Вероятно. Все время возвращаюсь к этой истории и поэтому не могу сосредоточиться на книге о Тесс. Но сейчас за неимением фактов работает лишь мое воображение.

— Что говорит твой агент?

— Я ей не сообщала, — наморщив лоб, призналась я. — Лишь отправила рукопись про Тесс.

— Думаю, ты должна сказать, — посоветовал папа. — Послушать ее мнение.

— Правда? — Я удивилась проявленному им интересу.

— Что ж, я заинтригован, — ответил отец. — Думаю, твои читатели тоже будут. А теперь посвяти меня во все, что известно от начала и до конца.

Глава 40

1855

Вайолет

Я рассматривала свою «Марианну», сидя на полу чердака. Рассматривала долго, изучая форму, цвета, мазки. Затем встала, собрала остальные картины, разложила их на полу, оценивая.

— Я — хороший художник, — твердо сказала сама себе.

Несмотря на слова Эдвина, у меня был талант и желание зарабатывать живописью. В конце концов, клуб хотел выставлять и другие работы. Хоть небольшое, но утешение. Возможно, Эдвин сказал что-то Раскину, отчего тому не понравились мои картины? Что-то из-за чего великий художник не сумел по-настоящему разглядеть мои работы? И Эдвин не упоминал о Милле, кому я в первую очередь горела желанием показать работы.

— Если бы мне удалось поехать с ним, — прошептала я, — я могла переговорить с Милле...

«Тогда, почему бы и нет? — спросил внутренний голос. — Поезжай и поговори с Милле».

Нет, глупая затея. Глупая и опасная. Я была в Лондоне с отцом много раз, но ни разу одна. Я вообще нигде не была одна. Даже в Брайтон меня всегда сопровождала одна из многочисленных гувернанток или отец.

«Ты же знаешь, как добираться, — продолжал внутренний голос. — На какой поезд сесть и где остановиться».

— Кто-нибудь обязательно остановит меня, — уже вслух возразила я. — Кто-нибудь

остановит и поинтересуется, что делает леди одна?

«А что, если не спросят?»

Я поднялась, чувствуя прилив энергии, и подошла к шкафу в углу чердака, где хранилась папка с газетными вырезками. Пролистала ее, пока не нашла то, что нужно. В прошлом месяце журнал Illustrated London News опубликовал статью о прерафаэлитах, написанную другом общества. В ней автор упомянул места, где собирались художники, чтобы насладиться дискуссиями об искусстве в современном мире. Я провела пальцем по статье и нашла название паба «Таверна Белый ястреб» в Блумсбери. Эта часть города не была мне знакома, но с помощью извозчика легко найти...

Деньги. Мне нужны деньги. У меня, конечно, их не было, но я знала, где они хранятся. Забавно, как хрупкая идея внезапно обрела реальные формы.

Я аккуратно свернула «Марианну», пару эскизов и связала их шнуром. Затем поспешила вниз в спальню и упаковала маленькую дорожную сумку. Было почти одиннадцать часов, и я знала, что поезд в Лондон отходит в половине первого. Надо торопиться. Я метнулась в столовую, сняла зеркало над камином. За ним находился сейф. Не раздумывая, набрала код — цифры моего дня рождения — и открыла тяжелую дверцу. Внутри хранились мамины драгоценности, документы, кошелек с монетами и несколько пачек денежных купюр.

«Теперь я не только лгунья, но и воришка». Взяла мелочь и пачку денег. Засунула их в боковой карман дорожной сумки. Захлопнула дверцу сейфа и пошла на поиски Филипса.

— Срочно отвези меня в Брайтон, — приказала я ему. — Моя старая гувернантка заболела, я нужна ей.

Еще одна ложь.

Филипс, который собирал морковь в саду, поднял брови.

— Телеграмма, — с отчаянием проговорила я. — Я получила телеграмму.

Филипс выпрямился.

— У вас неприятности, Вайолет? — Он посмотрел прямо в глаза. — Вам нужна помощь?

Я схватила его за выпачканную землей руку.

— Нет. У меня все хорошо. Не хочу рассказывать о своих планах, чтобы уберечь тебя от неприятностей. Лучше, если ты не будешь знать.

Филипс долго смотрел на меня. Мне стало неловко, и я поежилась, переступая с ноги на ногу.

— Пожалуйста, — повторила я.

— Брайтон?

Я кивнула.

— Да, только Брайтон. Там недалеко.

Еще одна ложь.

— Отлично. Идите к центральным воротам. Через пять минут буду.

От облегчения я чуть не свалилась с ног. Если мы выедем через пять минут, то я без труда успею на поезд. И успела! Попросила Филипса высадить на дороге возле вокзала, сказав, что там живет гувернантка. В этот раз не врала, в том месте на самом деле та когда-то жила. А жила ли женщина там по-прежнему — другой вопрос. Но все-таки я не врала, за что похвалила себя.

— Я приеду за вами, — сказал Филипс, когда я выходила из экипажа.

— Не нужно. Мисс Мэйсон устроит меня на ночь и позаботится, чтобы я вернулась

домой завтра.

Филипс явно хотел поспорить, но лошади забеспокоились, и ему пришлось кивнуть и уехать.

Я дождалась, пока парень скроется за поворотом в конце улицы, приподняла юбки, взяла сумку и пустилась бежать к станции. Внутри было темно и дымно. Много раз бывая здесь с отцом, я знала, что делать. Поэтому сразу подошла к кассе.

— Билет в оба конца до Лондона. Первый класс, пожалуйста, — произнесла уверенным голосом.

Закусила губу, ожидая вопросов: почему леди одна, куда она едет и для чего?

Но клерк без лишних слов протянул мне билет и взял деньги. Он даже не смотрел на меня.

— Спасибо.

— Вторая платформа. Вам лучше поторопиться.

Повинуясь, я понеслась к платформе первого класса. Проводник помог мне подняться по ступенькам и поднял мою маленькую сумку.

— Пожалуйста, мисс.

Я улыбнулась ему с таким видом, будто каждый день езжу в Лондон одна.

— Большое спасибо.

В купе было тихо, и я, к своей радости, была одна. Не успела устроиться, как поезд дрогнул и выехал со станции.

Трясаясь от движения вагона и разглядывая проплывающие виды за окном, я все еще чувствовала неуверенность. Сердце подсказывало, что поступаю правильно. Желание стать художницей было настолько велико, что я больше не могла его игнорировать, сидя дома. И если Эдвин не может помочь, я помогу себе сама.

Глава 41

Станция «Лондонский мост» была переполнена. С новым всплеском решительности я, взяв багаж, уверенно прошла сквозь толпу людей. И только когда вышла в город, меня охватила паника. На минутку я остановилась: смогу ли успеть на обратный поезд в Брайтон?

Взрыв смеха поблизости заставил оглянуться. Две молодые женщины прошли мимо, держась за руки. В модных юбках, какие носила Фрэнсис, с аккуратно зачесанными назад волосами. Несмотря на строгую внешность, девушки громко смеялись над какой-то шуткой. Одна из них склонилась вперед, держась за живот.

— Перестань меня смешить! Я сейчас лопну со смеху.

Подруга ответила с серьезным видом:

— Да ни за что!

На секунду они замолчали, а потом вновь расхохотались. Я смотрела им вслед. Мои ровесницы, а жизнь у них иная. Счастливые, модные, уверенные в себе, свободно гуляющие по улицам столицы. Мне захотелось броситься на мостовую, бить кулаками землю, орать от вопиющей несправедливости. И тут я увидела бродягу, сидящего у стены.

— Я очень счастливая, — прошептала я, — есть деньги в сумочке, шляпка на голове, еда в животе.

Взяв себя в руки, пощупала надежно спрятанные в сумке картины. «А еще у меня талант».

Почувствовав себя более уверенно, я зашагала прочь, решив держаться западного берега реки пока не увижу Вестминстерский мост.

Стоял теплый день. Солнечные лучи пробивались сквозь завесу дыма на станции. Спина взмокла от пота, ноги заболели от ударов дорожной сумки. Вскоре я пересекла Вестминстерский мост и оказалась в более знакомой для меня части города.

Гостиница «Финтон», в которой я останавливалась с отцом, располагалась недалеко от Пикадилли, где находилась Королевская академия. Я надеялась, что смогу остановиться там одна, без сопровождения. Он был известен как семейный отель. В нем были комнаты только для женщин. Поэтому я шла достаточно уверенно, но все-таки неизвестность пугала и заставляла нервничать.

Убыстряя шаги в сторону Регент-стрит, я, наконец, очутилась у входа в отель. Не давая себе времени на размышления, чтобы не передумать, поднялась по лестнице и толкнула дверь. И тут же узнала человека за столиком в холле, потому что видела его много раз, приезжая в гостиницу с отцом. Он улыбнулся мне.

— Мисс Харгривз. Мы вас не ждали.

Я задержала дыхание, удивляясь тому, с какой легкостью вру.

— Рада вас видеть. Полагаю, вы получили телеграмму моего отца?

Мужчина виновато посмотрел на меня.

— Я не в курсе...

Я тяжело вздохнула.

— Этого я и боялась. Папа задерживается в Манчестере, а мне надо кое-что ему передать. Он должен был отправить телеграмму и зарезервировать мне комнату, но явно забыл. Вы знаете, он такой рассеянный.

Ничем подобным отец никогда не страдал. Я открыто и смело смотрела в доброе лицо знакомого, пресекая любые попытки оспорить мои слова.

— Ну, конечно, мисс.

Насколько я помню, его звали Роберт. Он пролистал большую, в кожаной обложке книгу гостей и улыбнулся:

— У нас имеется свободная комната на женском этаже, хотя и не такая большая, как вы привыкли.

Я небрежно махнула рукой.

— Неважно. Все равно этим вечером я занята.

Роберт поднял брови, но не осмелился задавать вопросы.

Я поставила подпись в регистрационной книге, попросила его списать расходы на счет отца и пошла вслед за носильщиком. Ноги дрожали так сильно, что сомневалась, доберусь ли до верхней ступеньки лестницы.

Как только носильщик занес сумку и вышел из комнаты, я заперла за ним дверь и начала раздеваться, мечтая как можно быстрее смыть с себя дорожную грязь и пот. Налила воды в чашу и принялась протирать себя губкой. Потом, все еще в нижнем белье, упала на кровать. Сердце мое колотилось. Получилось! Я сумела! Осталось найти Милле и убедить, что я достойна его внимания.

В возбуждении я заколотила ногами по стеганому покрывалу. Затем села и притянула сумку к себе, осторожно извлекая из нее мои свернутые в рулон работы, а также папку с вырезками из газет. Я понимала: может оказаться, что прерафаэлитов не будет в пабах, указанных в газетах. Определенно не окажется мистера Раскина, он не из тех, кто ходит в подобные места. (Я решительно отбросила мысли о том, что женщины моего положения тоже такие места не посещают). Но это единственный шанс. И нужно воспользоваться им.

Я нарядилась в любимое платье, сшитое у деревенской портнихи: белое с рисунком тонких веточек из голубых цветов, высокой стойкой и рукавами-буфами. Приталенное, со свободной юбкой: кринолины, в которых мучились некоторые женщины, например, Фрэнсис не были у меня в почете. Я распустила и расчесала волосы, оставила их свободно струиться по плечам. Натянула шляпку, взяла перчатки и картины. Я была готова.

Роберт все еще сидел за столиком, когда я спустилась в холл.

— Мисс Харгривз. Могу вам чем-то помочь?

— У меня назначена встреча в Блумсбери, — осторожно ответила я. — Не могли бы вы поймать мне экипаж?

— Конечно, мисс.

Как все просто! И почему я никогда раньше этого не делала?

Роберт вышел на улицу. Я ждала в холле, крепко сжимая перчатки. Вскоре в двери показалась его голова: экипаж ожидал меня.

Я улыбнулась.

— Большое спасибо.

Молодой человек приподнял шляпу, пока я усаживалась.

Лошади направились в сторону Пикадилли.

— Куда именно в Блумсбери вы направляетесь? — поинтересовался извозчик.

— Навестить друга на улицу Джайлз. Номер три.

Это не ложь. Таверна «Белый ястреб» действительно располагалась на улице Джайлз.

И потом все улицы имеют дом номер три, не так ли?

Извозчик не ответил, погоняя лошадь. Я откинулась на сиденье, рассматривая Лондон и пытаюсь сдержать растущее возбуждение.

— Вот мы и приехали, мисс.

Я вышла менее изящно, чем хотелось, и отдала немного денег. К моему облегчению, экипаж тут же отъехал.

Я осмотрелась. Действительно: напротив дом номер три, улица Джайлз. Но чуть подальше я увидела вывеску таверны «Белый Ястреб».

Вечерело. Было больше семи, но еще довольно светло и тепло. Глубоко вздохнув, я зажала картины подмышкой, без колебаний подошла к таверне и толкнула дверь.

Глава 42

Я никогда не посещала пабы, но в деревне сотни раз проходила мимо постоянного двора «Альбион» и знала, какого рода гости туда ходят: ни отец, ни Эдвин, лишь рабочие, да фермеры. Например, Филипс по выходным любил заглянуть, пока не попал в драку. С тех пор он избегал подобных заведений.

Таверна «Белый ястреб» к моей радости была приличнее, более высокого класса. Клиенты — хорошо одетые мужчины, по крайней мере, в главном зале. Я слышала крики, доносившиеся с заднего двора, позади барной стойки. Видимо, не все так хорошо, как казалось на первый взгляд.

Интерьер таверны состоял полностью из дерева. Красивая барная стойка из темного красного дерева украшена блестящей латунной фурнитурой, а пол выложен черной и белой плиткой. Вокруг громоздились деревянные стулья и столы, а стены были облицованы тем же деревом. Приятно пахло незнакомыми запахами пчелиного воска, сигарного дыма и солода.

Однако в ту минуту как я переступила порог, несмотря на располагающий декор и неожиданно благородных гостей, стало понятно: мое появление здесь не к месту.

Моя одежда не отличалась от платьев немногих присутствующих здесь женщин, хотя их декольте были глубже, чем у меня. Барменша, проходящая мимо с двумя кружками пива, подошла ко мне.

— Потерялась? — Ее голос звучал насмешливо.

— Нет, — вежливо ответила я. — Я именно там, где и должна быть.

Женщина поставила кружки на ближайший столик, где двое мужчин в жилетах сгорбились над картами. Они проигнорировали ее, и она вздохнула.

— Значит, кого-нибудь ищешь. И даже знаю, кого.

Я поправила картины подмышкой и посмотрела на нее.

— Кого же?

— Симпатичная девушка, как ты? Рыжеволосая? С рисунками? — Она кивнула на мой сверток в руках.

Я прикусила губу, чувствуя себя глупой школьницей.

— Он там. — Женщина указала в угол зала. — Его обычное место.

— Кто? — Я боялась посмотреть в ту сторону, надеясь услышать «Милле».

— Кто, кто, — рассмеялась женщина. Она с сочувствием посмотрела на меня. — Габриэль! Не жди от него многого. Он красноречив, если захочет, но сердце его занято Лиззи.

Я улыбнулась, и дрожь пробежала по телу. Данте Габриэль Россетти! Здесь! В этой самой комнате! И даже если Милле нет, его друг скажет, как мне найти последнего.

— Спасибо за совет. Мое сердце принадлежит другому.

Женщина фыркнула и пропустила меня. Я, пытаюсь выглядеть уверенно, словно каждый день прихожу сюда, подошла к столу, за которым теснились молодые люди и несколько женщин. Оглядела присутствующих, выискивая на всякий случай Милле, которого хорошо знала по затертой фотографии. Однако его не было.

Габриэль, человек в бархатной куртке, на которого указала барменша, сидел ко мне спиной, яростно споря о деньгах с собеседником.

— Неправильно отдавать его за пять фунтов.

— Тебе-то хорошо говорить, Габриэль, а у меня нет пяти фунтов...

Я покашляла:

— Простите.

Никто не обратил внимания.

— Простите, — громче повторила я. — Мистер Россетти.

Сосед Габриэля толкнул художника.

— Габриэль! Габриэль!

Мужчина замолчал и развернулся ко мне. Его правая рука гладила внутреннюю поверхность бедра женщины, сидевшей рядом. Она старательно делала вид, что не замечает художника и вела разговор с другой девушкой. Но я видела, как высоко вздымалась ее грудь каждый раз при ласках его рук.

Оторвав глаза от его пальцев на бедре женщины, и заливаясь краской от смущения, я встретила его взгляд.

— Сэр, не могли бы вы подсказать местонахождение мистера Милле?

Габриэль улыбнулся. Его глаза слегка косили, и, хотя у меня было мало опыта в таких делах, было похоже, что он пьян.

— Милле? — задумчиво повторил он. — Милле...

Я терпеливо ждала.

— Возможно, да. А с чего бы я должен тебе говорить?

Женщины захихикали. Я сгорала от смущения.

— Желаю показать ему несколько картин.

С ненавистью к себе я отметила, как дрожит голос.

— Твоих?

Я закусила губу, не желая признаваться, что работы мои, но, в конце концов, кивнула.

Взгляд художника пробежался по мне.

— Покажи.

Он был очень красив, но я испугалась блестящих глаз и резкого тона.

— Лучше покажу мистеру Милле, сэр, — смело возразила я. — Вы знаете, где он?

— Понятия не имею.

— Ах ты, свинья!

Я обернулась. Милле собственной персоной, стоял позади меня и спокойно смотрел на Габриэля.

— Неудивительно, что ты всех раздражаешь, — сказал он Габриэлю. — Грубиян.

Габриэль откинулся на скамейку, оскалившись почти по-звериному.

— Все любят меня, — надменно и уверенно произнес он. — Неважно, насколько я груб, все все равно любят меня.

— Однажды, Габриэль, удача отвернется от тебя.

В первый раз за время разговора взгляд мастера остановился на мне. Я снова залилась краской, ругая свою бледную кожу.

— Вы кто?

— Художница, — со смехом ответил Габриэль. — Желает показать тебе свои картинки.

«Художница» и «картинки» в его устах прозвучали, как оскорбление. Я вздрогнула.

— Хочет показать великому, замечательному, знаменитому Джону Эверетту Милле, как красиво научилась рисовать.

Я опустила глаза: совсем не так я представляла знакомство.

Габриэль заговорил высоким противным голосом:

— О, мистер Милле, позвольте показать, на что я способна. — Он на себе изобразил воображаемую женскую грудь и повернул ее к Милле. — Позвольте мне показать, на что я готова в обмен на ваш ооочень уууумный совет.

— Габриэль, прекрати! — одернул его светловолосый кудрявый мужчина на другом конце стола. Возможно, Уильям Холман Хант, другой член «Братства», с которым я тоже была бы рада познакомиться, но не сейчас, когда все уже было разрушено. Мне стало все равно.

— Вы художник? — спросил Милле.

Я заторможено кивнула.

— Можно взглянуть?

Мужчина мягко вытянул из моих рук свернутые в рулон картины. Внезапно меня охватила паника. Уверенность, и без того дышащая на ладан, разом покинула. Я поняла, поняла абсолютно точно, что не смогу наблюдать за тем, как Милле оценивающе разглядывает мои работы. Всучив ему картины, я развернулась и бросилась прочь из таверны.

Я не знала куда идти. Чувствуя злость, стыд, пустоту, шла по улице, отчаянно ругая себя за то, что мне в голову пришла безрассудная идея приехать в Лондон. Я хотела вернуться в отель, а на следующее утро первым же поездом вернуться в Сассекс. И остаться там навсегда.

Дойдя до угла улицы и не зная куда повернуть, я остановилась, чтобы перевести дух. Опускались сумерки. Скоро зажгутся фонари. Я смотрела перед собой в надежде увидеть знакомые здания, чтобы понять в какую сторону пойти.

Окрик позади заставил меня вздрогнуть.

— Мисс!

Живот скрутило от страха. Как же глупо с моей стороны было приехать в незнакомый, безлюдный район, да еще поздно вечером! Я поспешила прочь, но голос следовал за мной.

— Мисс, подождите! Я лишь хочу поговорить о ваших картинах.

Картинах? Я остановилась и повернулась. В темноте разглядела Милле.

— Вы торопитесь?

Я пожалала плечами, не смея смотреть на него, боясь услышать насмешки.

— Не желаете кофе? — Он качнул головой в сторону освещенных окон кофейни. — Пожалуйста?

Я кивнула.

Мы устроились за столиком. Я стянула перчатки, капот и встряхнула волосами, стараясь выглядеть так, словно частенько пью кофе со знаменитыми художниками. Но видя, как Милле непринужденно перебрасывается шутками с официанткой, заказывая мне кофе и пирожное, почувствовала себя молодой и неопытной.

— Простите меня, — сказал Милле, когда официантка исчезла за дверями кухни. — Я даже не знаю, как вас зовут.

— Вайолет. Вайолет Харгривз.

Мужчина вежливо кивнул.

— Приятно познакомиться. Я — Джон.

— Знаю, — улыбнулась я.

Джон положил на стол мои свернутые в рулон картины и провел по ним длинными пальцами.

— Мне понравились картины. Надеюсь, ваши?

Невероятно! Меня бросило в дрожь. Неужели он похвалил мои работы?

— Так и есть. Кроме Марианны. Она ваша.

— Но в вашем стиле.

Улыбаясь, я теребила салфетку на столе, стараясь подобрать слова, чтобы объяснить связь с героиней «Марианны».

— Я тоже долго жду.

Джон понимающе кивнул.

— Я знаю все об ожидании. — Его взгляд унесся куда-то далеко. — Как и моя жена.

Он замолчал, потом собрался с мыслями.

— Почему вы пришли ко мне?

Задумавшись о его жене, я вспомнила, что читала кое-что о его супружестве, но деталей не помнила.

— Так зачем вы пришли ко мне? — повторил он.

— Потому что хочу стать художницей, — просто ответила я. — И мой друг Эдвин

сказал, что вы или мистер Раскин можете помочь.

Джон удивился.

— Эдвин?

— Ваш друг — Эдвин Форрест.

Я рассказала ему о встрече с Эдвином на пляже, о его связях с миром искусства, о дружбе с мистером Раскиным. Упомянула о его поездке в Лондон, откуда тот вернулся с удручающими отзывами от мистера Раскина. Но поскольку Эдвин не успел встретиться с ним, я решила приехать сама. Конечно же, я опустила подробности наших с Эдвином отношений.

— Эдвин Форрест? — повторил Джон.

Его брови сдвинулись.

— Форрест? — Он сделал глоток кофе. — Высокий парень? Блондин? Самодовольный тип?

Я улыбнулась точной и лаконичной характеристике.

— Да.

Джон кивнул.

— Видел его лишь однажды. На каком-то мероприятии в Академии. А Раскин в Венеции, так что сомневаюсь, что ваш друг мог его видеть, хотя сейчас мы говорим о...

И тут я вспомнила: невеста Джона — Эффи Раскин, много лет была в браке с критиком, а потом развелась. Неудивительно, что Милле выглядел изможденным — его роман обсуждал весь Лондон, а Эффи вытерпела всевозможные унижительные вмешательства в личную жизнь перед тем, как разрешили развод.

— Ваш друг наплел небылиц.

Я покачала головой.

— Нет, только не Эдвин. Он рассказал, что видел Раскина, но тот не сможет стать моим покровителем, потому что потратил много денег на Лиззи Сиддал.

Джон без стеснения расхохотался.

— Ну, отчасти это правда. Возможно, ваш Эдвин все-таки побывал в Венеции.

— Или, возможно, вы ошибаетесь, и мистер Раскин сейчас в Лондоне, — сказала я, хорошо помня, что Эдвин вернулся всего три дня назад.

Джон пожал плечами.

— Так вы хотите, чтобы я стал вашим покровителем? — произнес художник, переходя к делу.

Я покраснела.

— Я думала, что если увидите мою работу, то захотите помочь. Поддержать, научить...

Джон пытливо изучал мое лицо. Я в смущении опустила глаза.

— Вы уверены в своем таланте и мне это нравится. Художник должен быть уверен.

— Мой отец хочет выдать меня замуж. Тогда моя уверенность будет ни к чему.

Мы замолчали. Я внутренне сжалась, понимая, что последующие слова Милле изменят всю мою жизнь.

— Если бы вы пришли ко мне в прошлом году, или пару лет назад, то я смог бы помочь. — Казалось, ему искренне жаль.

— Я мог бы научить и познакомить вас с Раскиным. Но теперь...

— Теперь... — Мой голос задрожал.

— Теперь у меня нет свободных денег, чтобы помочь вам, и нет общих интересов с

Раскиным. Да и репутация моя, мягко говоря, неустойчива. Я не могу вам помочь.

Я прикрыла глаза, заставив себя улыбнуться.

— Возможно, мистер Холман Хант?

Джон покачал головой.

— Хант скоро снова отправится на Святую Землю. Возможно, надолго.

— Мистер Россетти?

Я не могла представить работу с Россетти, но не в моей ситуации быть разборчивой.

Джон снова покачал головой.

— Любыми деньгами, что у него появляются, он оплачивает долги и поддерживает Лиззи. — Рот Джона слегка скривился.

— Лиззи, — повторила я с отвращением.

Мое сердце заныло от откровенной зависти к женщине, которая каким-то образом обрела жизнь, о которой мечтала я.

Джон дотронулся до моей руки.

— У Лиззи беспорядочная жизнь. Здесь нечему завидовать.

Мне стало стыдно. Я взяла вещи, накинула капот на голову.

— Я должна идти. Спасибо, что уделили время.

Джон еще раз прикоснулся к моей руке.

— Будем держать связь.

Он вытащил карандаш из кармана пиджака и написал адрес на обратной стороне одного из моих набросков.

— Присылайте мне рисунки и пишите о своих работах. И, может быть, через год или два все изменится.

— Правда?

В мгновение ока отчаяние сменилось радостью.

— Правда. Ждите, как Марианна.

— Ее ожидания были напрасными.

Джон улыбнулся.

— Всеу свое время.

Глава 44

Наши дни

Элла

— Все, что вас интересует — здесь, — сказала архивариус, вручив мне пару хлопчатобумажных перчаток, одновременно надевая свои.

Это была молодая и симпатичная девушка, с ярко-рыжими волосами и пирсингом в носу. Большие пальцы ее рук были унизаны широкими кольцами. Она разрушила мои представления о полицейских. Я улыбнулась.

— Спасибо, что нашли все это, Лейни.

Мы сидели за большим столом в новом прохладном здании архива в Льюисе. Перед нами возвышалась массивная коробка с книгами и папками. Даже я, привыкшая к большому объему информации, оробела. Но энтузиазм девушки радовал. Прия из-за болезни дочери вынуждена была отказаться от идеи присоединиться к нам.

Лейни вытащила из коробки кожаную книгу и открыла ее на заложенной странице.

— Моя работа. Обожаю такие вещи. — Глаза девушки горели. — Теперь, давайте смотреть.

Она провела пальцем по написанным от руки цифрам.

— Даже в те годы полиция вела безупречную работу.

Я прищурилась, но ни черта не поняла.

— Каждому преступлению присуждался номер, — пояснила Лейни. — А рядом имя полицейского, который вел следствие. По вашему делу — это инспектор Крофт. Вы привыкнете и сможете читать его записи.

Она указала на узкие строчки.

— Тип преступления, имена жертв. Это ваши.

Я придвинула книгу.

— Убийство, — вслух прочитала я. — Покушение на убийство. И, э... что это в конце?

— Пропал без вести.

— И имена. — Я внимательно читала крошечные буквы. — Эдвин Форрест, Фрэнсис Форрест, Уильям Филипс, Вайолет Харгривз.

Волосы на голове зашевелились. Вот оно!

— Это они? Или есть кто-то еще? — поинтересовалась девушка.

— О, да.

Лейни встала и, напрягая свои тонкие, но мускулистые руки, вытащила из коробки следующую книгу с заложенными страницами. Она хорошо подготовилась к моему приходу, дай Бог ей здоровья. Архивариус обеими руками перевернула тяжелые листы.

— Отчет о преступлениях, — торжественно объявила она. — Все, что известно по этому делу, здесь!

Не верилось! Я прошла по списку имен и мысленно помолилась за давно усопшего инспектора Крофта, который так подробно все записал.

— Оставлю вас, — сказала Лейни. — Позовете, если буду нужна.

Не успела я спросить, где можно выпить чашку чая, как девушка строго посмотрела на меня.

— Здесь очень ценные книги, поэтому принимать пищу запрещено.

Я послушно кивнула и обратилась к книгам, борясь с искушением читать, а не аккуратно записывать все детали преступления. Переписав информацию в блокнот, я обратилась к показаниям свидетелей. Они разочаровали меня, если не сказать больше. Домработница Агнес Хобб ничего не видела, ничего не слышала, ничего не знала. Фрэнсис ограничилась объяснением, что она, ее муж и Вайолет разговаривали перед их домом, когда кто-то вдруг напал на них сзади. Она упала без сознания и больше ничего не помнит. Садовник семьи Харгривз Уильям Филипс умер, по словам инспектора Крофта, через три дня после нападения.

Я откинулась на спинку стула, чувствуя беспричинную печаль из-за неизвестного садовника. И, конечно, из-за Эдвина и Фрэнсис, которые стали жертвами жестокого нападения. Но где Вайолет? Я пролистала отчеты, выискивая информацию о других жертвах, но ничего не нашла.

— Было бы здорово провести посмертное вскрытие, — пробормотала я, забыв о бюрократии современной полиции.

— Есть отчет врача, — раздался голос Лейни позади меня. Я не заметила, как она подошла. От нее пахло палочками благовоний, что навевало воспоминания о студенческих временах. Девушка пролистала страницы.

— Вот. — Она открыла нужную страницу и пододвинула книгу.

— И вот еще, думаю, будет тоже интересно.

Лейни протянула бумагу.

— Это наш пароль для архива газет, — объяснила она. — Возможно, найдете полезную информацию в газетах того времени.

— Замечательно, — поблагодарила я. — Пойду выпью чашку чая. В столовой, — добавила я, увидев ее неодобрительное лицо. — Скоро вернусь.

Вторую половину дня я провела в архиве. Прочитала отчет врача об Эдвине Форресте и Уильяме Филипсе: Эдвин умер от удара по голове у лестницы. Его жена, Фрэнсис, была обнаружена в верхней части лестницы. Поэтому доктор пришел к выводу, что пара бежала от нападавшего. Муж пытался оградить жену и сам стал жертвой. Уильям Филипс был найден без сознания возле дома и умер, по заключению врача, от кровотечения в мозгу.

«Синяки вокруг рта, — читала я, — предполагают жестокое нападение, сильный удар по голове. Из-за чего потерпевший потерял сознание. Его мозг, без сомнения, продолжал опухать, пока не умер». Но о Вайолет не было ни строчки. Я решила заглянуть в газетный архив.

— Значит, исчезла бесследно? — поинтересовался дома муж, раскладывая распечатанные листы на столе.

— Нашли только ее шляпу. На пляже. Посчитали, что она утонула. Ничего больше.

Я взяла один лист, который распечатала Лейни и передала Бену.

— В газете об этом большая статья. Вот, смотри: просят местное население сообщить о ее появлении.

— «Женщина из Сассекса пропала после нападения», — прочитал муж.

— А вот заголовок неделей позже: «Женщину из Сассекса до сих пор не нашли».

Бен уже пробежал глазами следующий лист.

— Ах, так ее отец был в отъезде, когда это случилось. Смотри, здесь написано, он вернулся и организовал поисковые отряды. Какая трагедия!

— Трагедия, — согласилась я и передернула плечами. — Трудно представить, как он искал своего ребенка и не нашел.

— Как долго велись поиски? — спросил Бен.

— Наверное, месяцы и даже годы. Но позже мистер Харгривз переехал в Брайтон и вел поиски оттуда. Я где-то читала, что как только он вернулся и обнаружил, что дочь пропала, то закрыл дом.

Я представила одинокого отца Вайолет, в этом большом семейном доме, где когда-то жили и смеялись жена и дочь, эхом отдающиеся в пустых комнатах. И мне стало жаль мужчину. Наверное, он правильно поступил, уехав отсюда.

— А что с Фрэнсис? — внезапно спросил Бен. — Она — единственная, кто выжил. Она что-нибудь знала?

Я покачала головой.

— Ничего.

Я показала мужу записи свидетельских показаний Фрэнсис.

— Даже раздражает, — сказал Бен.

Он подошел к холодильнику и показал на бутылку вина:

— Еще?

Я кивнула. Замечание мужа по поводу Фрэнсис заставило меня задуматься. Я открыла отчет доктора.

— Ага, — воскликнула я. — Фрэнсис была беременна!

Бен оживился, наполнил бокалы и сел рядом.

— Беременна? Так что же случилось? Она вернулась, чтобы родить?

Я пожала плечами.

— Там не написано. Но...

— Если у нее был ребенок, то, возможно, найдутся родственники, — закончил Бен мою мысль. — Которых можно найти.

— Точно.

Я улыбнулась.

— Позвоню Барб. Она работает в отделе завещаний. Там всегда можно отследить людей.

Мы чокнулись бокалами.

— Что-нибудь нащупаем, — приободрил меня муж.

***

— Тебе нужна не я, — объясняла Барб по телефону на следующий день.

— У тебя есть коллеги, которые могли бы помочь?

В трубке раздался смех.

— Нет, дорогая. Позвони отцу. На этом этапе он сможет помочь. Как только ты выяснишь, есть ли у этой Фрэнсис живые родственники, я обязательно найду их.

Я пришла в замешательство.

— Папа?

— Он составляет родословную, не так ли? А значит, обожает все эти: «как вы думаете кто вы?»

— Правда?

— Да и довольно много выяснил. Позвони, он тебе все расскажет.

Я смутно вспомнила, как отец распространялся по поводу Первой мировой войны, но тогда мне было неинтересно. Стало стыдно.

— Я позвоню.

— Пожалуйста, милая. Он с радостью поможет.

Я набрала папин номер. Его радостный голос вызвал улыбку. Я поделилась всем, что узнала в архиве. Отец задал много вопросов.

— Забавно. Не верится, как в прошлом могли происходить такие ужасные преступления. Так чем помочь?

— Женщина из соседнего дома — Фрэнсис, была замужем за Эдвином, парнем, которого убили. Фрэнсис же только ранили, но не убили. Она ждала ребенка на тот момент.

— О, потрясающе. Семья. Неудивительно, что ты заинтригована. Подожди-ка, я запишу.

Я слышала, как отец положил трубку, зашуршал бумагами на столе и вернулся ко мне.

— Расскажи все, что знаешь про Фрэнсис.

Глава 45

1855

Вайолет

На следующий день, воодушевленная завязавшейся дружбой с Джоном («Джону Эверетту Милле нравятся мои работы», — твердила я. — Мои работы!), крепким сном и сытным завтраком, я покинула отель, намереваясь направиться прямо к Лондонскому мосту и к поезду в Сассекс.

Зная, что легко поймаю экипаж на Пикадилли Серкус, я вышла на улицу Джермин и остановилась. Здесь находился клуб Эдвина. Клуб, где по его словам, выставлены мои картины.

«Он солгал о том, что знаком с Джоном, — ворчал внутренний голос. — Наврал о встрече с Раскиным...»

Но опять же, вранье не было абсолютным, ведь так? Джон знал Эдвина, правда поверхностно, и даже Милле согласился признать, что возможно Эдвин разговаривал с Раскиным. Я не знала, кому и во что верить.

«Так иди и посмотри, — бурчал голос. — Иди и посмотри, там ли твои картины.

Я постояла на перекрестке еще минуту, раздумывая кому верить: внутреннему голосу или Эдвину. Затем медленно пошла прочь от Пикадилли Серкус вниз по улице Джермин.

Без особых проблем я нашла высокое, светлое здание с двумя каменными колоннами. Не раздумывая, поднялась по лестнице и толкнула тяжелую парадную дверь.

В холле за широким деревянным столом сидел мужчина и что-то писал в гроссбухе. Когда я вошла, он поднял голову.

— Мисс?

Его тон подвергал сомнению само мое присутствие в этом мужском храме.

Я скинула капот с напускной уверенностью.

— Добрый день. Меня зовут Вайолет Харгривз. Я дочь Маркуса Харгривза.

Мужчина промолчал, но в его глазах промелькнул блеск смутного припоминания имени отца.

— Мы с папой близкие друзья Эдвина Форреста, который, полагаю, является членом клуба.

На этот раз на его лице читалось полное и абсолютное признание, но он все еще хранил молчание.

— Мистер Форрест не так давно отдал в дар клубу некоторые картины. — Я слегка улыбнулась. — Прекрасные картины.

Мужчина кивнул.

Воодушевленная, я продолжила:

— Интересно, могу ли я их увидеть?

— Вы?

— Да.

— Нет.

Я вспомнила, как отец реагировал, если кто-то в чем-то отказывал ему, и вперила в мужчину стальной взгляд.

— Нет?

— Нет.

Он снова взял ручку и вернулся к записям в книге, что разозлило меня.

— Боюсь, вы неправильно поняли, — произнесла я медленно и четко, как будто разговаривала с ребенком. — Мой друг Эдвин Форрест на днях подарил несколько картин этому клубу. Эти работы особенно дороги мне, потому что написаны...

— Одну картину, — раздался голос позади меня.

Я развернулась и увидела пожилого джентльмена с белыми пушистыми бакенбардами.

— Ну, изначально было две картины. Но вторая уже упакована, — он вытащил карманные часы и взглянул на них, — и на пути в Манчестер.

Я удивленно заморгала.

— Лоуренс Коул. — Джентльмен протянул руку — Знарок искусства.

— Знарок?

— И неплохой. Не обращайтесь внимания на мистера Трэвора. Некоторые члены клуба странно относятся к присутствию женщин в этом месте. Он просто заботится об их интересах.

Я фыркнула.

— Не обязательно быть грубым, заботясь об этом.

Мистер Лоуренс хохотнул.

— Да у вас характер, мисс...

— Харгривз. Вайолет Харгривз.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Родственница Маркуса?

Я на секунду замялась, боясь, что папа узнает о моей поездке, но уверенно кивнула.

— Мой отец.

Джентльмен улыбнулся.

— Чудесно! Замечательно! Маркус Харгривз — большой человек.

Я улыбнулась, желая быстрее перейти к делу.

— А Эдвин? — поинтересовался мистер Коул. — Откуда вы знаете Эдвина?

От простого упоминания имени я залилась краской.

— Он наш сосед в Сассексе. И друг семьи.

— Еще один достойный человек, — сказал Лоуренс. — И такой талантливый.

— Действительно, — согласилась я, хотя профессиональные успехи Эдвина, как адвоката, меня никогда не интересовали.

— Его картины поразительны, — продолжил Лоуренс. — Незрелые, конечно, но многообещающие.

Его картины? Не понимая, я уставилась на Лоуренса. Эдвин не упоминал о своих работах и мне ни разу их не показывал.

— Хотите взглянуть?

Джентльмен посмотрел на мистера Трэвора, который все также что-то записывал в бухгалтерской книге.

— Без паники! Я сопровожу мисс Харгривз в зал заседаний. Мы вернемся через пятнадцать минут.

Тот даже не взглянул на нас.

— Если через тридцать минут вы не вернетесь, придется пойти за вами.

— Прекрасно. — Лоуренс скорчил гримасу, и я не смогла сдержать улыбки. — Пойдемте, мисс Харгривз. Посмотрим на картину Эдвина.

Мистер Коул предложил мне руку, и мы вместе поднялись по широкой лестнице на второй этаж клуба, затем прошли в длинный зал с большим столом. На другом конце комнаты на стене висел «Король Кнуд».

Я задохнулась в шоке.

— Но...

Моя картина! Моя! Почему джентльмен думает, что ее нарисовал Эдвин?

— Чудесно, не правда ли? — сказал Лоуренс. — Эдвин очень скромный. Он сказал мне, что подписал картину лишь в поезде по дороге в Лондон.

— В поезде... — тихо повторила я.

Мысли лихорадочно скакали. Я подошла ближе и прочитала подпись Эдвина внизу холста.

— Не понимаю.

Опустившись на стул, я со смесью ужаса и гордости не отрывала глаз от картины. Она чудесно смотрелась в раме.

Лоуренс улыбнулся.

— Полагаю, вы не знали, что Эдвин настолько идеален? Должен признаться, я тоже поражен.

Джентльмен присел рядом.

— Ваш друг не хотел показывать свою работу, но я уговорил. Когда он узнал, что работу можно продать, то был очень удивлен.

— Конечно, — пробормотала я.

— Промышленник по фамилии Хьюз в Манчестере купил одну из них. Он планирует повесить ее в офисе своей фабрики.

Имя было знакомо: отец изредка сталкивался с тем человеком. В голове не укладывалось, что папа сможет лицезреть картину и не узнать, что художник — его собственная дочь.

— А эту? — спросила я. — Эдвин подарил клубу?

Лоуренс вновь хохотнул.

— Боже правый, нет! Я купил, по сниженной цене, конечно.

— Конечно.

— И одолжил клубу. Они сделают небольшую табличку, где укажут, что данная картина из моей коллекции. А Эдвин обещал показать мне свои следующие работы.

Я посмотрела на «Короля Кнуда» и перевела взгляд на Лоуренса.

— Вы верите, что сможете продать больше? — Мой голос запнулся. — Еще больше картин?

— Без сомнения, — улыбнулся джентльмен. — Такой талант, как у Эдвина будет достойно оплачен. Уверен, я смогу продать все его картины. Они сделают его очень богатым.

Я вскочила с места.

— Мне нужно идти. Боюсь опоздать на поезд.

Под озадаченным взглядом мистера Коула я поспешно схватила сумку, сбежала по лестнице и очутилась на улице. И только оказавшись в экипаже на пути к Лондонскому мосту, поняла, что не спросила, во сколько мистер Лоуренс оценил картины.

Глава 46

В поезде по дороге домой было жарко и неудобно. Я пыталась уснуть, но вихрь мыслей не давал покоя. В дремоте перед глазами мелькал Милле, говоривший мне, что мы должны быть на связи, Лоуренс, восхищающийся моими работами, Эдвин, вравший мне о выставке работ в клубе, шок от увиденной подписи на моей картине.

К тому времени, как добралась до Сассекса, я была взвинчена и вымотана. Сойдя с поезда, остановилась подумать. Не терпелось посмотреть в глаза Эдвина и узнать, почему он присвоил мое творчество. Но сейчас он на работе в Брайтоне. Я знала, где его офис, вернее, знала название улицы. Будет безумием, если я направлюсь напрямиком туда?

Не успев до конца обдумать эту мысль, ноги уже несли меня в сторону моря. Я с

легкостью нашла офис: белое здание с парадным входом, где красовалась табличка «мистер Форрест». Удивляясь выросшей за последние пару дней смелости своих поступков, я толкнула дверь и вошла внутрь.

— У меня встреча с Эдвином Форрестом, — сообщила я клерку за столом.

Он раскрыл книгу посетителей в кожаном переплете. Я остановила его, положив свою руку на его.

— Просто передайте ему, что пришла Вайолет Харгривз.

Мужчина взглянул на меня, кивнул, будто вспомнив, кто я, хотя мы с ним до этого не встречались, встал и исчез в соседней комнате. Я была поражена тому, что он сделал в точности то, о чем я попросила.

Мужчина вновь появился в дверях и жестом пригласил в комнату, из которой только что вышел. Я глубоко вздохнула и вошла. Эдвин тотчас захлопнул дверь и схватил меня за запястье.

— Что тебе здесь нужно? — зашипел он. — Как ты смеешь являться сюда и ставить под удар мою работу и репутацию?

Я в бешенстве вырвала руку, не утруждая себя необходимостью говорить тише:

— Твою работу? А как же моя работа? Сколько денег ты получил за мои картины, Эдвин? Сколько?

Он побледнел.

— Ах!

— Ах, — передразнила я.

Эдвин вздохнул и сел за стол.

— Сядь, — велел он.

Я повиновалась. Он потер лоб и снова вздохнул.

— Как ты узнала?

— Я познакомилась с твоим другом Лоуренсом. Он показал мне мою картину, подписанную твоим именем. И сказал, что ты продал обе работы.

— Он назвал цену?

Я покачала головой:

— Лишь сказал, что ты разбогатеешь.

Я с презрением выплевывала слова.

Эдвин улыбнулся.

— Не я, моя дорогая, а ты. Ты разбогатеешь.

Я почувствовала замешательство, как тогда в клубе, когда глядела на свою картину. И уставилась на Эдвина.

Он открыл ящик стола и вытащил пачку купюр, перевязанную синим шнуром.

— Собирался подождать, пока не составлю контракты, — сказал он, размахивая пачкой возле моего лица. — Я только на полпути.

Я не могла вымолвить ни слова.

— В Лондоне уже в номере я вытащил картины и разложил их на кровати. Но тут Лоуренс, увидев мое имя в гостевой книге, постучался в дверь.

— Продолжай, — ледяным тоном попросила я.

— Он решил, что картины мои. Тут же заявил, что они замечательны, и он сможет их продать. Я не мог остановить его: он был слишком взволнован. Время ушло. Я не стал разубеждать его.

— И?

— На следующий день он поведал, что нашелся покупатель. Я подумал, как эти деньги важны для тебя. Но что будет, если Лоуренс узнает, что художник — молодая женщина из Сассекса.

Я не отрывала взгляда от Эдвина.

— И я солгал. Когда он попросил подписать их, я согласился, думая только о тебе, Вайолет. Мы могли бы заключить сделку: ты будешь рисовать, а я буду лицом твоего искусства. И когда твои картины признают, ты сможешь открыться и заявить о себе. К тому времени у тебя уже будет достаточно денег, чтобы содержать себя.

Он снова помахал банкнотами.

— Я собираюсь подписать контракт. Все по закону. Ты ведь знаешь, я действовал в твоих лучших интересах.

— Лоуренс сказал, что ты подписал картины еще в поезде, до того, как добрался до Лондона.

Эдвин улыбнулся.

— Лоуренс любит выпить. Должно быть, он неправильно понял.

Я почувствовала, как сдаюсь.

— Думаешь, я смогу заработать достаточно денег, чтобы содержать себя?

— Уверен.

— За сколько были проданы мои картины?

Он замолчал.

— Я умею считать деньги, Эдвин, — раздраженно заметила я. — Я не какая-нибудь маленькая дурочка, чтобы ты ни думал обо мне.

— Сто, — сказал Эдвин. — Они продались за сто фунтов.

Я охнула.

— За обе?

Глаза Эдвина блеснули, он улыбнулся.

— Нет, моя дорогая. Сто фунтов за каждую.

Моя голова закружилась.

— Двести!

Эдвин внезапно напустил деловой вид.

— Предлагаю следующее: я — твой агент. Буду продавать твои картины Лоуренсу и другим покупателям. Но всем стану говорить, что художник — я. Деньги с продаж отдам тебе.

Я медленно кивнула.

— Все деньги?

Эдвин склонил голову.

— Изначально идея была моей. При составлении контрактов выяснилось, что требуются определенные усилия с моей стороны, а это значит, я могу претендовать на маленькую комиссию.

— Насколько маленькую?

— Двадцать процентов.

Я поджала губы.

— Хорошо, — сказала я ровным голосом, хотя сердце бешено стучало, а голова кружилась.

Вот так. Это мое спасение. Я продолжу рисовать. Я даже могу согласиться с планами отца выдать меня замуж, если дойдет до этого. Но мне нужно постараться отсрочить свадьбу хотя бы на год. Тогда я смогу продать работы, сделать сбережения и, придет время, открою миру искусства свое настоящее имя.

— Все законно?

Эдвин кивнул.

— Я прослежу за этим.

Я протянула руку через стол.

— Тогда, договорились.

Эдвин пожал мне руку. Затем все так же держа мою руку в своей, обошел стол и притянул меня к себе, прижав свои губы к моим.

— Дорогая девочка. Из нас выйдет прекрасная команда.

Глава 47

До Брайтона мы с Эдвином доехали в его экипаже. Если Фрэнсис будет задавать вопросы, а она, скорее всего даже и не спросит, то он объяснит, что встретил меня на вокзале и предложил довезти. По его словам, в последние дни жена мало интересовалась отсутствием мужа.

Я вежливо попрощалась с ним у ворот его дома. Мне не терпелось освободиться от пыльной дорожной одежды и, наконец, отдохнуть. Много предстояло обдумать. Предложение Эдвина звучало заманчиво, как счастливый шанс стать известным художником. Но что-то не давало покоя. Неужели Лоуренс действительно неправильно истолковал слова Эдвина? Или же мистер Форрест, как сказал Милле, откровенно дурил меня? К тому же, творчество под чужим именем не та карьера, о которой мечталось. Я хотела убедиться, что поступаю правильно. Хотя других вариантов, будем честными, у меня было немного.

Я была выжата, как лимон, но заметила, что в доме стояла гробовая тишина. Ни Мэйбл, ни Филиппа. Я сняла шляпу и пальто, поднялась в свою комнату и тут в ужасе остановилась, заметив у лестницы сумки отца. Он дома? Давно? Он знает, что меня не было всю ночь? Передал ли ему Филипп мое вранье о телеграмме бывшей гувернантки?

Еле волоча ноги и чувствуя, что сейчас умру от страха, я вошла в гостиную, готовясь к скандалу. Но отца там не было. Не было и в кабинете. Странно. Может, опять дела, и он не понял, что меня нет? Как бы мне хотелось, чтобы было именно так!

— Папа? — позвала я. — Папа?

В ответ — тишина.

Облегченно вздохнув, я пошла наверх в свою спальню с дорожной сумкой, которую бросила на кровать. Переоделась, умылась и поднялась на чердак.

Было поздно, я была голодной, уставшей, но у меня появилась идея картины из «Ромео и Джульетты» и мне не терпелось приступить к эскизу.

Я потянулась к волосам, чтобы распустить тугий узел и в изумлении увидела отца, сидящего прямо, как жердь, в центре комнаты.

— Надо было снова жениться, — произнес он, как будто мое появление просто прервало течение его мысли. — Найти хорошую женщину и, по возможности, родить еще детей. Лучше, если бы у тебя были братья и сестры.

Я сделала шаг навстречу.

— Папа.

— Где ты была?

Я сделала паузу, думая, стоит ли врать.

— В Лондоне. Чтобы поговорить со знаменитым художником о моих работах.

Я приготовилась к вспышке ярости. Отец — хороший человек, но, когда злился, не умел держать себя в руках. И хотя мне редко попадало, я знала: гнев его страшен.

Отец кивнул и посмотрел на меня. В шоке я увидела слезы в его глазах.

— Мне жаль, Вайолет. Боюсь, я слишком надолго оставлял тебя одну, позволяя совершать вольности. Ты погрузилась в мир фантазий своих картинок. Но теперь — довольно!

Он взглянул на стену, где были приколоты мои эскизы и картины.

— Я скучал по твоей матери, — продолжал он. — Так сильно скучал, что искал спасения в работе. К тому времени, как душевная рана зарубцевалась, ты выросла, и я думал, что отец тебе больше не нужен.

Я всхлипнула, потому что едва помнила маму и несказанно скучала по ней, но никогда не думала, что и отец тоже. Присев рядом с ним, взяла его за руку.

— Папа, может быть я и взрослая, но ты все еще нужен мне.

— Больше нет. — Он посмотрел на меня, как будто впервые видел. — Еще есть время, чтобы все исправить и загладить свою вину.

— Папа, тебе не нужно заглаживать свою вину, ты...

— Не я, а ты. Ты должна загладить вину за это позорное время препровождение. Этот полет фантазии. Этим идеям искусства должен прийти конец. Сейчас же!

Меня зашатало. Я не ожидала от него подобной реакции.

— Отец! — с отчаянием остановила я его. — Нет! Ты не понимаешь. Искусство занимает особое место в моей жизни. Это то, чем я хочу заниматься, чем должна заниматься.

Внезапно идея Эдвина показалась мне единственным выходом. Она не идеальна, но ее легко реализовать.

— У меня есть идеи, — начала я.

Но отец поднял руку, заставляя замолчать.

— Нет. Довольно. Ты должна прекратить рисовать, Вайолет, прекратить это глупое занятие. Тебе надо выйти замуж.

Он встал, подошел к стене, и, внезапно охваченный бешенством, сорвал мои рисунки. Я зажмурилась, словно от удара.

— Я попрошу Филипса вернуть этой комнате прежнее назначение. А тебе запрещаю подниматься сюда.

Он срывал картины и бросал их на стул возле меня.

Внезапно моя печаль переросла в гнев.

— Хлам и старая мебель! — возмутилась я. — В этом единственное назначение старого чердака!

Отец молчал. Его глаза были прикованы к эскизам для «Даниила», то есть к Эдвину без рубашки.

— Это что? — взревел он и круто развернулся ко мне. Его лицо было бледным, на виске пульсировала вена. — Ради всего святого, что это такое?

— Папочка!

Уже несколько лет я не обращалась к нему так. Вихрь мыслей бешено закружился. Что

ответить? Что Эдвин поддерживает искусство и согласился позировать для меня? Что он мой покровитель? Что мы в любовных отношениях?

Отец сунул картину мне под нос, я сжалась.

— Ты навлекла позор на меня, но что еще хуже, навлекла позор на светлую память покойной матери. Как ты могла?

Его глаза стали дикими.

— Кто еще видел эти картины? Слуги? Им нельзя доверять. Я должен предупредить мистера Форреста.

Я была сбита с толку.

— Предупредить?

— Я должен раскрыть правду о твоём отвратительном воображении, должен признаться, — отец брезгливо бросал слова мне в лицо, — что дочь пошло рисует уважаемого женатого мужчину. Что за греховные фантазии!

Вспоминая этого «уважаемого женатого мужчину», который много раз принуждал меня к сексу, я бы расхохоталась, но сейчас ситуация была далеко не забавной.

— Он человек, уважающий закон, — не унимался отец. — Образованный человек. Бог знает, что он подумает, когда я все расскажу ему.

Совершенно сломленная духом, я упала на подушки шезлонга. Я не могла больше смотреть на родителя, не могла заставить себя думать о своих уничтоженных мечтах, о репутации Эдвина. Теперь он ни за что не станет моим покровителем! Все кончено! Навсегда! Интересно, как отреагирует Эдвин на слова отца? Я боялась его агрессии.

— Вот что я сделаю. Пойду к соседям и расскажу мистеру Форресту правду о картинках. Так лучше, нежели до него дойдут непристойные слухи от слуг. Тем временем, попрошу Филипса убрать всю мерзость и восстановить комнату. Завтра поеду в Лондон, где буду просить о милости Джона Уоллеса взять тебя в жены. Я и ему поведаю правду, но объясню, что ты раскаиваешься и готова встать на праведный путь. Думаю, приданое в качестве бизнеса поможет ему закрыть глаза на... — Он с таким отвращением посмотрел в мою сторону, что меня затошнило. — На твой проступок.

Я онемела. Очевидно, вся моя жизнь теперь принадлежит не мне, а отцу, а однажды будет принадлежать и мужу. На секунду я позавидовала Марианне, которая ждала своего мужа. По крайней мере, она ни перед кем ни отчитывалась.

— И что делать мне, — в моем голосе послышался яд, который я не смогла скрыть, — пока ты устраиваешь мою жизнь?

Отец сорвал со стены еще один рисунок.

— Ты останешься здесь, в доме. Будешь читать, вышивать, гулять в саду. Ни с кем не разговаривать, кроме слуг. Никого не беспокоить.

Он собрал наброски Эдвина.

— Я даже смотреть на тебя не могу. Иди в свою комнату и сиди там. Я иду к мистеру Форресту.

Глава 48

Наши дни

Элла

Я бесцельно бродила по дому: «баклушничала», как сказала бы Барб. То есть попусту тратила время в ожидании отцовского письма с информацией о современных родственниках Фрэнсис. Я понимала, что на это уйдет некоторое время — отец не дружил с технологиями.

Папе потребовалось всего два дня, чтобы найти свидетельство о браке Фрэнсис и Эдвина, а также свидетельство о рождении их сына Чарльза, датированное мартом тысяча восемьсот пятьдесят шестого года. Еще неделя ушла на то, чтобы отследить потомство Чарльза. У него было трое детей. А у младшей, которую тоже звали Фрэнсис, один сын. У того сына, внука нашей Фрэнсис, родилось четверо детей, и они — наши современники.

— Папа, ты невероятен! — поблагодарила я.

— Ну что ты, — довольно ответил он.

«Забавно», — подумала я, как интерес к изучению истории жизни Вайолет, так похожей на мою, помогла нам с отцом снова сблизиться. Мы с ним регулярно общались, не вспоминая о ссоре. Я боялась, что это лишь видимость благополучных отношений, но папу, казалось, перипетии жизни Вайолет захватили по-настоящему. Мне же было интересно, поддерживал ли мистер Харгривз хобби своей дочери, и какими были их отношения. Должно быть, он сильно любил ее, раз столько сил бросил на поиски девушки.

Кроме Вайолет у меня накопилась куча других дел. Агент прислала отзыв о рукописи про Тесс. Она написала, что ей понравилось, и вроде все хорошо, но не чувствуется души. И она была права. Ведь я до сих пор тратила всю свою энергию на обдумывание и разгадывание тайн молодой художницы. И на обсуждения с Прией.

— Это всегда кто-то из близких, — резюмировала Прия после того, как я поделилась подробностями преступления. — Люди боятся незнакомцев, а нужно бояться самых близких. Я поежилась.

— Так больше никого не было. Лишь отец. Но его не было в день трагедии, а после он посвятил всю жизнь поиску дочери. Он не мог быть убийцей.

— Тогда, возможно, незнакомец, — согласилась Прия. — Такое происходит реже, конечно. Например, грабитель, напавший на дом, или душевнобольной. Ведь Эдвин был юристом, так? А люди не терпят обид. Может кто-то решил отомстить?

Утомительно ходить по кругу снова и снова. Но то были события давно минувших дней. Теперь не так-то легко найти концы. Оставалось ждать от отца сведений с адресами родственников Фрэнсис и... Мое нетерпение нарастало.

Не выпуская телефона из рук, я слонялась по дому взад и вперед. Было тихо: мальчики в школе и саду, Бен на работе. Сев на подоконник, я выглянула из окна полюбоваться на море, где крошечные моторные лодки бесшумно покачивались на волнах. В который раз проверила телефон. Ничего.

— Мы нашли Фрэнсис, — понимая, что выгляжу смешно, вслух произнесла я. — Папа написал на почту. — Я помахала телефоном в воздухе. — Ты знаешь, что такое электронная почта, Вайолет?

Тишина. А как иначе! Я соскользнула с подоконника и подошла к белой доске. Рядом с портретом девушки имена жертв: Вайолет Харгривз, Фрэнсис Форрест, Эдвин Форрест Уильям Филипс. И информация о том, что с ними произошло: пропала без вести, ранена, убит, убит. Я вздохнула, подошла к шкафу и открыла его. Он был давно разобран. Теперь на полках громоздились мои вещи.

В левой руке зажужжал телефон. От неожиданности я вздрогнула и выронила его. Телефон отскочил от ковра и отлетел в дальний угол под шкаф.

— Чтоб тебя! — пробормотала я, встав на четвереньки.

Под шкафом было очень пыльно. Надо бы здесь хорошенько пропылесосить. Рука, почти дотянувшись до телефона, что-то нащупала под ковром. Я потянулась вперед и извлекла

кожаный блокнот, из которого торчали клочки бумаг. Он был закрыт на кнопку. Заинтригованная, я стряхнула пыль с колен, обтерла телефон об живот и села, поджав под себя ноги и рассматривая блокнот. Пожелтевшие страницы закруглялись по краям. Мне не удалось открыть его. Недовольно бурча, я поднялась. «Ну точно, как отец», — пронеслась беспокойная мысль. Положила блокнот на стол и вооружилась скрепкой, прокручивая ее в разные стороны. Наконец, кнопка тетради отскочила. Замерев, я открыла страницы, заполненные аккуратным почерком. Заметки, цифры, имена. Это был дневник, вне всяких сомнений.

— Твой блокнот, Вайолет? — снова произнесла вслух.

Похоже, я схожу с ума, разговаривая с человеком, ушедшим в мир иной сто пятьдесят лет назад. В комнате было тихо. Сердце трепыхалось, словно птица в клетке. Возможно, в этих строчках содержатся ответы?

Я откинулась на спинку стула и приступила к чтению.

Я настолько погрузилась в повествование, что подпрыгнула, когда несколько часов спустя вошел Бен. На улице сгустились тени. Смех мальчиков и голос Маргарет донесся снизу. Муж с тревогой посмотрел на меня.

— Ты плачешь?

Дотронулась до щек, они были мокрыми. Я даже не поняла, что плакала во время чтения.

— О, Бен, — всхлипнула я. — Такая трагедия.

Он присел рядом, взял меня за руку.

— Что случилось? Что-то с отцом? Он в порядке?

Я поморгала.

— Нет, трагедия не у нас. Я нашла дневник Фрэнсис.

У Бена отвалилась челюсть.

— Здесь? Как? Почему здесь?

— Понятия не имею.

Единственное, что имело значение, это то, что я нашла и прочитала его.

— Бен, ты должен прочитать. Эдвин Форрест — ужасный, жестокий.

— Расскажи.

— Годами издевался над женой. Из-за его побоев она потеряла ребенка.

Бен охнул.

— Значит, Фрэнсис не была беременна? В полицейском рапорте неверные сведения? А кто тогда эти родственники, которых нашел твой отец?

— О нет, она была беременна, — ответила я, понимая, что не успела взглянуть на папино письмо, из-за которого выронила телефон, но благодаря которому обнаружила тетрадь. — Фрэнсис до этого потеряла ребенка из-за побоев. Поэтому, поняв, что снова ждет малыша, решила бежать от мужа. Она все спланировала.

— Смелая женщина, — заметил Бен. — Могу только представить жизнь матерей-одиночек в те времена!

— Она — потрясающая! Взгляни!

Я протянула дневник.

— Здесь целая предыстория ее новой жизни: новое имя и все такое. Она даже тренировалась в новой подписи. Есть расписание поездов, карты. Похоже, она собиралась в Шотландию.

Бен пролистывал страницы, удивленно качая головой.

— До какого отчаяния была доведена женщина, чтобы решиться на побег!

— Спасала ребенка! — На ее месте, я поступила бы точно так же. — Она должна была увезти его в безопасное место.

— Но ведь она не уехала, а осталась в Сассексе после смерти мужа, — заметил Бен. — А какое отношение имеет Вайолет к этим событиям?

— Гнусная история.

Муж оживился.

— Ага, а я тебе говорил!

— Это я говорила тебе. Но тогда мне история казалась слишком банальной.

— Жизнь банальна, — парировал Бен. — Выкладывай.

— Похоже, что Эдвин был тем еще ходоком: проститутки в командировках в Лондоне, женщины легкого поведения ... И Вайолет.

— Так значит, Фрэнсис знала об интрижке?

— Вроде того. Не была уверена, что именно происходило между Вайолет и ее мужем, но ей было не все равно.

— Она ревновала?

— Нет, я имею в виду, она переживала за Вайолет. Беспокоилась о ней, как мать. Фрэнсис была старше девушки, которой на тот момент было всего восемнадцать.

— Трогательно, — заметил Бен.

Я задумалась.

— В моем романе эти две отвергнутые женщины объединились бы, чтобы убить Эдвина и сделать так, чтобы все выглядело как несчастный случай.

— Ты думаешь, это то, что случилось?

Я пожала плечами.

— Не думаю, что Фрэнсис была способна на убийство. Она кажется очень... — Я поискала слово. — Милосердной.

Бен перевернул последнюю страницу дневника.

— Ты прочитала до конца? — Он задумчиво потирал нос.

— Еще нет. А что?

— Фрэнсис думала, что ее ребенок умер, — сказал муж. — Вот почему она не уехала, она думала, что больше не беременна.

— Но ребенок не пострадал от избиений, — возразила я. — Маленький Чарльз выжил.

И тут меня осенило.

— А может Вайолет была беременна? Фрэнсис рассказала ей о планах на побег. Поэтому дневник в нашем доме, в доме Вайолет. Девушка сбежала. Мы должны найти ее родственников, то есть, родственников этой Флоренс Беннет.

Я помолчала.

— О, нет! Подожди! Папа нашел родственников Фрэнсис Форрест. Что-то тут не так.

Бен посмотрел на меня.

— А если бы ты писала эту историю о Тесс, то чтобы ты придумала?

Я медленно заговорила, потому что мысль моя все еще работала.

— В моем романе я бы отпустила Фрэнсис в Шотландию, как раз перед самым убийством.

Я вглядывалась в белую доску, на самом деле не видя ее.

— Тогда Вайолет, которая знала, что Фрэнсис уехала под фальшивым именем, увидела свой шанс и присвоила имя женщины после нападения. Может быть, она была беременна. И тогда, став Фрэнсис Форрест, уважаемой вдовой, могла бы родить ребенка не стыдясь позора. Поэтому Вайолет исчезла.

Бен уважительно посмотрел на меня.

— Да ты просто профи!

Я рассмеялась.

— Не могли бы замолвить пару слов перед моим агентом?

— В любое время. — Бен поцеловал меня. — Итак, Вайолет и Фрэнсис в сговоре.

— Удачное слово.

— Фрэнсис сбегает. И во всей этой неразберихе с нападением, Вайолет всем говорит, что она Фрэнсис?

— Так бы написала я. Хотя не знаю, как Вайолет могла убедить отца, что она Фрэнсис.

Бен скорчил гримасу.

— Значит, если твоя теория верна, то родственники, которых нашел твой отец, на самом деле должны быть потомками Вайолет, а не Фрэнсис?

— Именно. — Я открыла телефон с намерением прочитать письмо отца.

— Блестяще! Тайна разгадана! Пойдем, выпьем по бокалу вина.

Смеясь, я спустилась за ним в гостиную.

Глава 49

От: ggriffiths@unimail.com

Кому: elladaniels@writemail.com

Ну что ж, вчера вечером я побывал на ужине с покрытыми плесенью академиками (можешь не верить, но такие встречи намного интереснее, чем кажутся). Там я пообщался с одним историком, экспертом по промышленности XIX века и поделился деталями твоего расследования. Ей известен Маркус Харгривз, и она попросила отправить подробную информацию, чтобы попробовать помочь. Чем я сейчас и занимаюсь.

Дж.

— Вы очень добры, что уделите мне время, — обратилась я к Луизе, новой знакомой Джорджа. Женщина вела меня по коридору в офис. — Я очень признательна.

— Рада помочь, — ответила она, пропустив меня внутрь и пододвинув стул. — Должна признаться, мною движет не только доброта, но и интерес к истории семьи Харгривз.

Я села и оглянулась. Ее офис находился в современной части здания университета в Кентербери. Ряды книжных шкафов и огромный деревянный письменный стол украшали кабинет.

— Маркус Харгривз — любопытный персонаж, — продолжила женщина. — Он был выходцем первого индустриального поколения постреволюционной Британии. Сколотил состояние, продавая оборудование колониям. В основном Карибам и здешним фабрикам.

Я кивнула, уже знакомая с некоторыми фактами. Но мне нравилось, как Луиза рассказывала об этом в легкой, непринужденной манере. Думаю, ее лекции были бы популярны среди студентов.

— Он использовал свои деньги на благое дело: сиротские приюты, больницы и т. д.

— Я нашла школу, которую он открыл.

— Точно. — Луиза улыбнулась мне, и я почувствовала себя любимчиком среди ее учеников.

— Но потом все пошло не так, — сказала она.

— Потому что исчезла его дочь?

— На самом деле задолго до этого.

Луиза встала, подошла к одной из книжных полок и сняла книгу.

— О личной жизни Маркуса не так много написано, потому что историки того времени интересовались исключительно его карьерой промышленника или благотворительностью. Но время от времени я нахожу сведения о нем.

Она сняла очки со лба и надела их, чтобы прочитать страницу.

— Вот, например. — Луиза протянула мне книгу.

— Его жена умерла, — сказала я, листая страницы, пока не наткнулась на имя жены. — Я видела записи об ее смерти. А после он отправил свою дочь, Вайолет, к родственникам.

Луиза кивнула и достала еще одну книгу.

— Но он не хотел ее отсылать.

Я моргнула.

— Не хотел?

— В этой книге содержится довольно подробный отчет о смерти его жены, — сказала Луиза. — Если хотите, возьмите ее с собой.

— Спасибо, — сказала я, искренне обрадовавшись. Мне не терпелось узнать, что произошло. — Куда делась Вайолет?

— Она уехала к сестре мамы. — Луиза села за стол, положив подбородок на руки. — Маркус хотел, чтобы дочь осталась с ним, но ему сказали, что так неправильно: девочку должна воспитывать женщина, а он не сможет заботиться о ней. Есть переписка между ним и другими членами семьи, в которой говорится, что нельзя оставлять девочку одному отцу.

— Поэтому он отправил ее тете, — сказала я, еще раз удивляясь тому, насколько похожи наши жизни с разницей в более чем столетие. — Но Вайолет вернулась?

— Она вернулась, потому что муж тети уехал на работу в Индию. Вся семья переехала туда жить, и, согласно записям, они хотели взять девочку с собой и даже купили ей билеты.

— Индия. Почему она не поехала?

— Отец не захотел. Он привез ее домой и нанял гувернантку.

— Пожелал видеть дочь рядом? То есть, по крайней мере, они были счастливы вдвоем?

Луиза улыбнулась.

— Не уверена. Маркус много путешествовал, его неделями не было дома. Должно быть, Вайолет страдала от одиночества, находясь в некоторой изоляции, и ей, мне кажется, было скучно.

— Она рисовала, — сказал я, внезапно осознавая, почему Вайолет с головой ушла в творчество. — Это было ее единственным развлечением и утешением. Бедная Вайолет. И бедный Маркус.

Я думала о Вайолет и Эдвине. Мужчина старше ее, и судя по картинам девушки — настоящий красавец. Возможно, обаятельный и с чувством юмора. Неудивительно, что она влюбилась. Последствия недостатка отцовского внимания и любви? Юная дева была уязвима, ранима, к тому же одинока. Слава богу, я встретила своего замечательного мужа. Иначе, возможно, пошла бы по тому же пути.

— А что вы знаете об исчезновении Вайолет? — спросила я.

— Немного. Она лишь упоминается в некоторых источниках рядом с именем отца.

Поэтому мне тоже интересна ее судьба. Скорее всего, вам известно больше.

— Вайолет пропала в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году. В ночь исчезновения, ее соседка Эдвина Форреста, который, похоже, был ее любовником, убили. Как и работника семьи Харгривз Уильяма Филипса. На жену Эдвина, Фрэнсис, тоже напали и ранили. А Вайолет исчезла.

— Боже, — поразились Луиза. — Я не знала, что в этом деле замешаны другие люди.

— Доказательств того, что все это взаимосвязано — нет, — пожала я плечами. — Но должны быть: ведь ужасные убийства произошли в один день. У меня чувство, что в этом как-то замешан мистер Форрест. Он не был надежным парнем.

— У вас есть какие-нибудь предположения о том, что случилось с Вайолет? — поинтересовалась Луиза.

Я покачала головой.

— Ничего конкретного. В то время думали, что она могла утонуть: ее шляпа нашлась на пляже. Но лично мне кажется, что она инсценировала свою смерть и сбежала.

Луиза наморщила лоб.

— Неужели она поступила бы так с отцом? Одно дело скучать, но разбивать ему сердце?

— Думаете, слишком жестоко?

— Маркус долго искал дочь, — объяснила Луиза. — Организовал поисковые отряды, потратил много времени и денег, пытаясь найти следы. Он так и не смирился с ее потерей.

— Очень печально.

Раньше я мало задумывалась о Маркусе, представляя его в образе бессердечного отца, отославшего прочь от себя собственную дочь. Теперь мое мнение изменилось.

— Первые годы он даже воссоздавал сцены преступления, чтобы вызвать какие-нибудь воспоминания у возможных очевидцев. Об этом есть записи в архиве. Но со временем люди потеряли интерес к делу, — рассказала Луиза.

Внезапно мне захотелось плакать. Трагичная история.

— Он действительно любил ее. Был хорошим отцом.

— Мне тоже так кажется, — согласилась Луиза. — Холодный, но не жестокий.

Я поморгала в попытках остановить слезы.

— Фрэнсис Форрест была беременна. — Против желания мой голос слегка дрожал. — Я нашла ее потомков. Там сложилась сложная ситуация: она хотела уйти от мужа. Мне даже казалось, что возможно Фрэнсис уехала до нападения, а после Вайолет присвоила ее имя себе.

— Значит, Фрэнсис могла пропасть, а не Вайолет?

— Сумасшедшее предположение, но никогда не знаешь, — ответила я.

— Держите меня в курсе, — попросила Луиза. — Вы меня заинтриговали.

Я искренне поблагодарила собеседницу за информацию о Маркусе и пообещала рассказать о своих находках в деле семьи Харгривз.

Отец Вайолет предстал передо мной живым человеком. Он не позволил дочери уехать в Индию, а после посвятил жизнь ее поискам.

— Не хотел ее отсылать, — сказала я себе, когда села в машину. — Был уверен, что так правильно.

Внезапно мне захотелось позвонить тетушке Салли. Я вытащила мобильный.

— Сэл? Это Элла. Можно мне заскочить к тебе?

Глава 50

Салли жила недалеко от мест, где прошло мое детство. Из Кентербери было легко доехать до ее дома, находящегося на полпути от нашего нового жилища. Поэтому, сказав, что проезжаю мимо, я не врала.

— Приятно видеть тебя, Элла. Расскажи о своем новом доме.

Тетушка протянула мне чашку с чаем и остановилась, рассматривая меня.

— Ты так похожа на мать, — как всегда произнесла она.

— Я стала старше ее. Она была моложе, когда ушла.

Странное ощущение, необычное.

Салли сжала мою руку.

— Мама гордилась бы тобой.

Салли — старшая сестра отца. Они очень похожи. Ее дети, мои двоюродные братья — близнецы Стивен и Саймон ученые. Но с ними меня ничего не связывало. Я любила тетушку и ее мужа дядю Билла, но представить себя, живущую в их семье, было трудно.

Я расположилась в гостиной после того, как похвалила фотографии новорожденной дочки Саймона, показала своих мальчиков, а также некоторые виды дома.

— На самом деле я хочу поговорить о маме.

— О чем именно?

Я вздохнула.

— О похоронах. Я была маленькой и очень страдала. Может, что-то не так запомнила из одного разговора.

Салли забеспокоилась.

— О, девочка моя. Ты слышала наш разговор с твоим отцом?

Я кивнула, закусив губу.

— О том, как он просил, чтобы я присмотрела за тобой?

Я снова кивнула.

Тетушка вздохнула.

— У меня всегда было ощущение, что ты находилась рядом. После аварии ты не выпускала отца из поля зрения. Я знала, что ты будешь где-нибудь поблизости наблюдать за нами. Но надеялась, что ничего не услышишь.

— Я сидела на лестнице, наблюдала за отцом. Я боялась, вдруг он тоже умрет.

Глаза Салли наполнились слезами, она взяла мою руку.

— Он беспокоился, что недостаточно хороший отец. Думал, что не сможет позаботиться о тебе, что девочке нужна женская ласка. Вот почему он просил забрать тебя.

— И ты сказала «нет»? — Я была готова расплакаться.

— Я сказала «нет». Но не потому, что не хотела. Я бы тут же увезла тебя, не задумываясь. Ты была очаровательной малышкой. Я так тебя любила. И до сих пор люблю, — улыбнулась она.

— Тогда почему?

— Потому что ты была нужна ему. Он был потерян: одинокий, без жены, убитый горем. Он не знал, как быть. Как правильно поступить. Не понимал, что лучше для тебя. Конечно, ты была ему нужна.

— Я так боялась, что он избавится от меня. — Я разрыдалась. — Боялась, что если сделаю что-нибудь дурное, он прогонит прочь.

Салли обняла меня. Я всхлипнула.

— Он бы не смог без тебя, глупышка.

Когда я пришла в себя и допила предложенный чай с печеньем, Салли внимательно посмотрела на меня.

— Слышала о твоей ссоре с отцом.

— Барб? — спросила я, закатив глаза. Они с Салли отлично ладили.

Сэл кивнула.

— У меня чувство, что причина в том, о чем ты мне сейчас рассказала. — Она похлопала меня по колену. — Тебе нужно поговорить с ним, милая. Ты не можешь просто притвориться, что этого никогда не было, и надеяться, что все будет хорошо. Расскажи ему, что ты слышала в тот день. Он должен знать.

Я понимала: тетушка права. Нужно поговорить с отцом. Я не хотела напряженных отношений между нами. Я думала о Маркусе Харгривзе, который долго искал Вайолет. О том, как сильно девушка, должно быть, скучала по отцу, когда тот был в разъездах. Я благодарила свои счастливые звезды за то, что родилась в то время, когда моего папу поддержали в желании позаботиться о дочери. За то, что рядом была тетушка Салли, всегда готовая помочь, бабушка с бабушкой, а позже Барб. Жизнь Вайолет могла бы быть другой. И как же повезло мне!

Глава 51

Я растерянно смотрела на выцветшую фотографию миниатюрной женщины с аккуратной прической черных с проседью волос. Кто бы это ни был, но только не Вайолет.

Я взглянула на отца и слегка покачала головой.

— Разве она не та, кого вы ищете? — спросила Винни Флад, правнучка Фрэнсис.

Я улыбнулась:

— Именно та, кого мы ищем. Скорее, я надеялась, что это будет не она, — ответила я, понимая, что говорю странные вещи.

Я была уверена в том, что Вайолет переименовала себя и стала Фрэнсис. Отец заинтересовался поиском родственников миссис Форрест. А я желала поговорить с ним о маминых похоронах, поэтому импульсивно предложила поехать вместе на встречу с Винни Флад, семидесятичетырехлетней вдовой, живущей в Истборне. Я представляла себе такую маленькую старушку в зимнем пальто посреди лета.

— Кажется, тебя захватила эта история.

Мы покинули тихие улицы «Зеленой цапли» и направились в Брайтон. Папа, обожавший водить машину, легко влился в интенсивный поток на своем «Ауди» (подарок на день рождения).

Я бросила на него взгляд, гадая, не критикует ли он меня, но отец лишь улыбался.

— Думаешь написать об этом книгу? Барб права?

— Я пытаюсь не делать этого. Мне нужно работать над другим романом, но история о юной художнице не дает покоя.

— Расскажи, что ты выяснила.

— Вайолет была влюблена в Эдвина Форреста. Того мужчину, что подписал ее работы своим именем. Неизвестно только, сделал ли он это с согласия девушки.

— Уверен, что без ее ведома! Зачем ей соглашаться на такое? — удивился папа.

— Потому что таким образом она смогла бы зарабатывать на жизнь. Отличный способ обмануть тогдашнюю элиту. Заявить о месте женщины в обществе. Причины могут быть разными.

— Или он воспользовался возможностью получать финансовую выгоду, используя ее талант, — предположил папа.

— Когда ты стал таким циничным? — спросила я.

Отец молча развернул машину на перекрестке и выехал на Истборнскую дорогу.

— Трагично, — заметил он, — если она не могла претендовать на признание своих заслуг, и неважно, по какой причине. Наверное, трудно страстно увлекаться чем-то и не иметь возможности осуществить задуманное. Уже забылось, как под влиянием социального положения, половой принадлежности или финансовой ситуации ущемлялись права людей того времени. Сейчас у нас больше свобод.

Я кивнула, впечатленная. Отец прекрасно понимал положение женщин тех лет. Какое-то время мы оба молчали, проезжая мимо университета и нового футбольного стадиона, где тренировалась команда Бена. Я сомневалась, стоит ли признаться папе, что меня интересуют не только тайны Вайолет.

— Мама художницы умерла при родах младшего сына, — в конце концов произнесла я. — Мальчик тоже умер. Вайолет тогда было пять лет. Я просто не могу игнорировать наше с ней сходство, хотя она родилась более века назад. Думаю, это еще одна причина, почему мне хочется узнать историю девушки.

— Ах, — выдохнул отец.

Я ждала, что он скажет что-то еще, но папа молчал. Тогда я, откинув голову на подголовник, принялась рассматривать пронесившиеся мимо пейзажи.

— Ты скучаешь по ней? — спросила я.

Странно, никогда раньше я не задавала отцу этот вопрос. По затянувшемуся молчанию, подумала, что он не хочет отвечать.

— Сначала скучал каждый час и каждый день. Потом постепенно привык, что ее нет. Но все равно было больно. Просто устроил свою жизнь так, чтобы не замечать, что ее нет.

Он обогнал дом на колесах.

— Представь, что у тебя был красивый сад, и кто-то вырыл яму прямо посреди него. Постепенно ты учишься ходить вокруг ямы, но тебе это не нравится. Потом я встретил женщину, и все стало по-другому. Барб помогла мне выстроить мост через яму, которую мама с Билли оставили после себя. Конечно, я до сих пор скучаю по ней. Мне интересно, какой бы она была сейчас. Она бы полюбила Бена и мальчиков.

Отец упрямо не отрывал глаз от дороги, но я видела блеск непролитых слез.

— Я тоже по ней скучаю.

Папа, все так же глядя вперед, пожал мне руку. Я улыбнулась.

Мы приближались к Истборну. Красивые деревушки заменили широкие поля и большие кольцевые развязки.

— Когда умерла мать Вайолет, отец отправил девочку к родственникам.

— Бедняга. Наверное, он скучал по ней.

Я вздохнула:

— На похоронах мамы я слышала, как ты просил Салли забрать меня.

Отец резко вздохнул:

— Помню. Умолял ее. Боже, в каком я был состоянии тогда!

Я молчала.

— И ты слышала? О, черт! «Элла, Элла! Все осточертело»!

Я улыбнулась: это ругательство отец часто произносил в мои подростковые годы.

— Ты следишь за маршрутом?

Я вытащила карту, которую распечатала заранее.

— Винни сказала следовать к пристани по указателям. На следующем перекрестке налево.

Папа включил левый поворотник. Я почувствовала раздражение из-за упущенной возможности поговорить о том, что меня мучило. Но я недооценила отца.

— Я мало что помню из того периода, — признался он. — Едва помню похороны. Настолько мне было плохо! Я думал, что не сумею позаботиться о тебе. Ты была прелестной малышкой с разбитым сердцем. А я не знал, как помочь. Я себе-то не мог помочь. Поэтому просил Салли взять тебя.

— Она отказалась. Но не потому, что не хотела.

Папа рассмеялся:

— Конечно не потому. Сэл понимала, что ты — моя семья, и что скоро я сам все пойму.

Я прикрыла глаза.

— Примерно через три недели после похорон я начал приходить в себя. Прошла беспомощность, притупилась пронизывающая убивающая боль. Я скучал по маме и ребенку. В то же время я понял, как сильно тебя люблю, насколько ты мне нужна. У меня больше никого не было. Что бы без тебя со мной стало?

— На перекрестке прямо, — сказала я, чувствуя слезы на щеках.

— Однажды ты пришла ко мне со спутанными волосами. Протянула расческу и резинку. Села и стала ждать, чтобы я распутал их, как это всегда делала мама. А я не знал, с чего начать. Хотелось сказать, что я не умею. Но посмотрев на тебя, маленькую, доверчивую, я понял, что должен суметь.

— Налево. Номер пятьдесят шесть.

Папа притормозил перед поворотом.

— Я даже взял книгу из библиотеки. Дом номер сорок. Остановимся здесь.

Он отстегнул ремень безопасности и ловко припарковался в крошечном пространстве.

— Книгу? — Мой голос дрожал.

Я наклонилась, чтобы забрать сумку из прохода, а на самом деле незаметно вытереть слезы.

— Книгу о прическах, — усмехнулся отец. — Я так и не научился плести косички.

— Папа, все детство я думала, что, если буду плохо себя вести, ты прогонишь меня. Поэтому я никогда не причиняла тебе неприятности. Никогда. Потому что боялась.

— О, Элла! Так вот что ты имела в виду тогда в пабе!

Он с беспокойством посмотрел на меня.

Я слабо улыбнулась:

— Именно это! Думала, если сделаю что-то, чем ты будешь недоволен, ты не захочешь больше видеть меня. Знала, что переезд в Сассекс был связан с определенными рисками. Ты беспокоился. Я думала, что, если поступлю по-своему, ты разозлишься, вычеркнешь меня.

Отец помолчал, затем развернулся и взял мои руки в свои.

— Элла, я не перестану любить тебя из-за того, что ты поступишь по-своему. Признаю: я излишне осторожен. Вероятно, после того, что случилось с твоей мамой, у меня появились собственные страхи. Мне повсюду мерещится опасность. Знаю, тебе тоже. Мы с тобой стали такими не по собственной воле.

Я грустно улыбнулась, а он продолжал:

— Если бы ты решила подняться на Эверест, или начать карьеру воздушной гимнастки, или переехать в Австралию, я бы, конечно, переживал, но все равно любил бы тебя. Ты не можешь так просто избавиться от меня.

У меня перехватило дыхание: папа только что избавил меня от груза тревог длиной в тридцать лет!

— Я боюсь пауков, — наконец произнесла я, — поэтому Австралия — вне списка. А еще высоты. Думаю, останусь в Сассексе, чтобы писать книги.

Мы с папой улыбнулись, он заглушил двигатель.

— Тогда идем искать ответы на твои загадки?

— Ок! Сделаем это!

Когда папа вышел из машины и встал рядом со мной на тротуаре, я обняла его. Он погладил меня по голове, а я уклонилась, как в детстве. Я поняла, что он любил меня по-своему.

— Мы ведь не так уж плохо жили, правда? — спросил он.

— Совсем неплохо, — согласилась я.

Я удивленно посмотрела на адрес в руке.

— Должно быть, это здесь...

Ничего похожего на дом Винни Флад из моих фантазий. Мы стояли возле современного застекленного жилого дома. Впереди находился причал с плавно покачивающимися яхтами.

— Боже, совсем как Сан-черт возьми-Тропе! Не таким я помнил Истборн.

Я хихикнула над папиным замечанием и нажала на звонок под номером пятьдесят шесть.

Если дом миссис Флад удивил нас, то сама Винни была еще бо́льшим сюрпризом: ни намек на миниатюрную старушку. Аккуратное серебристое каре, полосатая бретонская футболка, укороченные брюки и — я даже моргнула — конверсы на ногах!

— Мы с мужем много плавали под парусами, — готовя нам чай, поделилась женщина. — Три года назад он умер. Я поняла, что хочу жить рядом с морем. Поэтому продала дом и яхту и купила эту квартиру.

У Винни была богатая семейная история. Она достала большую шляпную коробку, заполненную бумагами, фотографиями, и разложила их на стеклянном обеденном столе.

— У меня три старших брата. Один живет здесь, а два других в Австралии. Им неинтересна история семьи.

Винни передала мне фотографию Фрэнсис, и я поняла, что моя теория о присвоении чужого имени была ошибочной.

— Итак, Фрэнсис — моя прабабушка. Конечно, я никогда не видела ни ее, ни прадеда. Я поздно родилась. Думаю, стала сюрпризом для родителей.

Папа взял фотографию.

— Вы что-нибудь знаете о ней?

— Немного. Остались кое-какие бумаги. Ее муж умер до рождения сына Чарльза.

Чувствуя себя немного неловко, я рассказала о том, как умер прадед женщины. Поведала об убийстве, о пропавшей художнице. Затем протянула дневник Фрэнсис.

— Я нашла тетрадь Фрэнсис в нашем доме. Там написано, почему она планировала уехать.

Вкратце я пересказала, что читала: о жестоком обращении мужа и беременности женщины.

— Поскольку ваша прабабушка была уверена, что потеряла ребенка, я предположила, что, когда она уехала в Шотландию, Вайолет каким-то образом присвоила ее имя.

Винни задумалась:

— Припоминаю, что кто-то действительно уехал в Шотландию.

Она покопалась в шляпной коробке.

— Нашла! — Женщина вытащила связку писем, перевязанных желтой тесемкой. — Вот, шотландский адрес. Фрэнсис писала кому-то.

Я, чрезвычайно взволнованная, старалась держать себя в руках:

— То есть бежала Вайолет? Фрэнсис подарила ей идею и дневник. И девушка исчезла. Я так рада...

Винни развязала тесемку. Папа просмотрел письма и покачал головой.

— Их все вернули. Письма от Фрэнсис. Они адресованы Флоренс Беннетт в Норт-Берик. Видимо, ваша прабабушка не знала точного адреса.

— Как? То есть они не дошли до адресата? — Я еле сдерживала разочарование.

Каждый раз, когда мне казалось, что вот-вот нашелся след Вайолет, как она тут же ускользала от меня. Я вытянула одно письмо наугад и вскрыла.

Дорогая Флоренс,

Не знаю, где ты. Надеюсь, добралась до Норт-Берика и обустроилась на новом месте, пока я выздоравливала. Пожалуйста, ответь мне.

Твоя сестра, Полли.

— Полли? — удивилась я.

— Может, еще один псевдоним, — предположила Винни, — как Флоренс? Здесь тот же почерк, что и в дневнике.

— Возможно, Фрэнсис придумала для себя роль сестры Вайолет? — сказала я. — Эти две женщины были умными и храбрыми.

— Но не похоже, что Вайолет добралась до Норт-Берика, — заметил отец. — Здесь десятки писем. Их все вернули.

— Вы можете их почитать, — разрешила Винни.

И вот мы с папой в стильной гостиной с панорамными окнами и полом, выложенным плиткой, познакомились с жизнью Фрэнсис. Более десяти лет она отправляла письма Вайолет — Флоренс. Сначала рассказывала, что останется в Сассексе, пока девушка не подтвердит, что находится в Норт-Берике. Постепенно письма становились все более открытыми. Она делилась новостями о «добром соседе, который так страдал по дочери», что закрыл дом и уехал.

— Это отец Вайолет, — догадалась я. — Фрэнсис явно хотела, чтобы Вайолет знала, что с ним. Значит, Флоренс — это Вайолет!

— Согласен, — кивнул папа, — что по крайней мере доказывает: Фрэнсис верила — Флоренс — это Вайолет. Слушай, в этом письме она говорит, что больше не может молчать, и поэтому собирается поделиться местонахождением Флоренс с «добрым соседом».

— Фрэнсис, должно быть, чувствовала себя ужасно, видя, как мучается Маркус, и зная, что скорее всего Вайолет в Шотландии, — сказала я. — Хотя ее там не было.

Я прочитала еще несколько писем, пока не наткнулась на одно, в котором говорилось, что Маркус побывал в Норт-Берике.

— Послушай, — обратилась я к папе, зачитывая письмо вслух:

«Похоже, ты все-таки не в Норт-Берике. Добрый сосед навестил меня в прошлом

месяце, и сказал, что не видел тебя и не слышал разговоров о тебе...»

Я вздохнула. Ситуация безнадежна.

Тем временем папа наткнулся на письмо с подробным описанием смерти отца Вайолет:

— Как печально! Мне кажется, Вайолет точно не было в Норт-Берике. Насколько я помню, это маленький городок. И хотя у Фрэнсис не было точного адреса, но все же одно из кучи отправленных писем так или иначе нашло бы девушку.

— Так что ничего не остается, как продолжить поиски, — сказала я, не представляя, что нас ждет впереди.

— Думаю, да.

Глава 52

1855

Эдвин

Эдвин стоял на лестнице, рассматривая пляж через окно. Послышался звонок в дверь, а затем приглушенный разговор. Мужчина решил проигнорировать голоса: жена внизу, разберется, и повернулся, чтобы направиться в спальню. Но Фрэнсис, наклонившись через перила, позвала его:

— Это мистер Харгривз. Он просит тебя.

Эдвин вздохнул: ему сейчас не до фальшивых дружеских встреч. Но что делать? С соседями надо дружить. Тяжело переступая, он спустился в холл.

Агнес, угрюмая и молчаливая, провела Эдвина в гостиную. Мистер Харгривз стоял у камина со шляпой в руках.

— Эдвин, — слишком оживленно произнес сосед, протягивая руку.

— Маркус! Садитесь. Что привело вас?

Гость молчал. Эдвин заметил, как пальцы соседа нервно сжимали края шляпы. Волна беспокойства пробежала по телу. Неужели Маркус в курсе того, что Эдвин и Вайолет наслаждались более близкими отношениями, чем следовало?

— Боюсь, у меня неприятности, о которых я должен поведать.

Эдвин вздохнул.

— Говорите.

— Похоже, моя дочь, Вайолет, имеет к вам влечение.

Эдвин улыбнулся:

— О, нет. Все лишь молодая девушка с безобидной фантазией.

Маркус нахмурился.

— Хотелось бы, чтобы с безобидной. — Он повертел шляпу в руках. — У нее интерес к живописи, знаете ли.

— Да, она говорила.

— К своему стыду, я обнаружил, что интерес этот наполнен излишним энтузиазмом.

— Продолжайте.

Вид отца девушки был жалким. Он понизил голос:

— Она рисовала вас. Я нашел наброски. Вы там почти голый, без рубашки.

Эдвин изобразил на лице правдоподобный ужас и покачал головой.

— Боже мой! Какое яркое воображение! Маркус, дорогой сосед, пожалуйста, не расстраивайтесь. Наша дружба не пострадает.

Мистер Харгривз устало потер переносицу:

— Ах, Эдвин! Я в растерянности и чувствую вину. Мне нужно было жениться. Ведь

девочка нуждалась в матери. Меня часто не было, и дочь оставалась без присмотра. У нее бурная фантазия.

— Маркус, пожалуйста. — Эдвину было неловко. Он не терпел откровенных эмоций, особенно мужских. — Вы должны успокоиться. Где сейчас эти рисунки?

— Я попросил Филипса, нашего садовника, уничтожить их. И те, где изображены вы, и все остальные. Необходимо в зародыше пресечь это неприличное увлечение, пока оно не вышло из-под контроля.

Эдвин ужаснулся:

— А много картин?

— Достаточно. Не все такие пошлые, как с вашим портретом. Но, очевидно, дочь проводила слишком много времени за этим занятием. Времени, которое можно было потратить на что-то более полезное и нужное.

— Маркус, не волнуйтесь. Я не злюсь ни на Вайолет, ни на вас. Должен признаться — это не первый раз, когда у молодой женщины появляется интерес ко мне. Фрэнсис подтвердит. Боюсь, я неисправимо наивен: иногда мои попытки помочь молодым приводят к обратным результатам.

Маркус неуверенно улыбнулся.

Эдвин продолжал:

— Фрэнсис, я и все мое окружение знают, что я ничего специально не делаю, чтобы поощрить подобное поведение. Ваша Вайолет — просто девушка с ярким воображением и обилием свободного времени. Но ничего плохого в этом нет.

Он ободряюще улыбнулся Маркусу. В то же время мозг его лихорадочно обдумывал ситуацию. Как успеть спасти рисунки Вайолет? Как добраться до Филипса? Надо избавиться от Маркуса.

— Меня только одно беспокоит: можно ли доверять Филипсу?

— В каком смысле?

— На данный момент только вы, Вайолет и я знаем о набросках, так?

Эдвин солгал, вспомнив Лоуренса, старика в поезде, покупателя в Йоркшире...

— Верно. И Филипс, конечно. Хотя он их еще не видел.

— Я просто боюсь, что парень не удержит язык за зубами. Вы же знаете, какой может быть прислуга. Пойдут слухи. А я не могу допустить, чтобы пустая болтовня навредила моей репутации.

Маркус побледнел:

— В самом деле. Я не подумал.

— Не страшно. — Эдвин встал. — У меня появилась мысль. Побудьте здесь, мой друг. Я попрошу Фрэнсис составить вам компанию. Пожалуйста, угощайтесь выпивкой, успокойте нервы. А я пойду к вам и поговорю с Филипсом. Постараюсь убедить его держать это дело в секрете.

У Маркуса будто груз спал с плеч. Он был рад, что кто-то другой взял на себя ответственность.

— Хорошая идея, если вы не против?

Эдвин похлопал соседа по плечу.

— Конечно нет. Устраивайтесь поудобнее. Я ненадолго.

Он нашел Фрэнсис на кухне за разговором с Агнес.

— Маркус расстроен, — обратился к ней муж и вкратце посвятил жену в то, что

произошло, игнорируя ее выражение лица.

— Я пойду к ним, разберусь. Не могла бы ты посидеть со стариком и успокоить его?

— Конечно, — вздохнула Фрэнсис.

Однако она, как будто, даже не расстроилась. Возможно, жена, наконец, поняла, что он — мужчина со своими нуждами. И пока он возвращается к ней, она находится в выгодном положении. Улыбаясь, он отправился в дом соседа, надеясь избежать встречи с Вайолет.

Эдвин обошел дом и заглянул в сад в поисках садовника. Ему повезло: Филипп копал грядки, обливаясь потом. Эдвин, дабы не запачкать брюки, аккуратно по травке приблизился к пареньку:

— Добрый день!

Филипп прекратил работу, выпрямился, молча вытер лоб и облокотился на лопату.

— По-моему мы оказались в щекотливой ситуации, — весело продолжал сосед, — мистер Харгривз объяснил мне, что нашел у дочери некоторые... — мужчина замялся и кашлянул, — неуместные изображения моей персоны. Он также попросил тебя уничтожить их... и все прочие картины мисс Харгривз.

Филипп кивнул.

— Мой дорогой, мне хотелось бы, чтобы ты отложил для меня пару картин. Особенно...

— Мистер Харгривз просил меня уничтожить все, — отрезал Филипп и вновь приступил к работе.

Наглость садовника разозлила Эдвина. Он схватил того за руку, пальцами впиваясь в крепкие мускулы паренька.

— Убери руки, — прошипел Филипп, стиснув зубы.

Эдвин и не думал. Тогда паренек быстро повернул свою руку так, что одним ловким движением обхватил запястье мужчины.

— Я знаю, что ты сделал с Вайолет и заставлю тебя заплатить.

Мгновение они смотрели друг на друга. Садовник был ниже ростом, но сильнее. Эдвин понял, что проиграет, а значит, потеряет работу, дом, планы на картины. Такого допустить нельзя.

— Ты — подонок, — сказал Филипп, освобождая запястье Эдвина. — И ты опоздал. Картины уничтожены. Все! И я очень рад.

Он, торжествуя, смотрел на Эдвина, а потом плюнул тому в лицо.

В бешенстве Эдвин набросился на парня и ударил по лицу. Филипп даже не вздрогнул: лишь вытер кровь из носа, отвернулся и продолжил работу.

Глава 53

1855

Фрэнсис

Фрэнсис стояла у двери и смотрела, как мистер Харгривз идет к церкви. По его словам, он нуждался в прощении, хотя не объяснил ей почему. Эдвин еще не вернулся. Женщина задалась было вопросом, что делает муж, но с облегчением обнаружила, что ей все равно. Пора уезжать отсюда и начать новую жизнь вдали. На крыше дома семьи Харгривз сидела стайка скворцов. Внезапно птицы взмыли в небо, а потом снова опустились на крышу.

— Тренируются перед тем, как улететь в теплые края, — вслух произнесла она. И тут ее осенило:

— Вот чем я должна заняться!

Она решила отрепетировать свое исчезновение: место, время, необходимые вещи,

которые понадобятся. Тогда она будет готова к своему «полету».

Хлопнула входная дверь. Женщина вздрогнула, услышав тяжелые шаги мужа.

— Фрэнсис! — рявкнул он. — Спускайся!

Ее затрясло: она слышала знакомые нотки гнева. Возможно, ей все-таки не все равно. Каждый шаг, пока она спускалась по лестнице, давался ей с трудом. Она оттягивала встречу с мужем.

Когда Фрэнсис вошла в комнату, Эдвин наливал себе виски, его злые глаза метали молнии. Ледяной ужас охватил женщину.

— Вот я одного не понимаю, — фальшиво-доброжелательным тоном начал муж, как будто продолжая прерванный разговор, — все время спрашиваю себя, почему женщина, которую люблю, так низко поступила со мной?

На мгновение Фрэнсис растерялась, не понимая, о какой женщине он говорит. Вайолет? Потом до нее дошло, что речь о ней. В шоке, женщина сжала руки, чтобы не выдать дрожь.

— Зачем тебе надо было выдумывать эту историю обо мне? Распространять такую гнусную ложь?

— Эдвин, дорогой. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Она приложила невероятные усилия, чтобы говорить как можно спокойнее.

Муж залпом осушил стакан виски и сделал шаг к жене. Фрэнсис сжалась, ненавидя себя и мужа за это. Все ее мысли были о ребенке. Она лихорадочно придумывала, как усмирить гнев мужа, но мозг отказывался работать.

— Мистеру Харгривзу кажется, что у меня с его дочерью непристойные отношения, — сказал он.

Фрэнсис удивилась: Маркус выглядел расстроенным и пристыженным, но его разговор с мужем прошел мирно. Не похоже, что мужчина пришел мстить за бесчестье своей дочери.

— Это ты сказала ему?

Эдвин ударил ее по лицу, притянул к себе и больно схватил за руку. Фрэнсис знала, что ей не вырваться.

— Я не знаю, о чем ты, — мягко повторила она.

Из ее носа потекла кровь, но она не вытирала ее.

— Ты? Сказала? Ему?

Фрэнсис прикусила щеку, чтобы остановить слезы. Эдвин грубо потянул ее за руку. Женщина почувствовала щелчок в запястье. И Эдвин тоже. Он странно улыбнулся и еще раз скрутил руку жены. С силой. Рука была сломана. Перед глазами потемнело, она почувствовала, что теряет сознание. Женщина не сдержалась и расплакалась. Эдвин отпустил ее. Фрэнсис рухнула на пол, прижимая к себе сломанную руку. В глазах мужа читалось отвращение.

— Ты предала меня. Неудивительно, что я ищу удовольствия на стороне.

Значит, это правда. Фрэнсис поразила несправедливость жизни, но лучше молчать, чем спорить.

— Понятия не имею, почему я женился на тебе, — сказал муж.

Он сел на один из гобеленовых стульев у камина, с ненавистью взирая на нее. Она попыталась сесть на пол, запястье опухло, и приобрело темно-синий цвет.

— Моя жизнь была бы намного лучше, если бы тебя в ней не было, — не унимался мужчина.

Фрэнсис неловко поднялась на ноги, опираясь на здоровую руку.

— Моя тоже, — ответила она.

Эдвин изумился: за десять лет брака Фрэнсис ни разу не посмела перечить ему.

— А ты женился на мне, — ее голос наполнился ядом, который обычно она скрывала, — чтобы завладеть семейным бизнесом моего отца после его выхода на пенсию, потому что у меня нет братьев. Ты женился, потому что без меня, без моих денег, без одобрения моего отца, ты бы всю жизнь был простым клерком в чужой адвокатской конторе.

Она зашла далеко и знала это. Но была не в силах больше сдерживаться. Как будто внутри ее прорвалась плотина. Эдвин встал, его лицо побагровело от бешенства. Фрэнсис подняла подбородок и посмотрела мужу прямо в глаза.

— Ты женился на мне, потому что я была первой из женщин, которая была настолько одурочена тобой, что сказала «да».

Эдвин с силой ударил ее по челюсти тыльной стороной руки. Фрэнсис отшатнулась, зацепилась за ковер и упала на пол, ударившись сломанным запястьем. Она закричала от боли. Над ней, с полуулыбкой на красивом лице, возвышался Эдвин.

Он повернул печатку на мизинце. Это кольцо, как подозревала Фрэнсис, муж приобрел в ломбарде, ведь у него не было семьи, чтобы получить такую роскошь по наследству. Кольцо порезало ее лицо, когда он ударил снова.

— Я уйду. Пришлю доктора, чтобы он посмотрел твою руку. Мы должны выкинуть этот ковер: по нему опасно ходить.

Фрэнсис пыталась снова сесть, но не смогла. Она глубоко вздохнула и сделала еще одну попытку. На этот раз успешную. Комната плыла перед глазами, кровь текла по лицу, но у женщины не было сил, чтобы ее вытереть. Эдвин повернулся, чтобы выйти, но остановился, передумав.

— Приведи себя в порядок. На тебя противно смотреть. И еще, Фрэнсис, никогда больше не смей говорить со мной в таком тоне!

Он пнул ее в живот и вышел, не оглядываясь.

Оставшись одна в комнате, Фрэнсис распласталась на полу, чувствуя болезненные спазмы в животе, и горько заплакала.

Глава 54

1855

Вайолет

Я лежала на кровати и смотрела в потолок. Прошло два дня с тех пор, как отец нашел мои картины. Два дня я сидела в спальне, ни с кем не разговаривая. Мне не хватало сил, чтобы встать, одеться, спуститься вниз. Хватит ли когда-нибудь опять?

Стук в дверь заставил подпрыгнуть. Я зарылась головой в подушку.

— Уходи!

Мэйбл зашла в комнату, держа поднос с тостами и вареными яйцами.

— Я сказала, уходи.

— Ну вот еще!

Она поставила поднос у изголовья, затем подошла к окну и раздвинула шторы. Яркий солнечный свет, заполнивший комнату, ослепил.

— Ваш отец уехал в Брайтон. А Филипп хочет, чтобы вы поднялись на чердак.

Я села и покосилась на поднос, чувствуя сильный голод.

— Зачем на чердак?

— И прямо сейчас, мисс. — Мэйбл открыла двери моей гардеробной, вытащила

платье. — Неужели думаете, что Филипс вас расстроит?

Я потянулась за куском тоста и покачала головой.

— Ну же... Поднимайтесь и посмотрите, чего он хочет.

Девушка положила платье на кровать:

— Я вернусь через пятнадцать минут.

Но я была готова через десять. Нервничая от неизвестности, я поднялась в студию.

Комната преобразилась: стены в дальнем углу были покрыты темно-красными обоями. Мольберт был разобран и сложен возле двери. Не видно следов ни одной моей картины. Шезлонг стоял под окном, где когда-то красовался мольберт. Мне стало плохо от увиденного. Филипс стоял на четвереньках и подклеивал обои. Он оглянулся, затем вскочил на ноги и ухмыльнулся.

— Не знаю, почему ты так светишься, — грубо бросила я.

— Сейчас поймете.

Он подвел меня к стене, пахнувшей обойным клеем.

— Видите разницу?

— Все картины пропали.

— Нет. То есть, да. Но есть еще кое-что. Посмотрите внимательно.

В полном замешательстве я посмотрела на стены, перевела взгляд на окна, потом опять на стены.

— Что ты сделал с маленьким окошком? — спросила я. — Куда оно делось?

Филипс, казалось, вот-вот лопнет от возбуждения.

— Оно за стенкой! — Он похлопал по обоям. — Вот за этой.

Я, все еще не понимая, пожала плечами:

— И?

— Как и все ваши картины.

Мои губы растянулись в улыбке.

— Ты возвел новую стену?

— Сначала я подумал, что мог бы просто замуровать нишу и оставить там ваши картины, чтобы однажды вы могли их снова достать. Но потом, я придумал, что надежнее будет сделать тайник.

Он дотронулся до губы. Только сейчас я заметила, что они распухли, а нос разбит.

Я протянула руку, но он отмахнулся.

— Все в порядке. Смотрите.

Филипс отодвинул шезлонг от стены и наклонился.

— Здесь маленькая дверь.

Он прощупал стену и нашел ее.

— Вам нужно просто нажать, и дверца отворится.

Он тихонько нажал на стену, и вдруг маленькая, не больше метра, дверь открылась.

— Даже я смогу поместиться внутри. Ну а уж вы — тем более. Попробуйте.

Я посмотрела на него, он кивнул. Я опустила на колени и с трудом протиснулась в маленькое пространство крошечной комнатки, похожей на узкий шкаф. Почти два метра в длину, а может чуточку больше. Полностью вытянуть руки у меня не получилось. Значит, скорее всего, метр в ширину. Потолок нормальной высоты, я спокойно встала. С одной стороны стены находилось маленькое окошко.

— Ну как? Вам нравится?

Филипс смог пролезть в комнатку лишь сжав широкие плечи. Он встал и стряхнул пыль с брюк. Места почти не осталось, и мы вынуждены были встать очень близко друг к другу.

— Чудесно. И необычно. Это действительно часть моей комнаты?

Филипс усмехнулся:

— Я всего лишь замуровал нишу. С другой стороны дома ее не видно. Там трубы. Но все выглядит хорошо. И потом я поменял цвет стен, поэтому кажется, что все другое.

Я в изумлении оглянулась:

— Так это настоящая тайная комната. Как у священников.

Филипс посмотрел на меня.

— Я знаю, у вас неприятности. И знаю, что у мистера Форреста бешеный нрав.

Он снова дотронулся до губы.

— Так это дело рук Эдвина? — Я не могла поверить.

— Лучше, если он ударит меня, чем вас, — ответил Филипс. — Похоже, он бьет свою жену?

Эта мысль никогда не приходила мне в голову. Я испугалась, что Филипс прав.

— О, не думаю.

Необъяснимо, но мне почему-то хотелось защитить Эдвина.

— Это было только один раз, и тогда был плохой день, ну а потом я сама виновата — разозлила его...

Филипс недоверчиво смотрел на меня. Я умолкла.

— В любом случае. Неважно, — спохватилась я. — Посмотри на эту комнату.

Но Филипс не отводил от меня взгляд.

— Как и сказал, сначала я хотел спрятать ваши работы, чтобы однажды вы смогли взять их. Но после подумал, что вам нужно место, где вас никто не найдет.

Под его пронизательным взглядом мне стало неловко.

— То есть мои работы...

— Они здесь. — Парень показал на угол. — Вспомнил, как однажды вы попросили свернуть их. Я убрал картины подальше от окна, чтобы они не поблекли. Куда не доходит солнце, я проверял. И краски ваши тоже там.

В противоположном углу стояли аккуратно сложенные палитра, кисти и краски.

Я ахнула. Все картины были на месте. Все, кроме «Марианны» и нескольких набросков Эдвина, которые я успела спрятать в шкафу на другой стороне чердака.

— Я сожгу мольберт и некоторые рамы, — продолжил Филипс, — чтобы у вашего отца не осталось сомнений. То же самое я сообщил мистеру Форресту. Он хотел заполучить некоторые из картин.

— Правда?

Интересно, не для клубной ли галереи? Возможно, таким образом, он хотел помочь мне, так же, как и Филипс.

— Значит, у него ничего нет?

— Нет. Не видать ему ваших картин!

Филипс вздумал принимать решения за меня. Я почувствовала легкое раздражение.

— В любом случае, это все. Но вам не стоит часто подниматься сюда.

— Отчего же?

— Приходите, если только очень нужно. Будете часто здесь появляться, пойдут домыслы. Люди догадаются. И петли на дверях проявятся, если их постоянно открывать.

— Ты действительно все продумал. Все ради меня?

Филипс опустил глаза.

— Я мало что смыслю в искусстве. Ваши картины мне понравились. У вас даже лица меняются, когда вы рисуете. Я сам видел. Все очень несправедливо, — он усмехнулся. — Терпеть не могу, когда несправедливо.

Я шагнула и взяла его за руку:

— Спасибо.

Он улыбнулся.

— Филипс, даже не знаю, чтобы делала без тебя. Ты хороший друг.

Он смущенно поддел меня локтем. Я потянулась и поцеловала его в щеку. Затем, вспомнив, как Эдвину нравятся мои проявления признательности, обвила шею парнишки руками и притянула его голову так, что наши губы соприкоснулись. На секунду его губы ответили, но затем Филипс резко отпрянул.

— Нет, Вайолет. Я не такой, как он. Я сделал это не для того, чтобы вы...

Он отвернулся. Мои щеки пылали от стыда.

— Я сделал это, потому что вы заслуживаете.

— Прости, — прошептала я.

Филипс покачал головой:

— Не извиняйтесь. Никогда передо мной не извиняйтесь.

— Я хочу сказать, что Эдвин... — начала я, желая все объяснить этому парню, этому замечательному человеку, моему единственному другу.

Но Филипс поморщился:

— Он — не тот. Вайолет, я знаю, вы думаете, что любите его или что-то вроде того. Но он не тот, кто вам нужен.

— Он не так плох, как ты думаешь.

Произнеся слова, я тут же почувствовала их пустоту. Филипс абсолютно прав. Эдвин — не тот. Он поднимал руку на меня, насиловал. Вероятно, так же издевался и над Фрэнсис.

Я, застонав, прислонилась к стене. Затем сползла на пол и села, обхватив голову руками.

— Ох, какая же я дура! Эгоистичная, глупая дура!

Филипс присел рядом.

— У вас не было шанса. Этот человек втянул вас. У него дар убеждения. Мне кажется, он ненавидит, когда ему отказывают.

— У него жена! — взвыла я в отчаянии. — Она предупреждала меня держаться от него подальше, а я не послушала.

— Вайолет, вашей вины нет.

Я наморщила лоб.

— Есть. Я так отчаянно хотела стать художницей, что согласилась на все. Он подписал мои картины своим именем. Подписал и продал их.

Филипс был в шоке:

— И рассказал вам?

— Я сама узнала.

— И что теперь делать?

— Понятия не имею, — призналась я. — Избегать Эдвина? Извиниться перед Фрэнсис? Выйти замуж?

— Не прекращайте рисовать. Обещаете?

Я улыбнулась:

— Обещаю.

Он снова мягко толкнул меня локтем.

— Не думайте, что вы одиноки в этом мире и никому не нужны.

Я могла бы выйти замуж за Филипса и начать новую жизнь далеко отсюда. Но так не будет. Я знала.

— Буду благодарна тебе за все, пока живу, — сказала я. — И, наверное, дольше.

Филипс обнял меня за плечи и поцеловал в висок.

— Пойдемте. Пора выбираться отсюда.

Глава 55

1855

Фрэнсис

15 сентября 1855 года

Эдвин в Лондоне уже неделю, а я ничего не слышала о нем. Мне все равно, я не скучаю по нему. Последние дни почти не выхожу из дома, ожидая, пока исчезнут синяки, и спадет опухоль с лица. Агнес ухаживает за мной с такой заботой и нежностью, что первое время я все не могла привыкнуть. Я позабыла прикосновения, наполненные любовью, а не гневом. Такая доброта почти невыносима и даже причиняет боль.

Кровотечения не было, спазмы в животе прекратились. Но в глубине души я чувствую, что моего ребенка больше нет. Эдвин забрал его у меня. Агнес спросила, на каком я месяце. Услышав ответ, она помрачнела: я уже должна чувствовать движения. Она тоже думает, что ребенок мертв, хотя ничего не сказала...

Громкий звон дверного колокольчика потревожил тишину в доме. Фрэнсис оторвала взгляд от дневника. Она слышала, как Агнес с кем-то разговаривала приглушенным голосом. Затем постучалась в гостиную.

— Мисс Харгривс, мадам, — сказала Агнес. — Я сказала, что вы не принимаете, но она очень настойчива.

Фрэнсис встала. Даже спустя неделю движения доставляли боль. Сердце колотилось. Она заставила себя улыбнуться.

— Конечно, Агнес.

Как домашняя кошка, Вайолет мягко скользнула в комнату. Она смотрела на Фрэнсис широко открытыми глазами. По щекам девушки бежали слезы. Худая и бледная. Даже волосы утратили блеск.

— Я пришла повиниться, — ее голос дрожал. — Я по глупости совершила непростительное. Мне стыдно.

— Присядьте, — с участием предложила Фрэнсис, показывая на диван.

Вайолет села, Фрэнсис мягко опустилась рядом. Она дала девушке носовой платок, которым та промокнула глаза. Наступила короткая, неловкая пауза. Фрэнсис замешкалась.

— Я знаю мужа, — начала она. — Поверьте, знаю его хорошо. У вас не было выбора.

Вайолет протянула руку и очень нежно коснулась синяка на челюсти Фрэнсис.

— Это он! — произнесла девушка. То был не вопрос.

Они смотрели друг на друга. Фрэнсис приподняла рукав и показала Вайолет перевязанное запястье.

— Но и я не смолчала. И мужу это не понравилось, — ответила женщина.

Вайолет покачала головой:

— Я думала... Эдвин говорил... Я была неправа.

Фрэнсис наблюдала, как у девушки постепенно, словно пазл, складывалась картинка в голове.

— Вы пытались предупредить меня. Я думала, вы хотите, чтобы я просто держалась подальше от вашего мужа. Но вы беспокоились обо мне, а я проигнорировала предупреждение.

Фрэнсис взяла девушку за руку:

— Я должна была изъясниться понятнее. Но мне тогда было страшно.

Вайолет понимающе кивнула.

— Я была так эгоистична, что не хотела слышать ваших слов.

Фрэнсис поднялась, слегка поморщившись от боли, и подошла к двери.

— Сейчас уже неважно, — сказала она, — я попрошу Агнес принести чай.

Как ни странно, она обрадовалась приходу девушки и понимала, сколько мужества той понадобилось. Несмотря на такое необычное начало, они, вероятно, смогут подружиться. Кто знает, что произойдет. Фрэнсис сомневалась, что мистер Харгривз позволит Вайолет продолжить полусвободное существование. И, по правде говоря, сама Фрэнсис еще не решила, что делать. Теперь, когда ребенка не стало, срочная потребность в отъезде отпала, но и оставаться было невыносимо. Она попросила Агнес принести чай, вернулась в гостиную и снова устроилась рядом с Вайолет.

— Где отец? — поинтересовалась Фрэнсис.

Вайолет прикусила губу.

— В Манчестере. Но я не получаю от него вестей.

Гостья устремила прямой и чистый взгляд на хозяйку.

— Вы злитесь от того, что не можете поступать так, как хотите?

Фрэнсис задумалась.

— Я злюсь, потому что не могу выразить свои чувства.

Вайолет улыбнулась.

— С тех пор как уехал отец, я выхожу в сад и кричу.

— Кричите?

— Достаточно громко.

— Становится легче?

Вайолет хмыкнула:

— Совсем нет.

Фрэнсис улыбнулась. Ей нравилась эта девушка, несмотря на странные обстоятельства, которые их столкнули.

— Посмотрите на нас. Я вынуждена ждать возвращения мужа, который бьет меня, а вы ждете своего отца.

— Как Марианна, — сказала Вайолет.

Фрэнсис вопросительно посмотрела:

— Кто это?

— Персонаж из «Мера за меру», — объяснила Вайолет. — Еще есть стихотворение Теннисона. Она ждала жениха, но лодка с ее приданым затонула, поэтому ждала напрасно...

Она смутилась.

— Есть ее портрет кисти Милле. Я скопировала его, но изменила лицо: нарисовала

свое.

— Свое?

Вайолет кивнула.

— Как умно!

Женщина на самом деле так думала. Она завидовала творчеству Вайолет:

— Ваш талант поможет вам обрести свободу.

Но Вайолет покачала головой:

— Отец хочет выдать меня замуж. Он уехал уговаривать одного из своих сотрудников стать моим мужем. И тот, конечно, согласится, даже если я против. Бизнес отца привлекателен.

Ее голос стал резким, наполнился горечью.

— И мне придется согласиться. Потому что...

Она замолчала и отвернулась, заливаясь краской.

— Потому что..., — Фрэнсис догадалась.

— Потому что, думаю, жду ребенка.

Фрэнсис почувствовала необычайное волнение:

— Закрывая одну дверь, бог открывает другую, — прошептала женщина.

Взгляд Вайолет ничего не выражал.

— Все двери закрыты. — Она повысила голос. — Я выйду замуж за Джона Уоллеса и буду лгать, что он отец ребенка. И забуду о картинах.

Но Фрэнсис пропустила тираду мимо ушей.

— Вайолет, передайте мне, пожалуйста, мой дневник. Вон там, на письменном столе.

Девушка удивленно встала и передала тетрадь. Хозяйка положила дневник на колени, разглаживая коричневую кожаную обложку, перевела взгляд на гостью.

— Я планировала побег.

Вайолет прижала руку ко рту:

— Побег? Куда?

Фрэнсис улыбнулась:

— Мне кажется, достаточно далеко. В Шотландию.

Вайолет растерянно рассматривала Фрэнсис. Женщина продолжила:

— У меня есть деньги. И довольно много. В этом дневнике описан план: расписание поездов, карты, моя придуманная история...

— Вы все это сделали?

Фрэнсис кивнула. Она вручила дневник Вайолет.

— Почитайте. Там все расписано. По большей части в конце. Расписание поездов. Я рассчитала, когда нужно покинуть дом, чтобы успеть на поезд из Брайтона.

— Когда мне ехать? — переспросила Вайолет.

Но тут ее бледное, красивое лицо помрачнело.

— О нет, миссис Форрест, это ваш план.

— Мне он больше не нужен. Вы должны думать о своем будущем. И о ребенке.

Ее голос дрогнул, но Вайолет листая тетрадь, не заметила.

— Нельзя мириться с тем, что вы сделаетесь несчастной, — яростно продолжила Фрэнсис. — Ваше творчество будет убито, а талант задушен.

Вайолет посмотрела на нее.

— Убежим вместе?

Хозяйка дома покачала головой:

— Две женщины, путешествующие без мужчин, привлекут ненужное внимание.

— Тогда приезжайте позже.

В серых глазах Вайолет снова вспыхнул блеск жизни, пробужденный новыми планами.

— Я смогу уехать в ближайшее время. Возможно, через несколько дней. Устроюсь, — ее речь была торопливой и сбивчивой, — выучу новую биографию вашу и мою, найду жилье. Потом отправлю весточку, и вы сможете присоединиться ко мне. Вы сможете быть рядом, когда появится ребенок.

Она смотрела на Фрэнсис широко открытыми глазами.

— Я боюсь. Боюсь одна. Вы нужны мне.

Фрэнсис почувствовала огромное облегчение. Это может сработать. Ей не нужно проводить дни с Эдвином, боясь его кулаков и презрения. Она могла бы начать новую жизнь, построить новую семью.

— Вы можете стать моей сестрой, которая приехала помочь с ребенком.

— Сестрой? — Фрэнсис с сомнением оглядела свою крепкую фигуру, затем перевела взгляд на стройную, длинноногую Вайолет.

— Мы от разных матерей, — небрежно бросила Вайолет. — Неужели у кого-то хватит наглости интересоваться?

Фрэнсис засмеялась:

— Видите: лгать нетрудно. — Она помолчала. — У меня нет семьи. Никого, кто скучал бы по мне, или наоборот. Но у вас есть отец. Что будет с ним?

Вайолет закусил губу, став похожей на потерянного ребенка.

— Вы знаете, когда он возвращается?

Девушка покачала головой:

— Может через несколько недель. Он часто останавливается в Манчестере на месяц. Говорит, что путешествие настолько утомляет, что нужно время, чтобы прийти в себя.

— Тогда у вас есть время все обдумать. Возьмите дневник. Читайте и решайте. И, Вайолет, подумайте об отце.

Девушка кивнула, закрыла тетрадь.

— Я позабочусь об этом, — сказала она, вставая. — Спасибо, миссис Форрест.

Фрэнсис медленно поднялась следом.

— Пожалуйста. Называй меня Фрэнсис. Если мы станем сестрами...

Вайолет улыбнулась, а затем неловко обняла хозяйку дома, удивив ее.

Девушка прошептала в волосы Фрэнсис:

— Спасибо.

Глава 56

1855

Вайолет

Следующие два дня я читала и перечитывала дневник Фрэнсис. Составляла и сжигала списки на случай отъезда или отмены планов. Написала письмо отцу, рассказав о своих детских чувствах в день похорон матери, когда потеряла обоих родителей. И тоже сожгла. Я плакала, читая о побоях мужа, доставшихся Фрэнсис. Чувство вины овладело мной: я уйду, забрав ее идеи, а бедная женщина останется во власти тирана. В конце концов, я решила найти Филиппа.

Он чинил полку в кладовке.

— Ты занят?

— Да, — из-за гвоздей во рту его голос звучал приглушенно.

Я осталась стоять рядом, вода носком ноги по полу.

— Вы еще здесь?

— Да, — передразнила я его.

Филипс выгацил гвозди и примирительно улыбнулся. Встал и прошел через черный вход в сад, я последовала за ним. Мы подошли к дереву на дальней стороне лужайки, и мне вдруг захотелось броситься на траву. Потом, вспомнив о ребенке, хотя не было уверенности в беременности, но все-таки на всякий случай боясь навредить малышу, я осторожно присела рядом с моим другом.

— У меня некоторые неприятности, — начала я.

— А когда у вас их не было, — с теплотой ответил он.

Я медленно покачала головой. Филипс внимательно посмотрел на меня.

Повисла пауза.

— Что собираетесь делать?

— Ну. Можно выйти замуж за Джона Уоллеса и сделать вид, что ребенок его, и зажить уважаемой жизнью.

— Выходите за меня, — вдруг поспешно произнес Филипс. — Не надо за Уоллеса. Выходите за меня.

На мгновение я даже поддалась искушению. Но отец был бы против. К тому же, зная, насколько Филипс презирает Эдвина, я сомневалась, что он полюбит этого ребенка, как родного.

Я взяла руки паренька в свои.

— Уильям, милый, я бы с радостью, но не могу. И ты это знаешь.

— Нет, не знаю. У нас бы получилась хорошая семья.

Я покачал головой:

— Мне дорого и приятно твое предложение. Но нет.

Он дернул плечами.

— Если не собираетесь замуж, что будете делать?

Я вздохнула:

— Бежать.

Филипс фыркнул:

— Куда отправитесь? Чем займетесь?

Я почувствовала гордость за Фрэнсис, за проделанную кропотливую работу и план.

— У меня есть деньги. Я знаю, куда можно уехать. Только не решаюсь покинуть отца. Ведь кроме меня у него никого больше нет.

Филипс нахмурился:

— Тогда оставайтесь. Это безумие. Не уходите. Как вы одна в этом мире? Да еще с малышом, о котором надо заботиться? — Он замолк. — Вы разобьете сердце отца, Вайолет.

Позже, вспоминая его слова, я понимала: Филипс прав. Отец любил меня, хотя был строг и требовал подчинения. Схватив бесценный дневник Фрэнсис, я поднялась в свою бывшую студию и спрятала его в шкафу, где лежала моя «Марианна». Затем встала посреди комнаты, представляя себе жизнь без творчества. И не смогла. Я не смогла представить, как проживу без живописи. Может я могла бы выйти замуж за Джона Уоллеса и рисовать? А что касается ребенка, то, возможно, его и не будет. Я не была уверена и вряд ли буду еще в

течение нескольких недель.

В ту ночь, натягивая пижаму, я приняла решение остаться дома, постараться восстановить отношения с отцом. Я сделаю так, чтобы мой брак стал образцовым: буду ответственной, верной женой, а если придется рисовать тайком, то значит, так тому и быть. Успокоившись и испытав облегчение, я уснула. Все будет хорошо.

На следующее утро я проснулась и решила понежиться в постели, наслаждаясь низким осенним солнцем, заглядывающим через окно в мою спальню. Но встав, внезапно почувствовала ужасную тошноту. Еле успела вытащить ночной горшок из-под кровати, как меня стошнило несколько раз подряд. Это было первой причиной, побудившей меня изменить раннее принятое решение.

Четверть часа спустя пришла Мэйбл. Я, бледная, в поту, сидела, склонившись над горшком. Никогда никому я так не радовалась.

— О, Мэйбл!

Она забрала горшок и пригладила мои волосы, прилипшие к взмокшему лбу.

— Имбирь, — произнесла служанка. — Моя сестра использует его, когда мучается от ...

Она внезапно остановилась на полуслове. Девушка не произнесла вслух то, о чем мы обе подумали. Я была ей чрезвычайно благодарна.

— Вы сможете одеться? — спросила Мэйбл.

Я кивнула, чувствуя волчий аппетит.

— Завтрак готов. И пришло письмо от отца.

Вторая причина, склонившая меня к побегу.

Моя дорогая Вайолет,

У меня хорошие новости: состоялся продолжительный разговор с Джоном Уоллесом. Он согласен. Вайолет, я знаю — это не то, о чем ты мечтала, но боюсь, мы должны быть реалистами. Без хорошего брака у тебя нет крепкого будущего, а мой бизнес в конце концов придется продать. Таким образом, я спокоен: когда меня не станет, ты будешь в надежных руках.

Уоллес порядочный и добрый, и я знаю, он позаботится о тебе.

Потом шло описание его деловых сделок в Манчестере, а следом:

Завтра мы покидаем Манчестер и надеемся приехать в Сассекс на неделе. Я поинтересовался у преподобного Мэплторпа, нельзя ли обвенчать вас в следующие выходные. Учитывая сложившиеся обстоятельства, лучше все устроить как можно скорее.

Опять подступила тошнота. Я сидела одна за длинным обеденным столом, где год за годом с отцом принимала пищу в тишине. Я представила себя через двадцать лет, сидящей на этом же самом месте напротив Джона Уоллеса, и без тени сомнения поняла, что не смогу так жить. Я допила кофе и поднялась. Надо немедленно найти Фрэнсис и приступить к задуманному. Я так торопилась, что забыла шляпку и перчатки. Выйдя в сад, столкнулась с Филиппсом.

— Не делайте этого, Вайолет.

Я молча прошла мимо, направляясь к дому соседки. Громко постучала в дверь, чувствуя взгляд Филиппса. Дверь открыла Агнес. Она проводила меня на солнечную террасу, где завтракала Фрэнсис. Увидев меня, женщина поднялась. Ее лицо выражало надежду.

Я протянула соседке руку:

— Решено!

Вайолет и Фрэнсис смеялись, подходя к входной двери.

— Не верится, что я теперь Флоранс, — сказала Вайолет.

— Буду звать тебя Фло, — ответила Фрэнсис, хихикая словно девчонка.

— Не забывать бы мне отзываться на новое имя. — Вайолет взяла соседку под руку. —

Думаю, из нас получатся прекрасные сестры: Флоранс и Полли.

Фрэнсис ощущала, как ее беспросветная жизнь обретала надежду. Ей все еще было горько от потери ребенка, но дружба с девушкой давала силы строить будущее. Они встречались каждый день, чтобы обсудить детали побега Вайолет и скорый переезд к ней Фрэнсис. Все было почти готово. Осталось осуществить задуманное.

Фрэнсис, прощаясь, открыла входную дверь.

— Боже, уже стемнело. А я и не заметила.

— Это потому, что ты без умолку болтала, — поддразнила Вайолет.

Они снова рассмеялись. Вдруг Фрэнсис вскрикнула, увидев фигуру, появившуюся из темноты.

— Как мило, — послышался голос Эдвина.

Сердце Фрэнсис остановилось. Рядом с ней застыла Вайолет.

Мужчина, покачиваясь, шел по саду. Приблизившись, бросил дорожную сумку к ногам жены.

— Что она здесь делает? — зашипел он ей в лицо, обдавая парами виски.

— Мисс Харгривз просто зашла навестить. — Фрэнсис отпрянула, заикаясь.

— Шлюхи, — металлическим тоном бросил Эдвин. — Строите козни против меня?

Фрэнсис попыталась непринужденно пошутить:

— Козни? О, Эдвин! Во имя всего святого, с чего мне что-то замышлять против тебя? В любом случае, ты же меня знаешь. Я бы не смогла, даже если очень хотела. Я не настолько умна, как ты.

Она видела вопросительный взгляд Вайолет и надеялась, что девушка поймет ее намерения успокоить подозрения мужа.

— Верно, — раздраженно проворчал Эдвин. — Ты — глупейшая из женщин, каких я когда-либо знал.

Фрэнсис опустила глаза, проглотив оскорбление. Муж продолжал:

— Глупа! Глупа настолько, что веришь всему, что тебе плетут.

Фрэнсис вымученно улыбнулась:

— Эдвин, ты единственный человек, чье мнение ценно для меня.

Вайолет выглядела испуганной и злой. «Опасное сочетание», — подумала Фрэнсис.

— Не разговаривай с ней так. — Девушка встала на защиту Фрэнсис.

— Шш..., — испуганно остановила ее Фрэнсис, но было поздно. Взгляд мужа уперся в юную леди.

— Говорю со своей женой так, как хочу. Ты кто такая, чтоб указывать мне?

Вайолет хотела что-то сказать, но Фрэнсис крепко сжала ее руку.

— Иди, — сказала она Вайолет. — Иди домой.

Девушка попыталась пройти мимо Эдвина, но одним ловким движением он схватил ее за длинные волосы, намотал их вокруг кулака и грубо притянул к себе.

Вайолет закричала. Ее голова откинулась назад.

— Что ты ей сказала? — прорычал мужчина ей в ухо.

— Ничего. Я ничего не сказала.

Девушка начала плакать.

Фрэнсис ощутила беспомощность. Она отчаянно хотела помочь Вайолет, но страх перед мужем сковал ее.

— Эдвин, — голос жены дрожал, — отпусти мисс Харгривз.

Мужчина еще раз грубо дернул девушку за волосы. В этот раз закричали обе женщины.

— Отпусти ее. — На дорожке показался Филипс.

— О, смотри, Вайолет, — пропел Эдвин. — Твой рыцарь в сияющих доспехах. Пришел защитить твою честь. Ха! Немного поздновато для этого.

Тем не менее, он выпустил девушку.

Фрэнсис, все еще дрожа от страха, обняла подбежавшую к ней Вайолет, у которой на коже по линии роста волос выступила кровь. Женщина поцеловала девушку в висок.

— Ну все, все, — тихим голосом прошептала она девушке. — Филипс наведет порядок.

Но уверенности не было. Глаза мужа сверкали знакомым бешенством. Она по опыту знала: муж уже перешел внутреннюю границу дозволенного, не опасаясь последствий. Она испугалась за парня.

— Поздно, — произнес Филипс. — Все устали. Зайдите в дом, а утром мы поговорим с случившемся.

Фрэнсис крепче обняла Вайолет и зажмурилась: муж ненавидел, когда ему указывали, что делать.

Эдвин с презрением взглянул на парня. Женщина невольно сравнила их: Филипс был ниже, но моложе и сильнее. В случае драки у него могло быть преимущество. У Эдвина, очевидно, были те же мысли.

— Ты прав. Мне жаль. У меня был тяжелый день и, возможно, виски уже лишнее. Приношу извинения за свои действия.

Он протянул руку Филипсу, но, когда парнишка, расслабившись, подал свою, Эдвин атаковал первым. Удар пришелся под челюсть. Голова Филипса запрокинулась, глаза закатились, ноги подкосились. Он рухнул на землю, из его носа потекла тонкая струйка крови.

Вайолет завопила:

— Ты убил его! Убил его!

Шум разбудил тишину вечера.

«Сейчас, кто-нибудь придет сюда и поможет нам», — в отчаяние подумала Фрэнсис.

Она внезапно успокоилась, быстро и решительно зашептав на ухо девушке:

— Вайолет, послушай. Я смогу отвлечь Эдвина. Ты должна уходить, понимаешь? Иди домой и спрячься. Если он узнает, что твоего отца нет, придет за тобой. С первыми лучами солнца бери деньги, дневник и уходи, как мы и планировали. Пришли весточку, когда будешь в безопасности.

Вайолет замолчала, все еще цепляясь за Фрэнсис. Эдвин повернулся к женщинам.

— Шлюхи, — снова зашипел он. — Почему вы мучаете меня?

— Иди. — Фрэнсис так сильно оттолкнула Вайолет, что та упала. Тяжело дыша, Фрэнсис помогла ей встать и снова толкнула:

— Уходи, уходи!

Она видела кровь на ноге девушки, но рана была небольшой.

— Беги-беги. Домой к папочке, — с издевкой проговорил Эдвин.

Вайолет растворилась в темноте. Фрэнсис взяла себя в руки, видя приближающегося мужа. Она старалась не смотреть на тело Филипса.

— Моя дорогая жена. Втыкаешь нож в спину мужа? Распространяешь лживые сведения среди соседей?

Фрэнсис видела его глаза, наполненные ненавистью. Она развернулась и побежала в дом. Но Эдвин опередил ее. Фрэнсис достигла верхних ступенек лестницы, когда муж, изрыгая проклятья, схватил ее и сбил с ног. Она рухнула на пол, голова сильно стукнулась о перила. Находясь в полубессознательном состоянии, женщина замерла. Зловещая фигура мужа возвышалась над ней, словно монстр из страшной сказки. Женщина пыталась ползти, но он наступил на нее.

— Лежать! — Эдвин расстегивал ремень. — Ты — моя жена и тебя стоит прочесть.

Нога женщины пульсировала от боли, голова раскалывалась. Левый глаз заплыл, она им ничего не видела.

«Сейчас я умру», — подумала Фрэнсис, зная, что во всем мире никого нет, кто бы мог помочь ей сейчас. Даже если кто-то слышал шум, то не станет вмешиваться в ссору между мужем и женой.

Эдвин все еще возвышался над ней, как вдруг всепоглощающие злость и гнев охватили женщину. Хватит! Слишком долго она боялась! Эдвин спустил штаны. Вот ее шанс! Здоровой ногой она попыталась пнуть его, но не дотянулась. Не хватило сил даже на это. Но резкое движение жены застигло мужа врасплох. Он отшатнулся, оступился на ступеньке, кубарем покатился вниз.

Фрэнсис слышала тяжелый удар тела о плитку пола гостиной. Перед глазами потемнело.

— Как же я устала!

Женщина закрыла глаза и тотчас уснула.

Глава 58

1855

Вайолет

Я все бежала и бежала, приподняв юбку. Ветер сорвал мою шляпку и закружил в темноте ночи, но ничто не могло остановить меня. Я домчалась до сада перед центральным входом, ворвалась в дом и бросилась вверх по лестнице на чердак. Нога нещадно кровоточила, но, испуганная, я не обращала внимания на боль.

Дом был тихим и темным. Мэйбл давно ушла домой, а Филипс... Я всхлипнула. Не могу думать о нем сейчас. Без сил я легла на пол студии, чтобы немного успокоиться. Внезапный шум на улице заставил подпрыгнуть. Если это Эдвин, то он непременно отыщет меня. Надо спрятаться. Вспомнились слова Филипса: «На всякий случай, если тебе когда-нибудь понадобится укрытие».

Постанывая, я заставила себя встать и заковыляла в угол комнаты, где проскользнула за шезлонг. Слегка задыхаясь, я отодвинула его и нащупала скрытую дверцу. Руки дрожали и не слушались, дверь не поддавалась.

— Ну же, Вайолет, — приказала я себе.

Как раз в тот момент, когда мне удалось открыть дверь, послышался новый шум снаружи, едва не парализовавший меня. На миг я вспомнила о дневнике Фрэнсис,

спрятанном в шкафу в противоположном углу комнаты, но шум приближался. Я легла на живот и вползла в тайную комнату, напрасно пытаюсь придвинуть шезлонг на место. Неважно, с рассветом я покину дом.

Дверь тайной комнаты закрылась. Послышался щелок задвижки. Я ничего не видела, лишь слышала собственное дыхание. Когда глаза немного привыкли к темноте, проползла в уголок, где обессилена свернулась, поджав ноги. Я думала о Фрэнсис, надеялась, что она в безопасности. Эдвин был пьян. Может, он забылся до того, как успел вымесить зло на жене?

«Скоро все закончится: всего одна ночь, и я стану свободной».

Несколько часов спустя я очнулась. Тело затекло, хотелось пить. Серый рассвет вползал в крошечное окошко. Нога горела и невыносимо болела. Я спустила чулок и осмотрела рану: блестящая багровая кожа натянулась. О том, чтобы снова надеть чулки не было и речи. Тогда я сняла их и забросила в угол. Затем перевернулась на живот и толкнула дверь. Она не открывалась.

— Странно, — произнесла я, стараясь вспомнить, как это делал Филипс. Ну почему я не была внимательней? Думай логически, Вайолет! Где-то сбоку должна быть задвижка. Надо толкнуть сильнее. Так, надавить и потянуть на себя... Но дверь как будто приросла к стене. Я попыталась просунуть пальцы к краю, но после нескольких попыток лишь стерла их до крови.

От страха выступил пот. Знала, паниковать нельзя, но ничего не могла поделать. Неужели останусь здесь навечно? Только Филипс и я знали о тайной комнате. Папа вернется через неделю. Мэйбл никогда не заглядывала на чердак. Я подошла к крошечному окошку. Оно было совсем узким, не шире моего лица. Никто не заметит меня. Я выглянула наружу. Шел дождь. Капли стекали по стеклу.

Я могу разбить окно и позвать на помощь. Возможно кто-нибудь, гуляющий вдоль скал, услышит. Надо найти что-нибудь тяжелое. Филипс аккуратно сложил все мои художественные принадлежности в угол, но ничто не подходило для этих целей. Тогда я сняла туфлю, обмотала ее чулком и ударила по стеклу. Бесполезно. Окно было очень узким. Ничего не оставалось, как ждать. Я стянула шаль с плеч, свернула ее в виде подушки, легла и закрыла глаза.

Глава 59

1855

Фрэнсис

— Миссис Форрест. — Голос звучал издалека. — Миссис Форрест.

Фрэнсис открыла глаза, зажмурилась от яркого света и снова закрыла их.

— Миссис Форрест, — кто-то взял ее за руку, — вы меня слышите? Сожмите мои пальцы.

Фрэнсис сжала чьи-то пальцы и снова открыла глаза. Она дома, в своей постели. Был день. За окном шумел ливень. Доктор в строгом черном костюме держал ее за руку. Позади него стояла Агнес со стаканом воды в руке.

— Ну, здравствуйте. Мы боялись, что вы собираетесь покинуть нас.

Фрэнсис облизнула сухие губы и приложилась к стакану воды, протянутому служанкой. Она пила и пила, не останавливаясь.

— Осторожно, — сказала Агнес, — как бы ни стало хуже.

Фрэнсис снова закрыла глаза.

Когда она вновь проснулась, доктор уже ушел, дождь прекратился, и боль в голове

утихла. Женщина неподвижно лежала несколько минут, чувствуя боль в перевязанной ноге и опухшем глазу.

Дверь распахнулась. Вошла Агнес с кучей белья.

— О, вы проснулись. — Лицо служанки осветилось редкой улыбкой.

— Сядь, — прохрипела Фрэнсис. — Расскажи, что произошло.

Она хотела знать, что случилось после того, как Эдвин, убив Филипса, скатился с лестницы. Но Агнес неправильно истолковала слова хозяйки.

— О, вы не помните? А я говорила доктору. Я говорила, что вы не вспомните. Конечно. Такой удар головой!

Фрэнсис не стала переубеждать служанку. Лучше будет, если все подумают, что она, в самом деле, потеряла память.

— Нападение. Кто-то вломился в дом.

Глаза служанки внимательно смотрели на хозяйку.

— Кто-то вломился, — повторила Фрэнсис.

— Мадам, ваш муж... — Агнес сделала паузу, взяв женину за руку. — Мистер Форрест вернулся из Лондона. Боюсь, что нападавший столкнул его с лестницы. Он мертв, мадам.

Фрэнсис моргнула.

— Мертв?

Смысл слов не доходил до нее.

— На Уильяма Филипса, садовника из соседнего дома, тоже напали. В вашем саду. Он жив, но только, доктор думает, что паренек не протянет и ночи.

Глаза Фрэнсис наполнились слезами.

— Хороший парень.

— Есть еще плохая новость. О мисс Харгривз.

Фрэнсис постаралась не выдать волнения.

— Она пропала. Никто ее не видел.

Фрэнсис молча возликовала: молодец, Вайолет! Вслух же произнесла:

— Боже мой! Ее ищут?

— Вы спали два дня. За это время обыскали деревню и пляж. Ее шляпка нашлась возле скал. Наверное, она утонула. Но следов нет. Доктор послал за ее отцом.

— Бедная Вайолет, — прошептала Фрэнсис, думая, сколько смелости понадобилось юной леди.

В дверь постучали. Показалась голова доктора:

— А, — улыбнулся он, — вы выглядите намного лучше.

Он вошел в комнату и приставил стул к кровати Фрэнсис.

— Агнес вам уже рассказала? — Его брови нахмурились.

Фрэнсис кивнула.

— Соболезную по поводу мужа, моя дорогая.

Женщина опустила глаза.

— Тем не менее, он будет жить, — продолжил доктор.

Фрэнсис испуганно посмотрела на мужчину. Агнес снова взяла хозяйку за руку:

— Она еще не знает.

— Фрэнсис, — сказал доктор, — вы ждете ребенка.

Голова женщины закружилась:

— Но... я же упала...

— Ребенок, очевидно, крепкий малый. Поздравляю, моя дорогая!

Плохие и хорошие вести оставили ее без сил. Она положила руки на живот, по телу разлились тепло и покой.

— Я устала. Мне хочется спать.

Глава 60

1855

Вайолет

Я рисовала. Шел третий день заточения. В первый день я проспала большую часть дня и проснулась в темноте, потерянная и сбита с толку. Чтобы следить за временем я нарисовала на стене линию, обозначающую первый день. Отец обязательно найдёт меня, когда вернется. Только когда это произойдет?

Задумавшись, я водила кончиком кисточки по руке. Может, мне удастся открыть дверцу с ее помощью? Я встала на колени и попыталась просунуть щеточку через дверь, но кисть была слишком широкой. Нужно как-то запилить ее. Я потратила некоторое время, потирая ее о неровный край кирпичей вокруг окна, при этом поранив костяшки пальцев. Но, несмотря на то, что теперь кисть проходила через щель двери, при сильном нажатии, она сломалась.

Измученная, я опустилась на пол, прислонилась к двери. Все что могла придумать, чтобы вызволить себя из комнаты, я перепробовала. Ничего не помогло. Теперь надо просто дожидаться отца. Хотя у меня появилась еще одна идея. Передо мной лежали краски и чистая стена.

Я взяла карандаш и приступила к наброску. Через два дня почти половина стены изображала мой вариант «Марианны». Я без труда рисовала ее по памяти. Только теперь комнату Марианны представляла серая камера, в которой была заключена я сама. Вместо больших, витражных окон — маленькое окошко, окруженное голыми кирпичами. Вместо брошенной вышивки — кисти и краски. Я изобразила девушку с моим круглым лицом и рыжими волосами.

Дни и ночи проходили в странном, непонятном ритме. Я отмечала их на стене линиями под нарисованными солнцем и луной. Есть больше не хотелось. Меня постоянно одолевали слабость и усталость. Поэтому я немного рисовала, а после отдыхала. Большую часть времени спала. Верхняя одежда служила постелью. Я оставалась в нижней сорочке. Беспольные крики и стук по окну приводили к обмороку, и я оставила все попытки. Ничего. Скоро придет отец. Но в доме по-прежнему царила гнетущая тишина. Ни намека о проживающих людях.

На шестой вечер я закончила свою версию «Марианны». Она была огромна. Мне приходилось вставать на коробку, чтобы добраться до потолка. Краска светилась при закате. Это, без сомнения, моя лучшая работа. Хотя теперь мой мозг, танцуя от мысли к мысли, пребывал в причудливом мире, настоящем и фантазийном одновременно. Иногда я не знала, бодрствую или сплю.

Тем же вечером усталость неожиданно переполнила меня и, впервые за все время, охватило чувство безнадежности. Я была очень слаба и боялась, что отец никогда не найдет меня. Я свернулась в углу комнаты и уснула. Через несколько часов проснулась, но сон не помог. Слишком уставшая, чтобы подняться, я лишь поправила грудь одежды и снова провалилась в сон.

Позже, когда дневной свет заполнил комнату, я очнулась. На этот раз у меня было чуть

больше энергии. Дрожащей рукой я взяла кисть. Встать не было сил. Поэтому сидя на полу я вывела «*Вайолет Харгривз*» неровным почерком на стене над дверцей напротив «*Марианны*». Обессиленная, прислонила лоб к прохладному кирпичу и снова провалилась в забытие. Очнувшись, с трудом подняла кисть и дописала «*Эдвин*». Но не подобрала слов чтобы объяснить, что он сделал. Поэтому вычеркнула его имя и написала «*Фрэнсис*», а рядом «*прости*».

Все еще держа кисть, я доползла в гнездо из одежды, легла и свернулась калачиком. Голова гудела, глаза горели. Вдруг боль прошла: меня обняли чьи-то руки, я почувствовала знакомый запах, который не ощущала много лет.

— Мама!

Мама поцеловала меня и погладила волосы, как она делала в моем детстве.

— Тише, дорогая, — сказала она. — Тише. Теперь ты в безопасности. Спи.

Как же я обрадовалась! Я ждала отца, но пришла мама. Я хотела рассмотреть ее. Но яркий свет, окружавший ее, ослеплял.

— Тише, — вновь произнесла мама, — засыпай.

И я уснула.

Глава 61

Наши дни

Элла

Я пребывала в полной растерянности. Все усилия найти следы Вайолет ничем не увенчались. Ее не было в Шотландии. Никто не скрывался под именем Фрэнсис Форрест. На первый взгляд казалось, что девушка действительно утонула. Я даже провела целый день, пялясь на непостижимые для меня явления прилива и отлива, пытаюсь сообразить, куда волна может вынести тело, упавшее со скал. Какой-то замкнутый круг!

И все же, я не могла отделаться от чувства, что обречена рассказать историю художницы. Да, моя книга о Тесс находилась у редактора. Но в глубине души я понимала: она средненькая. Ведь я почти не уделяла ей должного внимания.

Осень плавно переходила в зиму. Погода ухудшилась. Я всеми силами старалась позабыть «*Тайну Дома на скале*». Напрасно. Даже совместное с мужем решение выставить лондонский дом на продажу и выкупить наше жилье в Сассексе по смехотворно маленькой цене, предложенной владельцем, не отвлекало меня от навязчивых идей.

— Разве ему не хочется выручить хорошие деньги за дом? — поделилась я своими сомнениями с Прией в один из ноябрьских дней.

Я приехала к ней накануне ее родов, чтобы помочь собраться. Но вместо сборов мы сидели на диване, ели шоколад из «*Рождественского календаря*», купленного мною для сыновей.

— Он объяснил так: дом, словно камень на шее. Много лет не удавалось его даже сдать. И купив, мы сделаем ему одолжение.

— Что ж, его убытки. — Прия вытащила шоколадку из пятнадцатого окошка. — Он пожалеет, увидев переделанную персиковую ванную.

— Вряд ли. Она мне нравится.

— Не шути так. Я не в настроении.

— Боишься родов?

— Просто в ужасе: через несколько часов родятся близнецы! Расскажи мне еще что-нибудь. Надо отвлечься!

— Я искала сведения о неопознанных утопленниках пляжей Сассекса.

Прия нахмурилась.

— Вайолет? Все еще в поисках?

— Я должна найти ее, Прия.

— Элла, — устало ответила подруга. — У меня было много судебных дел, решенных не так, как хотелось бы. Я видела преступников, выпущенных на свободу. Видела людей, переживших тяжелую утрату, никогда не узнавших, что случилось с их близкими. Если ты не отпустишь, эта боль съест тебя изнутри.

— Не могу выкинуть ее из головы.

— Понимаю, ты ощущаешь некую связь с ней. Но отец Вайолет потратил всю свою жизнь на поиски и потерпел неудачу. Вероятно, твои попытки тоже бесполезны.

Я откинулась на спинку дивана и жестом попросила ее передать мне шоколад из календаря.

— Ты права. Знаю, что права. Но не могу отказаться.

Прия тяжело вздохнула и погладила живот: кто-то из близнецов пнул ее. Я тоже провела рукой по ее животу и улыбнулась, почувствовав движения под рукой.

— Ты писатель, Элла. Почему бы не изложить свой взгляд на то, как заканчивается история с художницей?

— То есть, придумать?

— А почему бы и нет? Если ты никогда не узнаешь, что с ней случилось, и не сможешь успокоиться из-за этого, почему бы не нафантазировать концовку?

— Предположим, — неуверенно произнесла я.

— Так не может продолжаться: вечный поиск. Ты начнешь сходить с ума. И семейная жизнь пострадает.

Я подумала о пропущенной мною семейной поездке на пляж в выходные, потому что решила почитать про неопознанные тела утонувших, а заодно понаблюдать за приливами и отливами. Кажется, Прия права?

— Хорошо. Придумаю конец сама.

Но ничего не выходило. Воображение постоянно натыкалось на барьеры. Я размышляла о подходящей концовке. Например, девушка могла покинуть «Зеленую Цаплю» и уехать в Лондон, где под новым именем начала успешную карьеру художника. Но Джордж изучил все работы малоизвестных художников, писавших в стиле прерафаэлитов, и ни одна из них не соответствовала картинам Вайолет. Очевидно, исчезнув, она перестала рисовать или не получила признания.

Я барабанила пальцами по столу в кабинете. Несколько дней назад у Прии родились малыши. Один из них, к всеобщему удивлению и к радости отца, оказался мальчиком. Дочери подруги погрузились в заботы о новорожденных: Нине и Аруне. Прия уже находилась дома и прекрасно со всем справлялась. Я планировала увидеться с ней позже: сначала мне все же хотелось завершить историю Вайолет.

Утомившись от неудачных попыток, я кружилась в офисном стуле и поглядывала из окна на серые волны моря. День был мрачным.

— Где ты, Вай? — произнесла я вслух.

У стены во сне всхрапнул Дамблдор. Как только он немного подрос и научился самостоятельно подниматься и спускаться по лестнице, у него вошло в привычку спать в студии. Я радовалась, что в течение дня не одна в кабинете. Думаю, ему нравилось нежиться

под лучами солнца возле стены. Секретной стены, как в шутку мы ее называли. Потому что именно здесь он любил сворачиваться клубочком, даже зимой, когда солнце не было столь активным. В конце концов, мне пришлось постелить на этом месте специально для него коврик.

Я улыбнулась щенку и вернулась к работе. А что, если в истории художницы нет счастливого конца? Несмотря на мою любовь к ней и отчаянную надежду на то, что ее жизнь удалась, факты указывали на иное.

— Я разберусь. Мною прочитано достаточно криминальных романов, опрошено достаточное количество полицейских и написано достаточно детективов, чтобы придумать правдоподобный конец.

С новым приливом энтузиазма, я вытерла белую доску. Настало время, чтобы выяснить: кто, где, когда. Итак. Эдвин Форрест. Отрицательный герой, склонный к насилию. Фрэнсис и Вайолет, как ни странно, союзницы. Уильям Филипс. Мастер на все руки. Хорошо знал дочь хозяина, у которого работал на протяжении нескольких лет. Скорее всего, был ее защитником.

Весь день я провела в офисе, разглядывая доску. Зная немало о преступлениях, домашнем насилии и убийствах я проигрывала разные сценарии того злополучного дня. Единственное, что смущало, так это то, что Филипс был найден снаружи дома Форрестов, а то время как Эдвин оказался внутри, возле лестницы, а его жена наверху, на лестничной площадке.

— Это была ты? — обратилась я к Фрэнсис на фото, которую Винни отдала мне. — Ты сопротивлялась и столкнула мужа с лестницы?

Если это так, то я не осуждаю, а наоборот восхищаюсь ее поступком. И все-таки, что случилось с Вайолет?

Четыре участника драмы возле дома Форрестов: Вайолет, Фрэнсис, Уильям и Эдвин. Идет дождь. Значит, не до болтовни и не до садоводства. Можно лишь выходить, либо заходить в дом. Предположим, Вайолет, проходя мимо, стала свидетельницей ссоры или драки между Фрэнсис и Эдвином. Жена просила мужа уйти? Какова бы ни была причина, я представляю, как Вайолет бросается на помощь. Уильям Филипс оказался тоже втянутым? Известно, что Эдвин жесток. Может, мужчина напал на Вайолет, а Филипс поспешил на защиту?

Я нарезала круги по кабинету. Дамблдор пугался под ногами в надежде поиграть со мной.

— Значит, скандал, — вслух размышляла я. — Вайолет пытается все уладить, а Эдвин нападает. Он жестокий и злой. Что ей делать? Он бил ее раньше? Ей страшно? Она хочет убежать?

Я посмотрела из окна на бурное море.

— Куда бежать? На пляж?

Я покачала головой. Девушка не рискнула бы скрыться на побережье в такой ненастный день, когда ветер вздымает волны.

— Она бы пошла домой, — сказала я Дамблдору. — Бежать туда, где безопасно.

Щенок твякнул в знак согласия, или просто потому, что хотел играть. Я наклонилась и погладила его. На радостях он побегал вокруг меня, потом бросился к своему коврику. Снова улегся, свернувшись. Я задумчиво смотрела на собаку.

— Она хотела быть в безопасности, — медленно повторила я. — Наверное, только

здесь, в студии, она чувствовала себя в безопасности?

Я оглядела шкаф позади себя: при желании можно протиснуться внутрь. Но оставаться там долго невозможно: Вайолет непременно нашли бы. Я воззрилась на загадочную стену: а что, если сумасшедшее предположение имеет место быть?

Я осторожно отодвинула коврик с собакой и прикоснулась к стене. Она была немного теплее в этом месте. Почему щенок предпочитал спать именно здесь? Скорее всего, он просто согрел этот участок своим теплом. Сидя на полу, я провела рукой по кирпичам у плинтуса в надежде почувствовать что-то еще? Любимый участок Дамблдора более гладкий, в то время как остальная часть стены, заклеенная обоями, шершавее.

— Мамочка?

Я вздрогнула. Возле меня стоял Оскар. О, который час? Неужели уже так поздно?

— Привет, милый! Как школа?

— Я хочу iPad. Можно?

— Не сейчас. После ужина.

Я была слегка раздражена из-за того, что ход мыслей прерван.

— Всего на минуточку, — мило улыбнулся сын. — Почему ты на полу?

— Я кое-что искала. Хочешь помочь?

— А после возьму iPad?

— Нет, только после ужина. Теперь поможешь?

Оскар пренебрежительно посмотрел на меня:

— Не буду помогать, пока не получу iPad.

— Нет, — снова ответила я.

— Но... — начал Оскар.

— Нет!

— Ты даже не даешь мне сказать.

— Нет!

— Ненавижу этот дом, — вспыхнул сын. — Дурацкий, дурацкий дом!

И со всей силы, на зависть Дэвиду Бекхэму, мальчик пнул стену возле меня. Неожиданно его нога проломила дырку и застряла.

— Мамочка! — в ужасе закричал сын, прыгая на одной ноге.

— Оскар! — Я подхватила его, боясь, что он упадет.

— Прости. Ты сердисься?

Я поднялась и поцеловала плачущего сына в макушку.

— Вообще-то, нет. Ты нашел то, что я искала. Ты — умница!

Оскар растерялся. Я хотела аккуратно вытащить его ногу из стены. Мне не удалось: спасибо прочной школьной обуви.

— Вытащи ногу из туфли.

— Не могу. Помоги мне!

Я сдержала смех и наклонилась. Дотянулась сквозь дырку до липучки башмака.

— Поверти ногой.

Оскар послушался, и вскоре вытащил ногу без обуви. Башмак остался в стене. Сын стоял, опустив голову.

— Прости, мамочка.

— Зачем же пинаться? — как можно строже спросила я, скрывая восторг по поводу дырки в стене. — Но, возможно, ты мне очень помог.

Глава 62

У Оскара все еще был непонимающий и растерянный вид. Я обняла сына.

— Папа дома?

Мальчик кивнул:

— На кухне с Маргарет.

— Снимай второй ботинок и беги к папе. Расскажи ему, что случилось и позови.

Оскар скинул туфлю, не утруждаясь расстегиванием липучек, и был таков.

Я потянула за ботинок, застрявший в стене. Он не двигался. Потянула сильнее, нажав на него. Ботинок провалился за стенку, подняв пыль.

— Что происходит? — В студии появился Бен.

— Смотри, Оскар продырявил стену.

— Что сделал? — воскликнул муж.

— Да все в порядке. Посмотри!

Бен присел рядом со мной.

— Я знал, что там пустоты! — Ликование озарило его лицо.

— Башмак Оскара упал на ту сторону. Может, еще чуток порушить стену, чтобы его вытащить?

Я посмотрела на мужа, надеясь на согласие. Мне не терпелось узнать, что таится там, за стеной. Непременно должна обнаружиться правда о Вайолет.

Бен поднялся.

— Ты куда?

— За молотком.

Через минуту муж снова был рядом.

— Мальчишки смотрят «Эльф». Я объяснил Маргарет, что мы нашли кое-что интересное в твоём кабинете. Она заваривает им чай.

— Отлично!

Бен ударил молотком по краю отверстия. Пока он работал, я обдираю обои. Усилиями мужа мы прорубили маленькое квадратное отверстие.

— Мне всегда было любопытно, почему Дамблдор спит на одном и том же месте? Я словно чувствовала что-то, но не могла объяснить. Когда в кабинете появился Оскар, я как раз сидела на полу и размышляла над этим.

— Думаю, здесь участок стены деревянный, а остальная часть кирпичная. Поэтому тут теплее. Наверное, в этом причина любви щенка. Ага, вот почему нога Оскара прошла сквозь него. Посмотри на маленький люк с петлями. Он прогнил. Если бы сын пнул слегка, то лишь ушиб ногу, но не продырявил стену.

Бен просунул руку в отверстие и вытащил детский башмак. Я убрала деревянные щепки, и мы вместе с мужем наклонились, чтобы заглянуть внутрь.

— Видел бы кто нас сейчас!

Пытаясь шутить, я, на самом деле, чувствовала, как шевелятся мои волосы на затылке. Бен передернул плечами. Я немного поморгала, чтобы привыкнуть к тусклому свету. И не поверила глазам!

— Мне кажется, там картина. Контуры и бледные цвета.

Бен недоверчиво покосился на меня:

— Где?

— Там! — Я указала на стену. — Видишь краски?

— Ничего не вижу.

— Я смогу пролезть. Мне хочется посмотреть. — И сама подивилась своей смелости.

— Ты не пойдешь. А если выйти не сумеешь?

— Трусишка зайка серенький!

Муж нахмурился.

— Подожди. Серьезно, это небезопасно. Что если вся стена обрушится?

— Она стоит здесь больше века. По-твоему, дом внезапно рухнет только потому, что ребенок пнул стену? Чувствую, это как-то связано с Вайолет. Что если найду ответ, который так долго искала?

Бен снова передернул плечами.

— Хорошо. Но только будь осторожна, пожалуйста.

Лежа на животе и извиваясь всем телом, я проползла в узкое отверстие. Оказавшись внутри, поднялась на ноги, стряхнула с себя пыль и потрясенно выдохнула:

— О, боже!

Невероятное зрелище предстало перед моими глазами: крошечное пространство с единственной нишей дымохода. Всю ширь противоположной от входа стены покрывала великолепная картина. Я остолбенела от изумления. Огромная копия «Марианны» со вновь измененными деталями. Теперь нарисованная девушка изображала саму Вайолет, а комната, в которой она ждет своего суженного — эту самую клетушку, в которой сейчас находилась я. Работа молодой художницы, нет сомнений. На картине в комнате на заднем плане горела свеча. Я прищурилась, оглядываясь: и на самом деле из угла исходило странное неземное сияние. В форме женщины. У ног Вайолет на картине вместо листьев — скомканные клочки бумаг.

— Элла, — позвал муж. — Элла?

— Бен. Ты должен увидеть сам.

— У меня плечи широкие. Я не смогу.

Я хмыкнула:

— Если уж я смогла протащить свою задницу, твои плечи — просто детский лепет. Пролезай!

Послышался стук. Появилась голова мужа. Медленно, ругаясь и ворча, он вполз в комнату, поднялся на ноги и устался на стену.

— Твою же мать! Это Вайолет!

— Вайолет! Невероятно! Она застряла в этой крошечной комнате. Думаю, той злополучной ночью девушка бежала от Эдвина Форреста и скрылась здесь.

— Возможно. Хотя, не могу представить, чтобы кто-то мог тут добровольно прятаться.

Я прошла в угол. Там громоздились несколько коробок и свернутые холсты.

— Художественные принадлежности, — сказала я, вытаскивая из кучи одну из картин. — Работа Вайолет. Наверное, лучше не разворачивать. Боюсь повредить. Может здесь была не тайная комната, а ее рабочая студия. Своего рода убежище?

Бен покачал головой:

— Не думаю. Смотри!

Он указал на стену напротив: над отверстием, которое мы прорубили, неровным почерком было выведено «*Вайолет Харгривз*», снизу перечеркнутое толстой черной линией имя «*Эдвин*», и, наконец, в самом низу «*Прости, Фрэнсис*».

Я прижала руку ко рту:

— О, нет!

Бен подошел к другому углу, где лежала куча тряпок, жестких и обесцвеченных от времени. Он склонился над ними и отодвинул верхний слой. Муж резко отпрянул, выронив тряпку. Я подпрыгнула.

— Что там? — Хотя уже знала ответ. Все мои худшие опасения подтвердились. — Это Вайолет? Вайолет?

Бен обнял меня. Он дрожал.

— Мне кажется, да.

— Я хочу видеть.

— Нет.

— Я хочу увидеть ее.

Бен уступил. Мы склонились над тряпьем.

— Готова?

Я кивнула, сжимая кулаки, чтобы унять волнение.

Бен приподнял верхний слой, под которым лежали кости. На удивление маленькие, сложенные в позе эмбриона.

— О! О, бедная девочка!

— Не прикасайся, — предупредил Бен. — полагаю, теперь это место преступления или вроде того.

— Вайолет, мы нашли тебя. Мы позаботимся о тебе.

— Идем. Надо уходить. Позвони Прие. Она подскажет, что делать дальше.

Муж протиснулся к выходу, я следом за ним. Мы вместе спустились в гостиную.

— Не могу поверить: она была здесь все это время. — Меня била дрожь. — Думаешь, девушка попала в ловушку по ошибке? Должно быть, так и было. Какой ужас застрять там, в таком крошечном пространстве и не иметь возможности выбраться.

— Наверное, она не смогла открыть дверцу, — предположил муж.

Его бледное лицо выглядело потрясенным. Он все еще дрожал. Я понимала, что выгляжу так же.

— Или Эдвин Форрест запер ее, — добавил он.

Мне стало плохо.

— Бедная Вайолет, — прошептала я. — Бедный Маркус. Почему он не проверил весь дом, прежде чем закрыть его?

— Вероятно, проверил. Но даже если он заглянул в каждую комнату, ему не пришло в голову проверить все шкафы. А если к тому времени прошло несколько дней, и даже недель, то все равно было поздно.

Настоящая жизнь оказалась еще более непредсказуемой и жестокой, чем мои худшие опасения.

— Поиски, расследования, а девушка была здесь. Все это время!

Сердце мое покрылось свинцовой тяжестью.

Мальчики ужинали с Маргарет. Она удивленно подняла брови, увидев нас, покрытых грязью и пылью. Над головами детей я проартикулировала ей: «объясню позже» и взяла телефон. Набрав Прию, я вышла в холл, подальше от детских ушей.

— Я нашла ее. Нашла Вайолет.

Глава 63

Меня все еще трясло. Разговаривая с Прией, я едва сдерживала слезы. Ужасала сама

мысль о том, что тело бедной девушки сто пятьдесят лет оставалось ненайденным. Но вместе с тем я испытывала странное чувство радости и облегчения от того, что мы ее все-таки нашли.

— Черт возьми! Почему вы не обнаружили ее до рождения моих сорванцов? — возмутилась подруга. — Мне сейчас не вырваться к вам.

Я улыбнулась:

— Тебе все равно не удалось бы пролезть в дырку в стене. Ты можешь кому-нибудь сообщить? Позвонить полиции?

— Конечно. Я все улажу. К вам приедут. Только ничего не трогайте. — Она помолчала. — Сделаешь фотографии?

— Вурдалак! Но, ты права. Попрошу Бена.

Муж сделал много фотографий, пока я вводила в курс дела Маргарет.

— Вайолет была все время там? — удивилась няня. — Какой кошмар!

— Я так рада, что мы нашли ее.

Маргарет отвела мальчиков в гостиную смотреть фильм. Мы с Беном устроились на кухне, ожидая приезда полиции.

— Ты в порядке? — спросил муж.

Я кивнула:

— Как ни странно, да. Если не думать о том, что пережила Вайолет.

Бен наморщил лоб:

— Жуткая история. Единственно, надеюсь, что это не Эдвин насильно запер ее там, а она сама спряталась в комнате. По собственной воле. Я думала о надписи на стене невольной тюрьмы. О том, что имя «Эдвин» было перечеркнуто. Кто бы ни убил его: Фрэнсис или кто-то другой, мужчина наверняка заслужил это.

Вскоре прибыла полиция. Я нервничала. Но полицейские, а их было двое: седовласый пожилой мужчина с блеском в глазах и энергичная молодая констебль по имени Джоэли, успокоили меня.

— Что ж, вы прожили здесь всего каких-нибудь десять минут и раскрыли преступление, которое волновало местное население вот уже сто пятьдесят лет? — Девушка улыбнулась через плечо, пока мы поднимались на чердак. — Трев посвятил меня в детали истории.

— Вообще на самом деле это наш сын, Оскар помог нам. Оскар и его скверный характер.

Я показала им отверстие в стене, Трев кивнул.

— К чему-нибудь прикасались?

— Мы поднимали тряпки над останками, но положили их на место.

Мне не хотелось снова оказаться в той комнатухе, поэтому Бен прополз туда вслед за полицейскими. Немного погодя они вернулась в комнату.

— История очень старая, — сказала Джоэли, выползая из каморки. — Нет необходимости вас допрашивать.

Она позвонила следователю по убийствам, квалифицированной, стильно одетой женщине Мейв Грегори, которая в течение часа прибыла на место. Наблюдая, как Мейв разворачивалась на своем белом BMW, я позвонила папе и сообщила о случившемся. Маргарет ушла ужинать домой, Бен готовил чай для полицейских.

— Боже правый, — отозвался папа. — Все это время она была там?

— Да, по другую сторону стены. Такая трагедия.

— Как обстановка? Нужна помощь?

— Нужна, если ты не против.

Я была благодарна папе и Барб, решившим забрать внуков к себе на ночь. Мне не хотелось, чтобы мальчики, досматривающие рождественский фильм, видели детективов и следователей в доме. И как полиция и гробовщик приедут забирать останки Вайолет. Стэн несказанно обрадовался предстоящей ночи у дедушки. В отличие от сдержанного Оскара.

— Это из-за девушки с картины? — поинтересовался старший сын.

Не в первый раз я поразились тому, что дети обращают внимание на детали вокруг, даже если создается ложное впечатление, что это не так.

— Вроде того, — призналась я. — Но волноваться не о чем. Она жила в нашем доме давным-давно и рисовала картины на стенах.

— С ней случилось что-то плохое? — Мальчик внимательно смотрел на меня.

Я обняла его и погладила по голове.

— Она умерла. Но никто этого не знал. Ее искали. Но теперь мы сделаем так, чтобы все о ней узнали.

Процедура пошла быстрее после того, как мальчики уехали. Мейв осмотрела тело.

— Можно нам прорубить стену еще немного? — спросил один из полицейских.

Я зажмурилась при мысли о беспорядке и грязи, но знала: так нужно, чтобы легче и быстрее выволить Вайолет и ее картины из каморки. Я убрала записные книжки, компьютер, чтобы уберечь их от кирпичной пыли. Теперь полицейских прибыло больше. Кто-то был в штатском, кто-то с молотками в руках. Я, валясь с ног от усталости и пережитого потрясения, наблюдала, как они пробивали дыру в стене, достаточно большую, чтобы команда специалистов из университета Сассекса, вызванная Мейв, смогла пройти внутрь. Когда они, наконец, приехали, наступила ночь. Их было трое: судебный антрополог по имени доктор Дэвис, похожий на младшего, сумасшедшего брата Луи Теруи¹⁷ и два чрезмерно восторженных аспиранта философии. Они провели более часа в студии, запечатлевая на камеры сцену преступления, собирая образцы лохмотьев. Мужчины аккуратно положили Вайолет на доску и осторожно вынесли ее из клетушки, а потом вниз по лестнице.

— Пожалуйста, обращайтесь с ней бережно, — попросила я, когда дверь кузова маленького фургона, куда поместили останки художницы, закрылась.

Доктор Дэвис улыбнулся, убирая челку с глаз:

— Обязательно! Как всегда!

Я верила ему.

В доме наступила неожиданная тишина: ни детективов, ни детей, ни Вайолет. Только я и Бен. Все еще находясь под впечатлением, мы смотрели телевизор, надеясь, что промелькнет сообщение о произошедшем у нас в доме. Но, конечно, было еще рано для таких новостей.

— Пока нет, — сказал Бен. — Но людям будет интересно. Ты должна написать эту историю, Элла.

Я так и сделала.

Глава 64

Наши дни

Шесть месяцев спустя

Элла

Я смотрела на море, наслаждаясь теплом весеннего солнца. Легкий бриз обдувал мои волосы и плечи, приподнимал подол платья. Я заправила непослушные локоны за ухо, разгладила платье на уже явственно проступающем животе. Беременность для меня стала сюрпризом, но я быстро свыклась с мыслью, что теперь нас пятеро. На прошлой неделе мы с Беном узнали, что новый член семьи — девочка. Я хотела назвать ее Вайолет. Почувствовав движение внутри живота, я улыбнулась и прошептала:

— Привет, малышка Вайолет. Твое имя принадлежало удивительной леди.

Я посмотрела на часы. Есть еще несколько минут до начала. Сегодня состоится что-то вроде праздника. Если можно так назвать церемонию захоронения останков Вайолет на деревенском церковном кладбище рядом с могилами ее родителей и младшего братика. Потребовалось некоторое время для экспертизы, чтобы подтвердить: найденные на чердаке нашего дома останки принадлежали юной художнице.

Доктор Дэвис и его увлеченные ученики сделали много тестов. Они проверили ДНК и кости. Подтвердили, что возраст останков и дата исчезновения Вайолет в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году совпадают. В животе девушки ученые обнаружили крошечные косточки, которые, без сомнения, указывали на беременность Вайолет. Я так и думала, хотя до последнего не верила. На душе скребли кошки.

Пока доктор Дэвис занимался профессиональными делами, папа, засучив рукава, отслеживал наследников художницы со стороны ее тети, той самой, которая ухаживала за маленькой Вайолет после смерти матери девочки. После подключилась Барб и выяснила, что ближайšie родственники теперь живут в Австралии. Она позвонила одному из них. Мы с облегчением узнали, что им оказался энергичный школьный учитель Карл Риверс, который любил все британское и увлекался историей. Он сразу же согласился на анализ ДНК и на следующий день отправился в местный полицейский участок для забора образца. Мы ждали, когда австралийская полиция вышлет его Прие, а та передаст данные доктору Дэвису. На получение результатов ушли недели. Но, в конце концов, было установлено, что тело на чердаке принадлежит Вайолет, в чем мы с Беном и не сомневались.

Я хотела официального признания, поэтому была чрезвычайно благодарна всем за помощь. По электронной почте отправила Карлу фотографии картин девушки и рассказала ему все, что мы знали про нее. В ответ он выслал ссылку на местную статью в «Дарвине» о его британской предшественнице и его роли в установлении ее личности. В Оз¹⁸ была середина учебного года. И Карл не смог вырваться в Великобританию на сегодняшнюю церемонию прощания, но я обещала подробно написать ему о ней.

Дочка вновь зашевелилась, вернув меня к реальности.

— Ну что же, — сказала я ей. — Поехали!

Может ли панихида по Вайолет считаться похоронной церемонией после смерти, имевшей место сто лет назад? Наверное, да. Закончилась одна история, началась другая. Вайолет ушла, но ее репутация художника только набирала силу. Так размышляла я, направляясь к дому.

На следующий день после того, как доктор Дэвис и его команда забрали кости девушки, мы с Беном в студии аккуратно сворачивали ее картины. Их было много, может не таких чудесных, как огромная «Марианна», но каждая из них рассказывала свою собственную историю.

— Посмотри, чем больше она рисовала, тем лучше становилось ее мастерство, — заметила я. — Только представь, какой удивительной художницей она могла бы стать.

Мы зашли в комнатушку, вход в которую стал намного свободнее, чтобы рассмотреть настенную живопись.

— Дух захватывает. Что с ней делать? — спросила я.

— К полиции картина не имеет отношения, — ответил муж. — Значит, останется здесь.

Но я хотела, чтобы «Марианну» увидели люди. Невыносимо думать о том, что самая лучшая работа Вайолет останется незамеченной. Я решила сфотографировать ее и отправить Джорджу. Он прилетел к нам практически на следующий день, возбужденный от путешествия и от желания оценить все своими глазами.

— Потрясающе, — произнес он, когда я с гордостью продемонстрировала ему фреску. — Потрясающе!

Он осторожно дотронулся до стены.

— Повезло с климатическими условиями в комнате. Минимальное повреждение от окружающей среды.

— Что мы можем сделать? — поинтересовалась я. — Возможно ли вынести картину?

Джордж бросил на меня взгляд через плечо:

— Обязаны!

Мы пытались придумать, как извлечь фреску из дома. Было нелегко. Дело усугублял мой токсикоз, а может, возбуждение и стресс. Я не сразу поняла, что беременна.

Тем временем в Сент-Эндрюс Джордж работал не покладая рук. Он связался со всеми известными специалистами по искусству викторианской эпохи. Много читал о прерафаэлитах и их последователях. Написал статью о Вайолет для художественного журнала. К нам приехал фотограф для съемок фрески и стены. Мы поразились тому интересу, который вызвала статья.

А после приехала куратор викторианского искусства из Лондонской художественной галереи. Моложе, чем я себе представляла, с аккуратным темным каре и красивыми туфлями. Я отвела ее наверх.

— О. — Глаза ее горели. Она задыхалась, видимо, уже представляя свое будущее, как специалиста, открывшего Вайолет Харгривз. — О, боже!

— Удастся ли перенести фреску? — несколько резче, чем хотела, поинтересовалась я. — Хочется, чтобы люди смогли познакомиться с картиной и художницей.

— Удастся, — ответила куратор. — Определенно удастся.

Команда из реставраторов, художников и строителей целую неделю аккуратно сносили стену. Обвязав ее толстыми канатами, с помощью кранов и тросов они спустили ее на землю. Сыновья заворуженно наблюдали за работой рабочих во флуоресцентных одеждах, покрикивающих друг на друга. Грузовик перевернул газон, и стена медленно спустилась с верхнего этажа, оставляя отверстие, покрытое брезентом, который уныло хлопал на ветру. К счастью, Тейт¹⁹ покрыл расходы на восстановление мансардной стены, иначе зима для нас была бы суровой.

Открытие выставки Вайолет планировалось в галерее Тейт в сентябре. BBC уже снимали документальный фильм о ней. На следующей неделе должна пройти их съемка в нашем доме. Я написала рукопись о жизни Вайолет так быстро, как никогда. И, к радости агента, уже отослала ее ему. Выход книги должен был совпасть с датой открытия выставки. По словам агента, приехавшего посмотреть наш дом, ходили слухи, что историей, которая могла соперничать с «Аббатством Даунтон»²⁰, заинтересовалось телевидение.

— Это значимое событие, — сказал он, разглядывая фотографии «Марианны», и

осматривая стену в студии. — Действительно значимое. Мы выберем потрясающую актрису для роли Вайолет. Та рыжая из «Доктор Кто» будет идеальна.

Несмотря на то, что произошедшее получило большой интерес и подстегнула мою карьеру, на самом деле все-таки эта история еще и о нас — обо мне, Бене, сыновьях, дочке и Вайолет. Дела на работе у Бена шли блестяще. Мальчики счастливы на новом месте. Я нервничала из-за родов после случая со Стэном. Но за мной хорошо ухаживали в больнице в Брайтоне. Врач заверил меня, что я в надежных руках. А что касается Вайолет, то она получит признание, о котором всегда мечтала, хотя и с опозданием на сто пятьдесят лет.

Рождение близнецов, конечно же, не остановило интереса Прии. Мы продолжали обсуждать, что случилось в ту ночь и сошлись на том, что возле дома произошла драка между Эдвином и садовником Уильямом Филипсом. Прия предполагала, что Вайолет и Фрэнсис стали свидетелями потасовки и бежали от насилия, но в разные стороны. Вайолет скрылась в студии (мы очень на это надеялись. Я не могу подумать, что кто-то намеренно мог заточить ее в комнатухе), а Фрэнсис вернулась в дом, где на нее напал Эдвин. Конечно, до сих пор неизвестно, жена ли столкнула Эдвина с лестницы, или он упал сам. Мне было все равно. Для меня Фрэнсис — победитель, а Эдвин — злодей. Я хотела, чтобы его роль в смерти Вайолет, правда об украденных им работах девушки, сведения о домашнем насилии были преданы огласке. Сегодня Вайолет похоронят. На могилу установят надгробие и к ней смогут приходить люди, чтобы возлагать цветы.

Как только восстановили стену на чердаке, я продолжила там свою работу. Многие интересовались, не страшно ли мне находиться в той комнате, зная, что за стеной умерла художница. Но я не ощущала страха, лишь покой.

— Готова? — Бен обхватил мои плечи рукой. Я повернулась, чтобы поцеловать его.

— Готова, — сказала я. — Еще минутку.

Бен кивнул:

— Конечно. Это был адский год.

Мы прошли через сад к дому. Мальчики, стильно одетые в брюки и голубые рубашки, стояли у дверей кухни. Рядом с ними Барб и отец.

— Винни Флад встретит нас в церкви, — сказал Бен. — Но потом уедет. Ее сопровождает дочь.

— Я так рада, что она смогла приехать, — сказала я. — Это ведь и история Фрэнсис.

Бен помахал мальчикам, Стэн бросился к нему.

Я остановилась, чтобы посмотреть на мою семью, выходящую из ворот сада. Перевела взгляд на окошко чердака, где несколько месяцев назад увидела мистическую фигуру.

На мгновение мне показалось, что снова вижу кого-то в окне. Я моргнула. Видение исчезло.

Notes

[

←1

]

ТАРДИС — машина времени и космический корабль (прим. пер)

[

←2

]

Направление в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века,

выступавшее против условностей викторианской эпохи, академических традиций и подражания классическим нормам (прим. пер.)

[
←3
]
Данте Габриэль Россетти — английский поэт, художник

[
←4
]
Джон Эверетт Милле — английский живописец

[
←5
]
Элизабет Сиддал — британская натурщица, поэтесса и живописец

[
←6
]
Имеется в виду легенда о короле Англии, Дании, Норвегии Кнуде Великом, который, желая проверить свое могущество, велел морскому приливу остановиться

[
←7
]
Джон Рёскин — английский писатель, поэт, художник, литературный критик

[
←8
]
Камден Таун — район Лондона

[
←9
]
Джули Эндрюс британская актриса, певица и писательница

[
←10
]
«Маленькая принцесса» ([англ. *A Little Princess*](#)) — роман для детей английской писательницы [Фрэнсис Элизы Бёрнетт](#).

[
←11
]
«Марианна» — стихотворение лорда Альфреда Теннисона, 1830 г.

[
←12
]
Британское шоу, где оценщики в различных регионах Соединенного Королевства дают цену антиквариату, привезенному местными жителями

[
←13

] Книга английской писательницы Джулии Дональдсон

[
←14

] Графство на востоке Англии

[
←15

] Персонаж их пьесе У. Шекспира «Макбет»

[
←16

] Британский спиртной напиток на основе летнего пунша

[
←17

] Луи Теру — американский и британский режиссер — документалист, журналист

[
←18

] Оз — сленговое название Австралии

[
←19

] Тейт — группа галерей, в которых выставляется национальная коллекция британского искусства с 1500 года по наст. вр.

[
←20

] «Аббатство Даунтон» — британский исторический драматический телесериал.